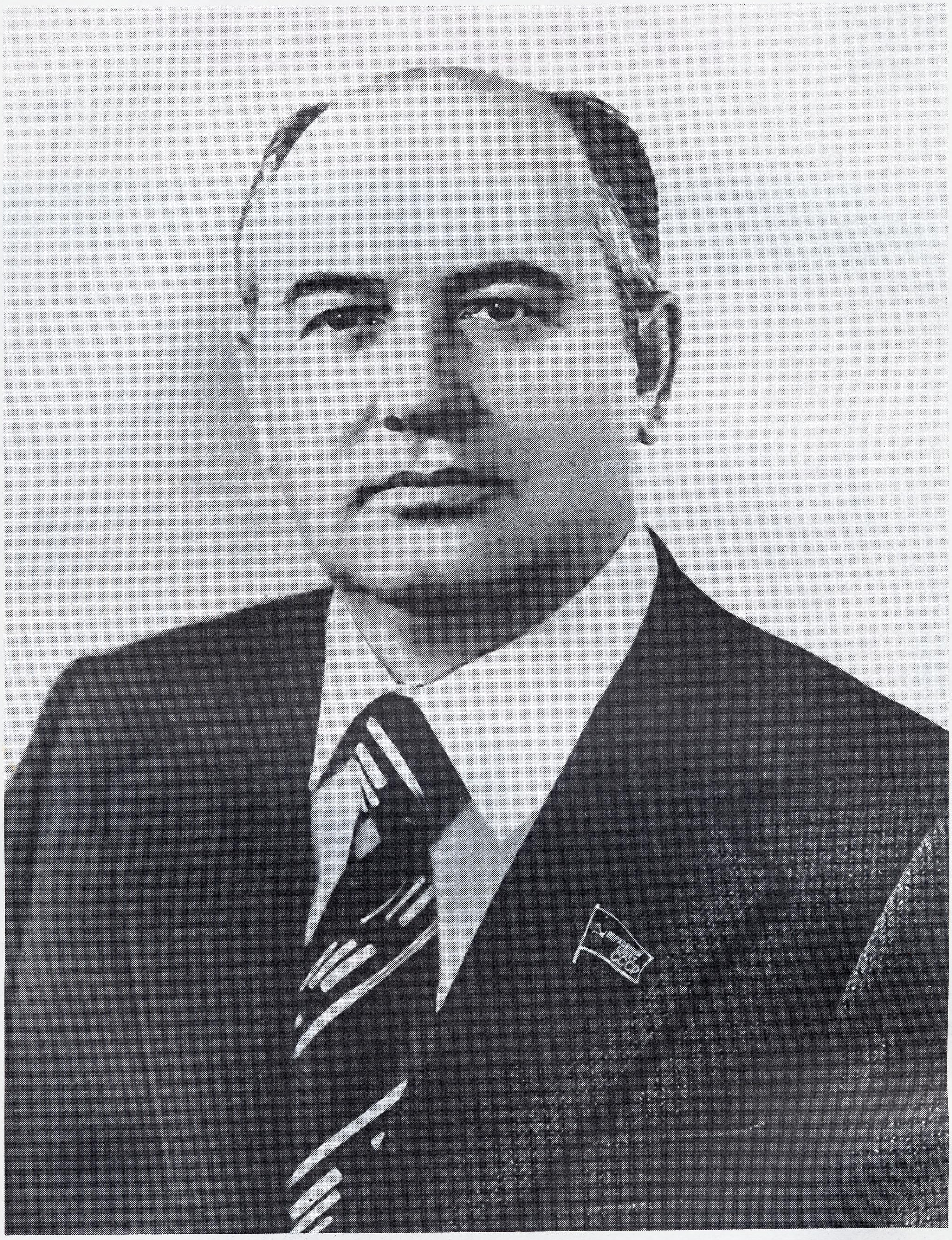
ПИОНЕР 4

1985



Михаил Сергеевич
ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8—11-го созывов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачиваются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Залп «Авроры» возвестил о рождении нового мира, о создании на земле первого государства рабочих и крестьян. Партия под руководством Владимира Ильича Ленина повела народ на Вооруженное восстание. Великий Октябрь изменил жизнь не только нашей страны. Великий Октябрь повлиял на судьбы всего человечества.

Память о революционерах, которые прошли сквозь тюрьмы и ссылки, память о героях гражданской войны, кто штурмовал Перекоп, громил Колчака, разбил Деникина, память о

Неделя революционной славы

человеке труда, который из отсталой России сделал великую индустриальную державу,— вечна и священна.

В честь героев Октября, героев гражданской войны каждый год проводится теперь с 31 октября по 6 ноября Неделя революционной славы.

Эта традиция Ленинского комсомола и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина родилась в 1977 году, в канун празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Неделя революционной славы открывается дружинной пионерской линейкой.

В этот день в отрядах происходят встречи с ветеранами партии, комсомола, пионерского движения, героями войны и труда. Друзья пионеров рассказывают о Владимире Ильиче Ленине и его верных соратниках, о памятных событиях 1917 года, о битвах гражданской войны и ее героях. Народные депутаты, комсомольские и пионерские работники ведут разговор о том, как под руководством партии изменился облик родного края, города, района, в котором живут юные ленинцы. В этот день у Поста № 1, у памятников героям Октября и гражданской войны выстраивается почетный пионерский караул. Он несет вахту каждый день Недели революционной славы.

В дни Недели революционной славы юные ленинцы организуют трудовые десанты, благоустраивают дворы и улицы, парки и скверы. Изучают историю улиц и площадей своих городов, носящих имена героев. Узнают биографии людей, чьими именами они названы. Пионерские агитбригады дают концерты художественной самодеятельности, где исполняются революционные песни, звучат стихи о Ленине, партии, Родине.

В каждой дружине проходят праздники Красного Знамени, Красной Звезды, Красного Галстука, встречи трех поколений.

Пионерские отряды организуют экскурсии в краеведческие музеи, посещают музеи и выставки революционной, боевой и трудовой славы, открытые на предприятиях и рассказывающие о их славной истории.

Пионеры рапортуют рабочим, труженикам полей о своем вкладе в свершения пятилетки, поздравляют победителей социалистического соревнования, дарят им цветы и памятные сувениры.

В последний день Недели проходит торжественный прием в ряды Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Старшие пионеры, которые получили рекомендации Совета дружины и вступили в комсомол, в этот день получают комсомольские билеты.

Пионеры вместе с ветеранами партии и комсомола возлагают цветы к памятникам В. И. Ленину и его верным соратникам, монументам, обелискам, стелам, мемориальным доскам, открытым в честь славных борцов за победу революции, за установление и упрочение Советской власти, за претворение в жизнь заветов Ильича.

Неделя революционной славы — это смотр работы каждой пионерской дружины, экзамен юных ленинцев на верность заветам вождя революции — Владимира Ильича Ленина.

22 апреля — день рождения В. И. Ленина

Елена БЛАГИНИНА

ЛЕНИНУ

Я целый день с тобой веду
Сердечный разговор
О том, что вечером пойду
На пионерский сбор.
Он будет посвящен тебе,
Твоей судьбе, твоей борьбе.

Я тоже буду говорить
(Хоть страшновато мне!)
О том, как нам работать, жить
И как по-ленински служить
Своей родной стране.

А напоследок я скажу,
Что часто подолгу гляжу
На детский твой портрет.
И что волнуюсь каждый раз,
Встречая этих чистых глаз
Простой и ясный свет.

Рисунок В. ФЕДОРОВА.

М. ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской и премии Ленинского комсомола

НА ГРАН-РЮ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 1—3.

15

После Лонжюмо Ильины почти год жили в Париже на знакомой тихой улочке Мари-Роз, неподалеку от парка Монсури, манившего в тень ширококолистых столетних каштанов и платанов или на просторы залитых солнцем полян. Белые лебеди горделиво плавали на зеркальной поверхности озера с прозрачной до дна водой.

Здесь и любили Владимир Ильич и Надежда Константиновна, спасаясь от парижской сутолоки, отдохнуть, погулять, почитать газеты, купленные в киоске по дороге. Но нечасто удавалось порадоваться изумрудной зелени и свежему воздуху парка Монсури. Владимир Ильич бесконечно работал. Отсюда, издалека, тайными путями, пользуясь тайными связями, руководил всей партийной работой на родине. В апреле 1912 года стала выходить ежедневно созданная по его замыслу первая марксистская рабочая газета «Правда». Владимир Ильич ее растил, направлял, называл «родным детищем Партии». В начальные же годы жизни «Правды» более двухсот восьмидесяти статей и заметок написано им для газеты.

Из Парижа Владимир Ильич с семьей переехал в польский город Краков, ближе к родине. Здесь продолжал для нее партийный труд, труд и труд! Ленин направлял борьбу против буржуазного пра-

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АПРЕЛЬ 4
Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

вительства и капитализма не только русских, но рабочих всех стран. Его имя стало известно и дорого передовым людям мира. Но враги революции тоже знали Ленина, ненавидели, хотели бросить в тюрьму. Однажды и бросили. Это было в Польше, вскоре после начала войны 1914 года. Страшно опасное время пережил Владимир Ильич! Был от смерти на шаг. Верные товарищи поднялись на защиту, добились, вырвали вождя партии из жандармского плена.

В разгаре была мировая война. Германия и Австро-Венгрия против России; Франция и Англия заодно с Россией против Германии. На сотни и сотни верст заливались кровью истоптанные солдатскими сапогами, копытами конниц и колесами пушек поля. Тысячи, тысячи русских, французских, английских, немецких вдов безутешно оплакивали погибших в сражениях мужей и сынов.

Ленин задолго предвидел: война будет. Пока капитализм жив, война неминуема. Капиталисты наживают на войне миллиарды. Грабят чужие земли, чужие богатства, угнетают народ, преследуют и уничтожают коммунистов, политических учителей пролетариата — вот цели и задачи капитализма во все времена. Для достижения хищнических целей капиталисты устраивают войны.

Ленин написал Манифест против войны. Ленинские статьи и листовки тайно распространялись на фронте. Солдаты читали, задумывались.

Превратить войну империалистическую в гражданскую. Обратить винтовки и пушки против царей, буржуев, помещиков всех стран — звал Ленин, звал к революции.

В феврале 1917 года русские рабочие свергли царя. Весть о революции застала Владимира Ильича и Надежду Константиновну в Швейцарии. Владимир Ильич писал книгу об империализме. Надо знать жизнь и историю всех времен, чтобы ее написать. В швейцарском городе Цюрихе богатые библиотеки. Владимир Ильич в них работал. И библиотеки и сам город, оживленный и шумный, нравились Ленину. Много заводов, рабочих. С рабочими Владимир Ильич держал связи.

Синева и солнечное сияние дивного озера радуют глаз. Громады гор поражают. Величественно богата, разноцветна, наполнена ароматом роскошных цветов природа Швейцарии.

Но как тосковали они о России! О ржаном поле — повеял ветер, и все оно заколыхалось, заходило волнами; луговых речушках, где вдоль зеленых берегов стоят, раскинув по воде круглые листья, золотые кувшинки; белоствольных березовых рощах, русском говоре, людях. Все годы эмиграции они мечтали, томились, ждали возвращения домой. Нельзя было. Теперь можно. Однако сколько пришлось пережить тревог, пока добились пропуска. Наконец, наконец они едут! Громыхает поезд. Мелькают мимо окон чужие города, поселки, горы, леса. Бесконечна дорога. И вот Петроград. Поезд замедлил ход, приближаясь к ночному Финляндскому вокзалу на Выборгской стороне. Мощный паровозный гудок возвестил прибытие Ленина. Что это? Тысячные толпы людей заполняют перрон. Рабочие. Красногвардейцы. Матросы.

Огненным цветом пылают освещенные прожекторами знамена. Оркестр исполняет «Марсельезу».

— На караул! — раздается команда.

Солдаты, матросы берут на караул.

— Да здравствует Ленин! Долой войну! Да здравствует революция!

«Сбывается. Свершилось. В России революция. Мы победили!» — вихрем несутся мысли Надежды Константиновны. Она тесно прижимает руки к груди, сердце колотится, замирает.

Толпа почти на руках вынесла Владимира Ильича на вокзальную площадь. И здесь море людей. Старые, молодые. Господ не видно. Рабочие лица, рабочие куртки, ношеные пальтишки, солдатские шинели.

Среди встречающих Иван Дмитриевич Чугурин, ученик Лонжюмо. А изрядно за шесть лет изменился. От глаз к вискам протянулись морщинки. Построжел взгляд. Седая прядка белеет в волосах. Не годы, пережитое оставило след.

Чугурин пришел встречать Ленина с группой партийных товарищей. Собрались у вокзала задолго. Товарищи делились беспокойством и радостью ожидания. Голоса не смолкали. А Чугурин молчит. Единственный из членов Выборгского райкома партии, кто видел, слушал, знал Ленина. Не день и не два. И в такой удивительный час, когда паровоз вот-вот прогудит возвращение Ленина, товарищ Чугурин молчит.

— Чугурин, чего ты молчишь?

— Не тревожьте его, — вмешался другой член райкома. — Знаете, что предстоит человеку? Единый раз в жизни. Не каждому выпадает такое. Обдумывай, Чугурин, готовься. Не забудь, мы рядом с тобой.

Чугурин готовился. Подготовка его состояла в том, что час-два-три, пока, заранее собравшись, они ожидали поезд, он перебирал, обсуждал, заново переживал события своей не слишком долгой, но, оказывается, и немалой жизни. Немалой, нелегкой.

Не много времени после Франции пробыл на свободе Чугурин. Полиция сразу установила за ним слежку. Жандармы припомнили Сормовскую рабочую демонстрацию против царя, Чугурина в первых рядах. Тогда острог, теперь ссылка в суровый Нарымский край на север Сибири. Через четыре года Чугурин бежал. В 1916 году приехал в Петроград, устроился работать на заводе на Выборгской стороне.

Выборгская сторона — густонаселенная окраина столицы, важнейший промышленный центр. Семьдесят тысяч рабочих! Большинство металлистов, передовых пролетариев. Существование пролетариев полуголодное, нищее. Работа двенадцать — четырнадцать часов в сутки, а плата шестьдесят копеек в день. Прокорми семью, обуй, одень детей, запаси на зиму дров. Гнилые, вросшие от старости в землю дома, не дома, а хибары. Улицы тонут в грязи. На весь Выборгский район шестнадцать классов начальных школ. Конечно, ни театра, ни клуба, зато пятьдесят три церкви и десятки кабаков, винных лавок, пивных на каждом шагу, зато страшащая жестоким режимом тюрьма для политических заключенных под названием «Кресты» и вторая, военная.

Нельзя так жить! Надо менять общественный строй. Единственный путь — революция. Так учил и учит Ленин, знает Чугурин. Ни дня не медля, с головой уходит в революционную борьбу. Огромную работу исполнили выборгские большевики и беспартийные рабочие для подготовки и свершения революции!

— Долой войну! Долой царя! — призывал Чугурин на рабочих митингах.

Его избирают секретарем подпольного Выборгского райкома партии. Большевики и передовые пролетарии организуют на заводах непрестанные

забастовки и стачки. Захватывают Финляндский вокзал, что на Выборгской стороне. Забирают в Арсенале 40 тысяч винтовок, 30 тысяч револьверов. Вооружившись, освобождают Кресты и военную тюрьму, политические заключенные на свободе. Солдаты, целые полки переходят на сторону рабочих. Выборгские большевики при поддержке солдат и рабочих вынуждают заводчиков сократить рабочий день до десяти и восьми часов.

Ужасающие условия работы в цехах губили людей. В меднопрокатном заводе нет вытяжной вентиляции — за пять лет молодые мужчины уходили в могилу. На сигаретной фабрике, где работали в основном женщины, чахотка поражала их поголовно.

«А помнишь,— мысленно спрашивал себя Иван Дмитриевич Чугурин,— Ленин тогда, в школе, говорил: закон капиталистического накопления ведет к обнищанию, вымиранию рабочего класса. Помнишь, наш доктор Александров приводил статистику вымирания детей рабочих и вообще рабочего класса. Против Выборгской стороны, на том берегу Невы, красуются царские и вельможные дворцы, а мы... Довольно! Срок настал, сброшены богатеи. Сбылось, Владимир Ильич, чему вы учили в Лонжюмо. Готовили нас к борьбе и победе. Превратить войну капиталистических заправил в гражданскую войну против них. Вы нас учили и учите. Добьемся, Владимир Ильич!.. Светло на душе, как представишь то лето, вашу партийную школу в Лонжюмо, Владимир Ильич. В моей жизни самое счастливое время! Надежды, планы! А учиться-то как интересно! И дружили мы хорошо! Так прекрасно дружили! Каждый день помнится, каждый день любится. И ребятишки там были. Я ребятишек люблю, что русский он, что поляк, что француз. И вы, Владимир Ильич, любите детей, мы замечали, мы все замечали. Наше справедливое общество мы ведь и готовим для них. С приездом на родину, Владимир Ильич, поздравляю!»

Так мысленно разговаривал с Лениным Иван Дмитриевич Чугурин, ученик партийной Ленинской школы в Лонжюмо.

Прибыл поезд. Музыка, мощно звучит «Интернационал», ликуют толпы людей.

И вот наступает очень важный момент.

— Иван Дмитриевич! — узнает среди встречающих Чугурина Владимир Ильич. Протягивает руки, крепко обнимает «товарища Петра».

В глазах Ленина радостный свет. Весь он — счастье. Никто не умеет быть счастливым, как он. Никто не умеет смеяться, как он. Никто не умеет быть добрым, мудрым, великим, как он.

Не произнес Иван Дмитриевич Чугурин обдуманной речи. Не смог. И не надо. Владимиру Ильичу все ясно. Он тронут.

По поручению Выборгского райкома партии Чугурин вручает Владимиру Ильичу партийный билет № 600. Очередной номер.

Выборгская сторона была центром большевистской борьбы за революцию. Ленин встал на партий-

Ленинские статьи и листовки тайно распространялись на фронте. Солдаты читали, задумывались.

ный учет здесь, в райкоме Выборгской стороны.

Да здравствует Ленин!

При встрече с рабочим классом России на Финляндском вокзале Петрограда первым призывом Ленина было:

— Да здравствует социалистическая революция!

16

А где Жюстен, наш славный французский дружок, по-русски «Сорвиголова», а на его родном языке «Касе-Ку»? Что с ним?

Давно наш Жюстен не Касе-Ку, скоро исполнится пятнадцать лет, почти взрослый парень, родное Лонжюмо далеко.

Мощный паровозный гудок возвестил прибытие Ленина. Тысячные толпы людей заливают перрон. Рабочие. Красногвардейцы. Матросы.

Однажды воскресным утром он проснулся поздно, когда солнце высоко поднялось, синим светом сияло полуденное небо. Обычно отец будит к воскресной службе. Сегодня не разбудил.

— Эх, здорово выспался!— протирая глаза, сладко зевнул Жюстен. Повалялся в постели, размышляя о предстоящей воскресной свободе, в праздники хозяйственными делами занимался отец.

Вдруг спохватился, кольнула тревога. Почему отец не разбудил? Не встает? Лежит на спине, неподвижный?

— Отец! Мон пер!

Глаза открыты. Незрячи, не видят. Как страшно! Стеклянные, немые глаза. Папа, папа! Отец!

Дрожащими руками Жюстен кое-как натянул на себя штаны и рубашку. Куда бежать? Кого звать на помощь? Бедняга Жюстен, рыдание вырвалось из груди. Плача, бежал он по Гран-рю, не соображая, куда.

Тетушка Мушетта стояла у двери булочной, в

белоснежном накрахмаленном чепце и переднике, поджидала покупателей.

— Беда,— поняла без вопросов.— Иль е мор. Кончился. Крепись, малыш. Отец давно был не жилец. Изглодала человека чахотка. Заснул, догадаться не успел, что умирает.

В каморку Жюстена набился народ. Женщины охали, причитали. «Некому сироту пожалеть, как будет кормиться?»

Навестил мэр:

— Крепись, малыш. Поможем, найдем работу.

Не так легко найти работу круглому сироте, когда ему едва перевалило за четырнадцать. Вроде порядочно, а все еще мальчишка. Длинный, узкоплечий, худой.

Сам мэр хлопотал, но хозяин кожевенного завода жаловался на злые времена:

— Второй год воюем. Зачем? Кому нужно? Ты немец, я француз — зачем убиваем друг друга? Заказы на кожевенные изделия из-за войны упали. И раньше не богатырем был заводишко, теперь и вовсе захирел. Не то что новичков брать, своих увольнять приходится.

В господский замок тоже не взяли. Господские сыновья офицеры, командуют в армии. Балы и приемы в замке скупее устраиваются, слуг меньше надо.

Как ни плохо, Жюстен мог бы продержаться до лучших времен. Окончив школу, он немного подзарабатывал, помогал отцу: таскал из колодца воду кое-кому из селян, где сами не справлялись, а заплатить были в силах. Поливал чужие огороды. Так за день утопаешься, и на речку купаться или удить рыбу не хочется. Однако тянул бы, пока настоящая подвернется работа. Но на плату за жилье капиталов не хватит. Хозяин каморки, где они ютились с отцом, неплохой человек, а известно: своя рубашка ближе к телу.

— Не сердись, гарсон, сам еле перебиваюсь с семьей, понадобилась твоя квартира, нашлись жильцы подходящие.

Подходящий жилец — церковный сторож. Служба — следить за порядком в костеле, чисто ли подметена дорожка к церковным дверям, прочен ли запор. На войну не забрали по причине ноги, одна от рождения короче другой. Женился парень. Хоть и хромой, а невест по военному времени — какую пожелаешь, на выбор. Охота свое гнездышко вить. И уже молодая хозяйничает в бывшем жилище Жюстена. Моет, красит, и комнатенка постепенно

становится веселее, светлее, а Жюстену надо искать новую крышу. Где? Задаром никто не возьмет. Грошей Жюстена и за угол заплатить не хватит. Спасибо тетушке Мушетте, пышной, как ее сдобные булки. У нее в Париже приятельница.

— В молодые годы прислугами у бар служили. Вместе гуляли, женихов высматривали. Умели поработать и повеселиться умели, куда вам, нынешним! Поезжай в Париж, Касе-Ку. Подруга приютит. Там и работенка скорей подвернется.

И тетушка Мушетта живо собрала Жюстена в дорогу. Немудреные его пожитки взяла на хранение — устроится в столице, приедет, отдам,— сложила в котомку пару белья, верхнюю рубашку на смену, насовала булок и плюшек и дала десять франков. Господин мэр пожертвовал двадцать. Богатство. Вовек Жюстен не держал в руках таких больших, по его понятиям, денег. И смело двинулся в путь. Смело, если бы не застилало слезами глаза.

Жюстен в Париже бывал, но не часто. Париж представлялся Жюстену празднично шумным, деловым и веселым, нарядным, беспечным. Даже сейчас, во время войны, он был наряден и весело шумен.

Жюстен крепко держал под мышкой котомку. Кроме смены белья и плюшек тетушки Мушетты, там был один очень важный предмет. В последний момент перед отъездом Жюстен сунул туда мамин будильник. Может быть, во всей Франции нет у маминого будильника двойника. Он не трезвонит в назначенный час, когда утром надо разбудить, а мелодично выпевает: «Дин-динь...»

Кто, какой мастер, где, когда его смастерил?

Но надо искать адрес приятельницы тетушки Мушетты. Время далеко за полдень, поторапливайся, дружище Жюстен! Он долго искал. Метро, автобус, пешком незнакомыми длинными, прекрасными улицами, где красуются великолепные здания с колоннами и скульптурами. Довольно взглянуть на эти дворцы, чтобы понять, живут в них счастливые люди!

Усталый Жюстен прибрел, наконец, по нужному адресу.

— Мадам давно съехала,— ответили ему и захлопнули перед носом дверь, избегая вступать в разговоры с долговязым парнем, чьи одичалые от усталости и горя глаза пугали благопристойных мещан.

Мадам съехала с квартиры и не оставила нового адреса.

Жюстен растерялся. Представьте одинокого мальчишку в громадном чужом городе, где ни единой знакомой души. Куда податься? Где искать приют?

Между тем солнце, бледнея, плыло к закату. Близился вечер. Скоро ночь.

Жюстен зашел в кафе, где ели, пили, болтали и даже, непонятно для бродяжки Жюстена, смеялись какие-то люди.

— Вам не требуется мыть посуду, или подметать пол, или...

— Ступай себе. Нет.

Зашел в другое кафе. Тоже без пользы.

— А я Гюстав Кремье. Дядюшка Гюстав. Будем знакомы и пойдем-ка переночевать у меня...

Что делать? Что стал бы делать на его месте Гаврош, парижский, смешливый, отчаянный, геройский гамен? Веселый, знай, напевает свои песенки, хотя частенько случалось ночевать под мостом. Жюстен не знает, как забраться под мост.

Устал. На сердце тоска, словно воткнули гвоздь и сверлят, больно, хоть плачь. Нет, не от гвоздя больно... Тетушка Мушетта могла бы оставить пожить у себя, пожил бы немного, а там, глядишь, что-нибудь подвернется. Упросил бы взять на завод, кем хотите, хотя бы мусор таскать. Черти! Вам наплевать на других, только бы себе хорошо. Отец говорил: так устроил господь. Те богатые, а те бедные — божия воля. Дурак я, верил, дурак! Ничего ваш господь не устраивал, сами устроились. Черти! Буржуи!

Он излил поток ненависти на буржуев, пришли другие мысли, опять невеселые. Когда русские уехали, Жюстен через день стал ждать письмо от Стрекозы, был уверен, напишет сейчас же. «Милый Жюстен,— сказала она на прощание.— Милый Жюстен, мы тебя никогда не забудем».

Он ждал ее письма, пусть совсем коротенького. Что помнит, и все. Сам он не мог написать, русские не оставили адреса. Они, как в фантастическом романе Жюля Верна, явились будто с неведомой планеты, непохожие на деловитых селян Лонжюмо, и исчезли из глаз.

Они тоже трудились, неустанно трудились в школе и дома, но что-то в них было особое, влекуще особое.

Жюстен любил своих земляков и ребят, а Стрекозу... даже про себя, даже в воспоминаниях не смел произнести то волшебное слово, вызывавшее в нем восторг и печаль. Он приходил к памятнику «Почтальона из Лонжюмо», присаживался на постамент и думал, и ждал письма. «Почтальон из Лонжюмо», изящно облокотясь на постамент, безмолвно делил его ожидания.

Ночь. То ли вообще ночные парижские улицы пусты, то ли он забрел на рабочую окраину, дома здесь без колонн и скульптур. Рабочие спят.

Платановый бульвар протянулся вдоль улицы. Густые широкие кроны мощных деревьев сошлись над головой, закрыли ночное небо. Народа на бульваре нет. Хочется спать. На боковой дорожке бульвара скамейки. Жюстен сел. Оглянулся, народу не видно. Хочется спать. Вынул будильник, зачемто, не видя часов, завел наугад. Сунул в котомку, положил на скамейку — там булки тетушки Мушетты, как бы не смять — обнял, прижался щекой. И уснул.

Тишина. Лишь смутно доносится гул авто и фиакров далекого центра. Безлюдье.

Будильник в котомке Жюстена отмеривает секунды, минуты.

Недолго спустя на платановом бульваре появляется человек. На ночном бульваре один. Вор? Сыщик? Полисмен? В коротеньком пиджачке, летней кепке, с лицом, изрытым морщинами, он непохож на вора или сыщика. И уже тем более полисмена. Его зовут Гюстав Кремье. Повезло Жюстену, что его заметил медленно шагающий ночным бульваром старик.

Он мастер часовых дел. Сначала гарсоном на побегушках, потом выше, всю жизнь работал в небольшой, но солидной и ценимой заказчиками фирме. Возникла еще одна, более сильная часовая фирма. Проглотила первую. Появилось новое предприятие.

Две фирмы слились. Капитал богатеет, а рабочих оказался излишек. Сотни рабочих на улице.

Таков закон накопления капитала, учит марксистская наука политэкономии. Старый часовщик Гюстав Кремье не очень сведущ в этой науке. Политэкономию он постигнул на опыте собственной жизни.

Опираясь на палку, стариковской походкой медленно шествует дядюшка Гюстав платановым бульваром. На скамье спит человек. Что из того? Гюстав Кремье прошел мимо.

Но что-то остановило его. Спящий на скамье, жалко подтянувший к подбородку колени подросток, почти мальчик. Уткнулся в котомку щекой. Спит.

Гюстав Кремье вернулся, сел на скамью. Грустно глядеть на беспомощно спящего под открытым небом мальчонку. Тяжелые, как всегда, мысли беспросветно навалились на Гюстава Кремье. Мальчик не слышит его мыслей. Спит.

Но что это? «Длинь-динь, длинь-динь» — запело у изголовья нищего мальчика.

«Что это? Должно быть, часы. За свою жизнь не слыхивал такого звона часов»,— подумал Гюстав и, когда звон умолк, толкнул Жюстена разбудить. Тот вскочил. Дико огляделся, ничего не понимая со сна.

— Где я?

— Ты, мон шер, храпишь на бульварной скамейке. Время военное, может появиться с обходом полисмен, пригласит в полицию, приятного мало. Дурачина, нашел место, где ночевать.

— Какое вам дело!— вспыхнул Жюстен.

— Такое, что не могу пройти мимо...

— Вы что, блюститель порядка, хэ!

— Не груби,— спокойно ответил старик,— что у тебя в котомке поет?

— Будильник. Мамино наследство.

— Покажи.

Жюстен вытащил из котомки аккуратненькие квадратные часы, кроме часовой и минутной, на них была еще и секундная стрелка. Старик принялся внимательно рассматривать будильник, да так долго, что у Жюстена мелькнула пугливая мысль, не присвоил бы этот подозрительный тип его сокровище, единственное его богатство. Кто их знает, парижан. У нас, в Лонжюмо, такого быть не может...

Снова сердце больно заныло, словно в него воткнули гвоздь. «Не надо было бросать дом. Ни за что! Что я горожу? Какой дом? Где он, мой дом?»

— Мамино наследство,— возвращая будильник, печально повторил старик.— Отца тоже нет? Плохи дела. Ты не парижанин...

— Почем вы знаете?

— Вижу. Откуда приехал?

— Из Лонжюмо. Ну и что?

— Да ничего. Зовут?

— Жюстен.

— А я Гюстав Кремье. Дядюшка Гюстав. Будем знакомы и пойдем-ка переночевать у меня... у нас. Жена — Луиза,— рассказывал он уже по дороге.— Тетушкой называть нельзя. Желает, чтобы называли мадам. Дядюшка Гюстав и мадам Луиза. Два одиноких старика. Ты сирота, и мы сироты. Был сын. Поздний ребенок. Единственный сын.

— Почему был?

— Убили на фронте. Где могила, не знаем. Когда пришла та весть о сыне, Луиза... о! Что было с ней! Когда пришла та весть, она повредилась в уме.

Старик остановился, гневно стукнул палкой о тротуар.

— Зачем война? Тебе нужна война? Или мне?

Или нашему убитому сыну? О боже, боже,— простонал старик. Прикрыл ладонью глаза. Постоял.

— Ну, пошли. Стало быть, Лонжюмо твоя родина? Хорошее место?

— Очень, очень!— с жаром воскликнул Жюстен.— Близко речка Иветта, неширокая, а рыбы полно. Вдоль деревни луга, луга. Справа, слева и дальше луга. Вы любите полевые цветы? А ловить рыбу?

— Когда-то любил. Вот и наш дом.

Трехэтажный, украшенный лишь железными решетками узких балкончиков, дом по сравнению с богатыми зданиями центральных улиц был строго скромен и прост.

Дядюшка Гюстав отпер ключом дверь подъезда. Другим ключом — квартиру на втором этаже. Небольшая прихожая, с длинным зеркалом, подзеркальным столиком темного дерева и под цвет ему вешалкой показалась Жюстену чуть ли не приемной для гостей. «О-о! Шикарно у них»,— отметил он про себя. Дядюшка Гюстав понял.

— Пятнадцать лет собирали деньги купить эту квартиру, а пожить сыну недолго пришлось. Сюда, налево.

Отворил дверь налево, и Жюстену представилось невиданное зрелище. Все четыре стены увешаны часами различных фасонов и размеров. Были тут старинные в солидных футлярах, откуда по ходу времени доносится задумчивое кукование кукушек. Красовалось на полочках несколько настольных парадных с узорчатой резьбой по бронзе. Висели на стенах простенькие «ходики», их ярко-желтые, как начищенная медь, маятники усердно раскачивались взад-вперед. И много по стенам же, прикрепленных на гвоздики, мужских, величиной едва не с блюдце, с серебряными массивными цепочками. Все это тикало, стучало, бежало, казалось живым.

— Мое ремесло,— ответил часовщик удивленному взгляду Жюстена.— Начал работу едва не полвека назад на часовой фабрике подручным мальчиком, закончил мастером. Уволили, занялся этим делом. Чиню людям часы. Иной принесет, а уплатить за работу нечем, вот и висят, ждут хозяина. Иных не дождутся. Война. А это...— голос часовщика зазвучал сипло, грозя сорваться,— это книжный шкаф сына. Сын преподавал в начальных классах коллежа.

Жюстен восхищенно разглядывал корешки книг в книжном шкафу, не смея дотронуться. И, о чудо! Бывают же чудеса на свете! Как иногда обрушиваются на человека напасти, одна настигая другую, так нежданно судьба дарит милости. Встреча с часовщиком и эти книги. Жюстен обомлел, увидя на полке «Отверженные» Гюго. Нахлынули, подхватили, понесли, закружили воспоминания. Счастливое лето! Внезапно возникшая в Лонжюмо загадочная русская школа учителей, манящая необычностью, будила фантазию. Андрэ, Стрекоза. Они познакомили Жюстена с Гаврошем. Жажда чтения после того овладела Жюстеном. Попробуйте в Лонжюмо раздобыть книгу, если это не библия. Жюстен подъезжал к аптекарю, кюре, даже месье мэру. Даже в замок удалось пробраться, вымолить у гувернантки втайне от господ кое-что на самое малое время.

— Зря рвешься в чужой удел,— рассуждал отец.— Книги, науки, разные ученые звания — для них. Нам отпущено свое место. Мы простые люди. Так создал господь.

— Дядюшка Гюстав, а ваш сын? Ведь вы тоже простые люди, а он...

— Он стал бы ученым. Наверное, большим ученым,— гордо ответил часовщик.— Расскажи про учителей той школы.

— Они хорошие. Самый главный учитель учителей в русской школе был месье Ильин. Мне о нем сказали, что великий человек.

— Чему он учил?

И тут в памяти Жюстена ясно всплыло: ведь Андрэ и Стрекоза говорили, что то, чему учатся в русской школе, описывает книга Максима Горького «Мать».

В книжном шкафу дядюшки Гюстава не оказалось Максима Горького. Тогда Жюстен захотел взять сейчас же «Отверженные» Гюго, найти страницы о Гавроше. Но дядюшка Гюстав сказал:

— Ложись спать на постели сына. Сегодня читать поздно. Электричество дорого стоит.

Мадам Луизу Кремье Жюстен увидел следующим утром. Она вышла в кухню на завтрак, приготовленный дядюшкой Гюставом: слабенький кофе в больших чашках, по бутерброду с тонюсеньким ломтиком сыра.

Мадам Луиза, прямая, плоская, с огромными, странно расширенными глазами и блуждающей улыбкой на изможденном лице, внесла, прижимая к груди, продолговатый сверток в белых простынках. Жюстена не заметила. Мужу не кивнула.

— Мон пти, моя крошка, мой ангелочек, не бойся, не отдам тебя, не отдам...— бормотала она. И мурлыкала колыбельную песню без слов.

— Так с утра до ночи,— угрюмо промолвил Гюстав.— Не с кем перемолвиться словом. Жаль ее. И себя жаль.

После завтрака надел свежую рубашку, навел блеск на ботинки и позвал Жюстена к одному своему старому другу. Если у кого можно разузнать про Горького, это у него. Просвещенный человек, держит связи с русскими эмигрантами в Париже. По-ли-ти-чески-ми,— по слогам, многозначительно выговорил дядюшка Гюстав.

Его старый друг оказался фотографом, книголюбом и пылкой натурой. Разговор, конечно, сразу зашел о войне.

— К нам долетело его «Воззвание о войне». Перевели на французский, разумеется, нелегально, распространили в листовках. И я распространял, да, я! Кто заподозрит старика да еще такого на вид респектабельного?!

Фотограф действительно даже дома имел вид респектабельный — тщательно отглаженные брюки, чистейший воротничок, свежий галстук.

— Он пишет в «Воззвании»,— продолжал наизусть фотограф:— «Из-за чего же идет эта война?.. Это есть война между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке».

— Вот за что гибнут наши сыновья,— сказал Гюстав Кремье.

— Слушайте! Слушайте дальше!— возбужденно торопился фотограф:— «Но война, неся бесконечные бедствия и ужасы трудящимся массам, просвещает и закаляет лучших представителей рабочего класса. Если погибать, погибнем в борьбе за свое дело, за дело рабочих, за социалистическую революцию».

Фотограф поднял вверх палец, как бы указующий перст, и было в этом жесте что-то проникновенно величественное.

— Он пишет в «Воззвании», он нас зовет бороться против войны, за революцию. Он революционер. Его голос слышен пролетариату и передовым лю-

дям всех стран. И врагам. Пусть они устрашатся. Этот русский — великий революционер. Великий Человек!

— Я знаю одного русского великого человека,— сказал Жюстен.

— Э! Сей момент,— таинственно произнес фотограф, исчез и немедля вернулся из другой комнаты, неся фотографию.

— Он?

— Он!— Изумляясь, гордясь, узнал Жюстен знакомое лицо.— Месье Ильин. Учитель учителей в Лонжюмо.

— Учитель не только учителей в Лонжюмо. Учитель Человечества. Его имя Ленин,— торжественно объявил фотограф.— Я показываю вам это фото по секрету. И ко мне оно попало по секрету, по дружбе. Знаете, как оно появилось? Ленин жил в эмиграции в Париже. А дома, в России, оставалась мать, замечательная мать товарища Ленина! Скучает о сыне. И просит: пришли мне свое фото, я поставлю у себя на столике и буду каждый день видеть тебя, какой ты сейчас. Один мой камрад, товарищ, сделал это фото, посвященное матери Ленина. Я храню его, оно очень дорого мне. Когда-нибудь лицо Ленина, не только книги, лицо узнают все люди.

Когда они с дядюшкой Гюставом возвращались домой, Жюстен говорил, говорил, не смолкая. Рассказывал о далеких — ему казалось, далеких — счастливых днях в Лонжюмо. Об Андрэ, Стрекозе, товарище Петре и о Ленине. Он видел Ленина. Много раз видел Ленина.

— Он добрый. У него привычка, встретишься ненароком на улице или возле школы, возьмет и взъерошит волосы у Андрэ и у меня. И засмеется. Будто простой, самый обыкновенный. И прокатиться на своем велосипеде давал, добрый... А пели русские так прекрасно, лучше монахинь в костеле. У них особенное русское пение...

Дядюшка Гюстав слушал Жюстена. А потом сказал:

— Если бы я верил в бога, подумал бы, мне тебя послал бог. Сына ты мне не заменишь, но хорошо, когда к несчастному старику под конец жизни приходит молодой друг. Да такой разговорчивый.

Спустя некоторое время дядюшка Гюстав раздобыл книгу Максима Горького, переведенную на французский язык. Они с Жюстеном читали ее на кухне вслух. Мадам Луиза в комнате пела свою колыбельную песню без слов, а они читали на кухне «Мать» Горького.

Жюстен понял, какие науки изучали русские учителя в Ленинской школе Лонжюмо. Многое понял.

Наступит 1917 год. Газеты всего мира сообщат о совершившейся в России революции. Создалось новое государство — РСФСР, что означает Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Главой нового, Советского государства стал Ленин.

К тому времени Жюстен был подсобным рабочим автомобильного завода. Мечтал полностью освоить устройство машины, освоил и лет через десять был уже опытным мастером сборки. Когда в 1920 году образовалась Французская коммунистическая партия, бывший Касе-Ку стал коммунистом. Товарищи охотно слушали его воспоминания о Ленине, им нравилась горячность Жюстена и нежная преданность «месье Ильину».

В 1939 году Францию захватили гитлеровцы. Жюстен вступил в отряд Сопротивления, сражался с захватчиками, партизанил, пока фашистов не изгнали из Франции.

Во все времена, особенно трудные, он помнил о Ленине, память о Ленине и ленинские статьи, которые он жадно читал, подсказывали, как жить и думать о жизни.

Не раз в воспоминаниях являлась ему Стрекоза. Он видел ее, резвую, легкую, белый бант на затылке, и улыбался. Кончики банта были похожи на стрекозиные крылышки.

Жюстен жив и сейчас. Теперь он уже дядюшка Жюстен, даже дед. Вот, опираясь на палку, идет бульваром, где когда-то, спящего на скамейке под кровом густолистых платанов, его нашел и приголубил часовщик Гюстав Кремье.

Иногда он приводит сюда, на бульвар, под платаны внучку, которая напоминает ему Стрекозу. Много раз он рассказывает внучке об одном жарком лете в поселке Лонжюмо, когда туда приехали русские, и как были они хороши, и как вся судьба его определилась тем летом.

КОНЕЦ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ТОЧКА НА КАРТЕ

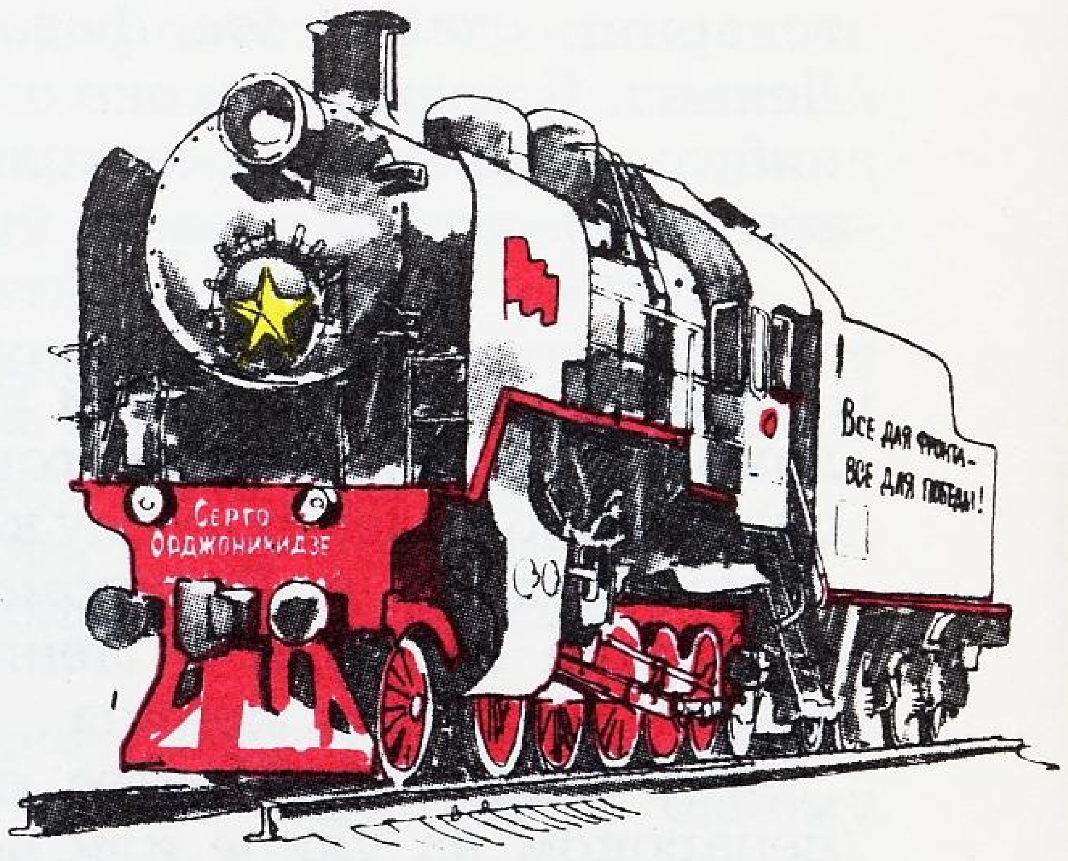
ВНИЗ ПО ЕНИСЕЮ

Когда мы говорим «идти вниз по реке», то чаще всего имеем в виду «на юг». Но с Енисеем — великой сибирской рекой — все наоборот. Вниз по Енисею — это значит вверх по карте, к Северному полюсу, пересекая Сибирь. Сибирь... Огромный край от Уральского хребта до Тихого океана, от границ с Монголией и Китаем до Северного Ледовитого океана. Лютая зима и жаркое лето, могучие реки и густая тайга. Сегодняшняя Сибирь — это еще и стройки, это новые города, это самые могучие в мире гидроэлектростанции, это известный всему миру БАМ, это богатейшие месторождения полезных ископаемых.
Я давно мечтал побывать в этих местах, поэтому с радостью согласился пройти на агиттеплоходе «Коммунист» по Енисею от Красноярска до Таймыра. Все, что я увидел в пути, никогда не забудется. Навсегда останутся в памяти простые и прекрасные своим трудом люди, величественные берега Енисея, молодые и красивые города. Рисунки, которые вы видите, сделаны во время этого путешествия.

В. МОЧАЛОВ

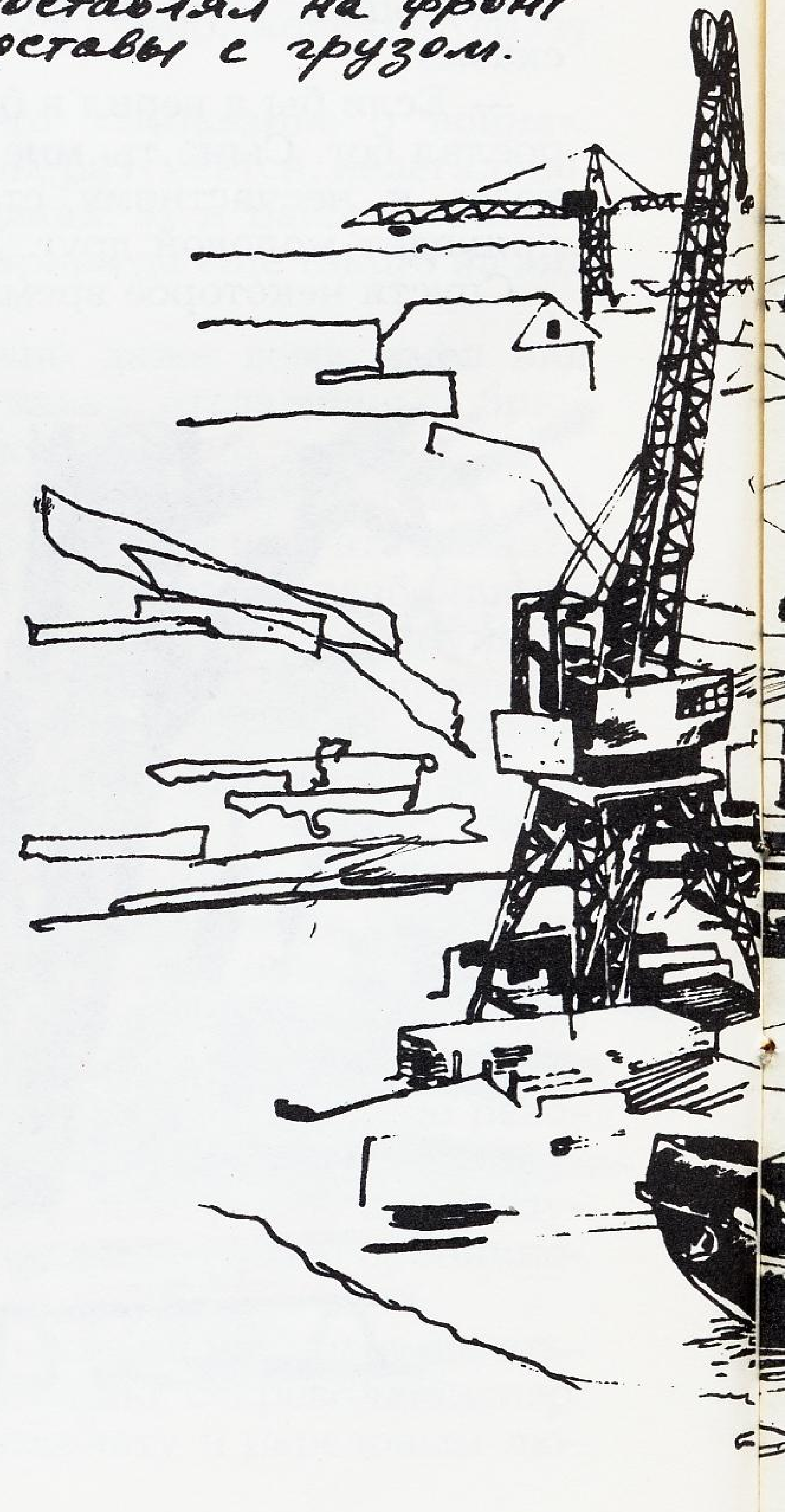
Рисунки автора.

Пароход „Св. Николай" стоит на вечном приколе в Красноярске. На этом пароходе ехал в ссылку В. И. Ленин.

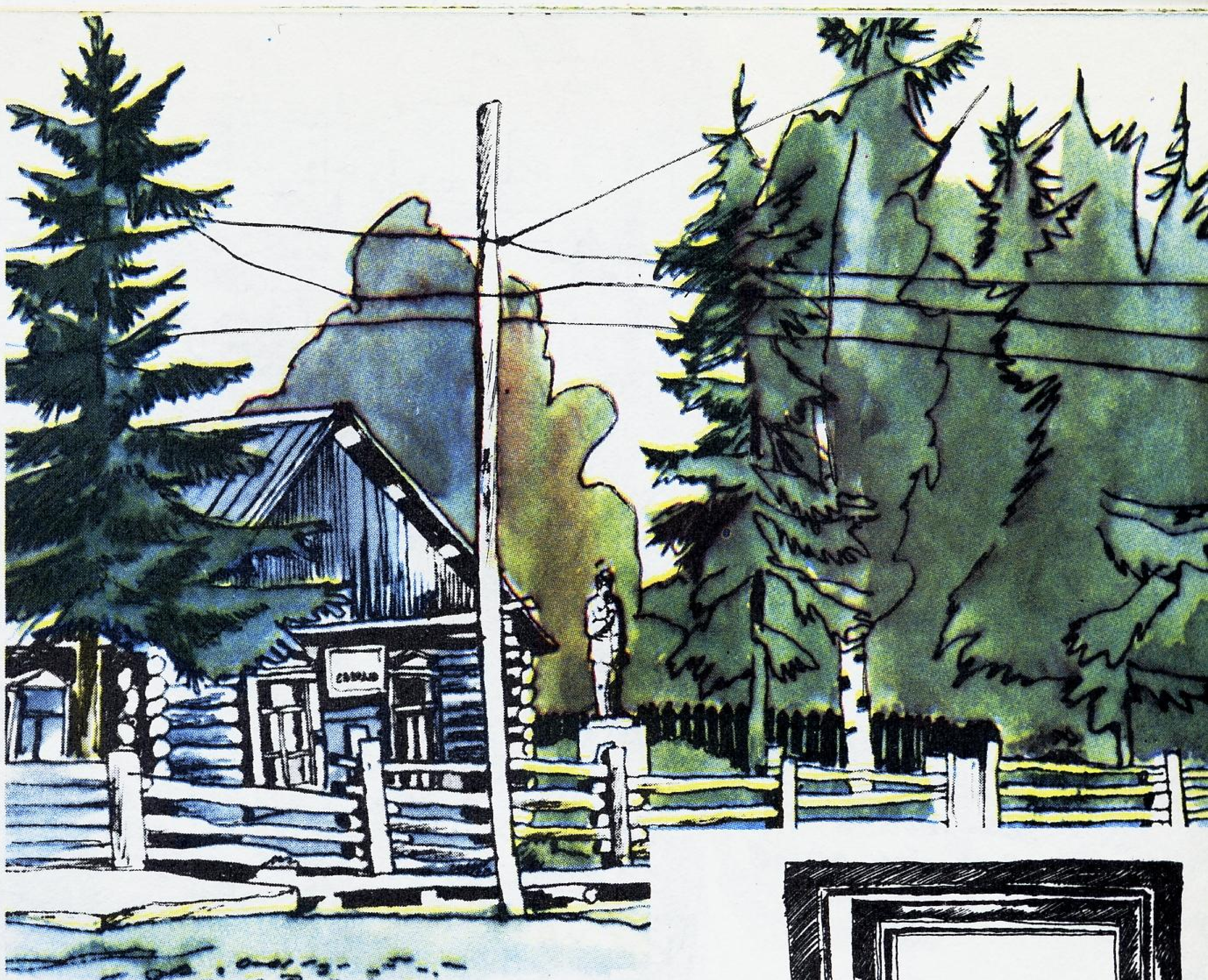


Рабочие на субботнике восстановили паровоз, который в годы Великой Отечественной войны доставлял на фронт составы с грузом.

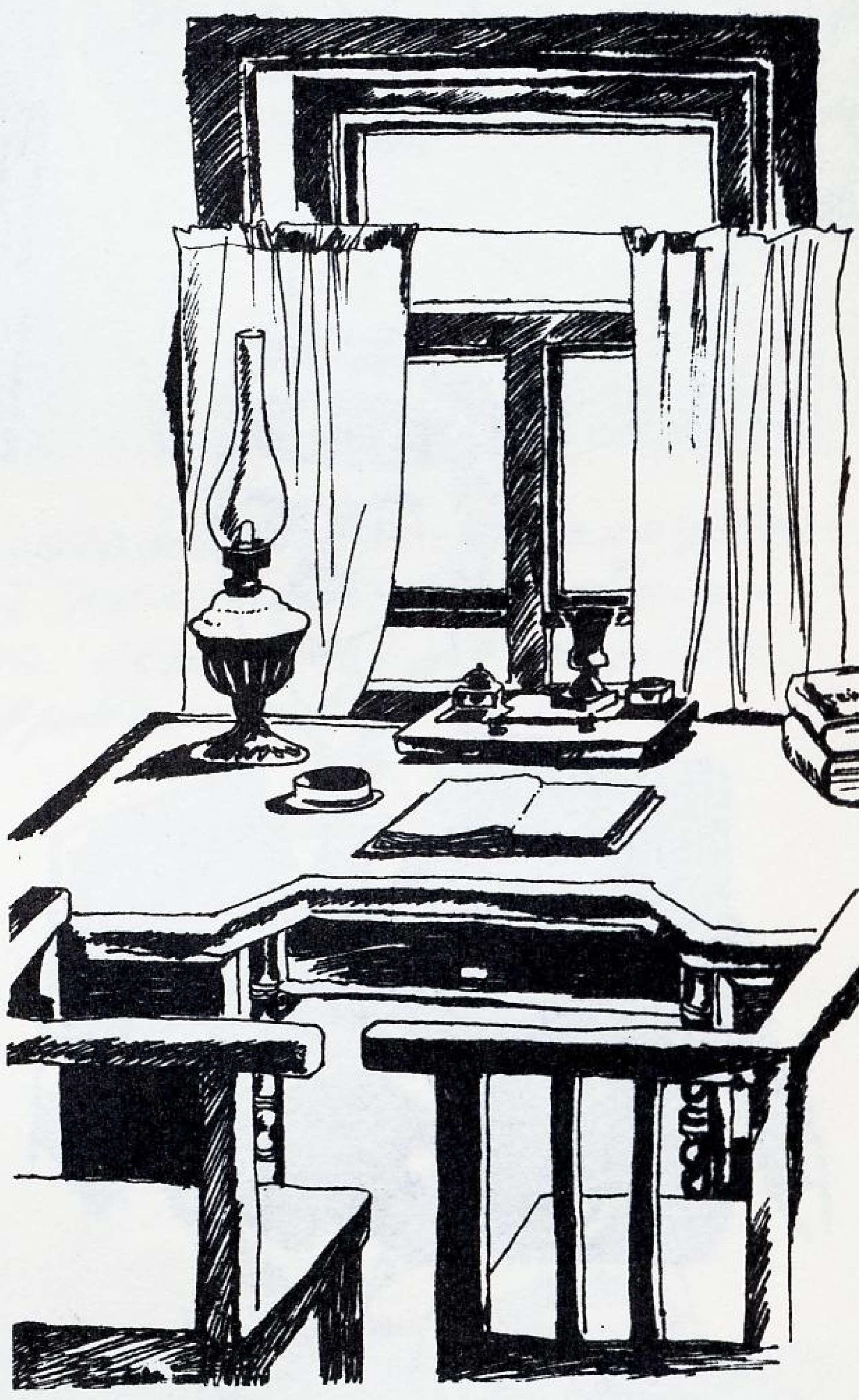
Красноярск. Сторожевая башня.

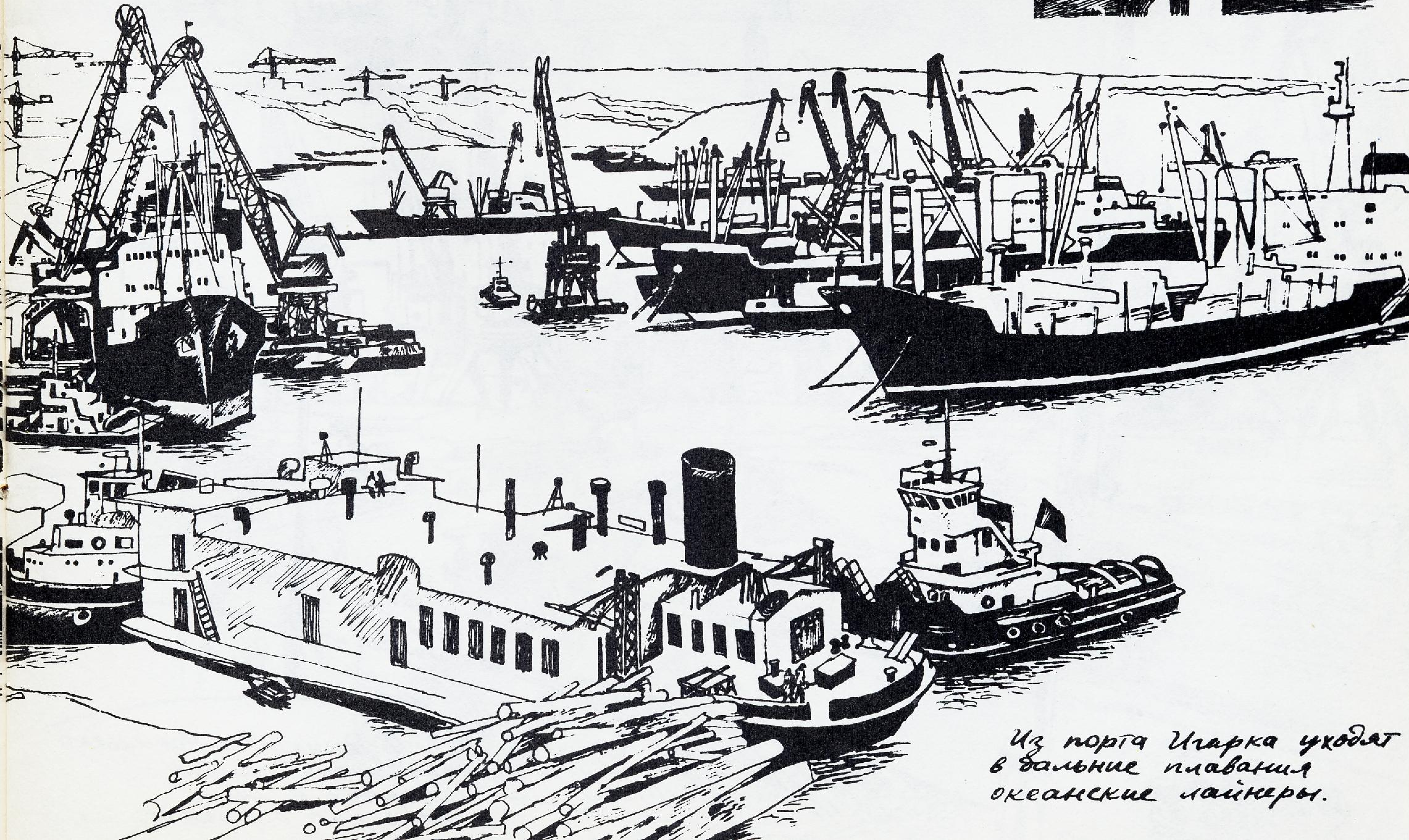


Туруханская пристань.



Недалеко от Полярного круга – поселок Туруханск. Это было место ссылки революционеров в царской России. Отбывал здесь ссылку и Я. М. Свердлов. В Туруханске бережно хранят память о нем – дом, где он жил, стал музеем.





Из порта Игарка уходят в дальние плавания океанские лайнеры.

Дудинка.

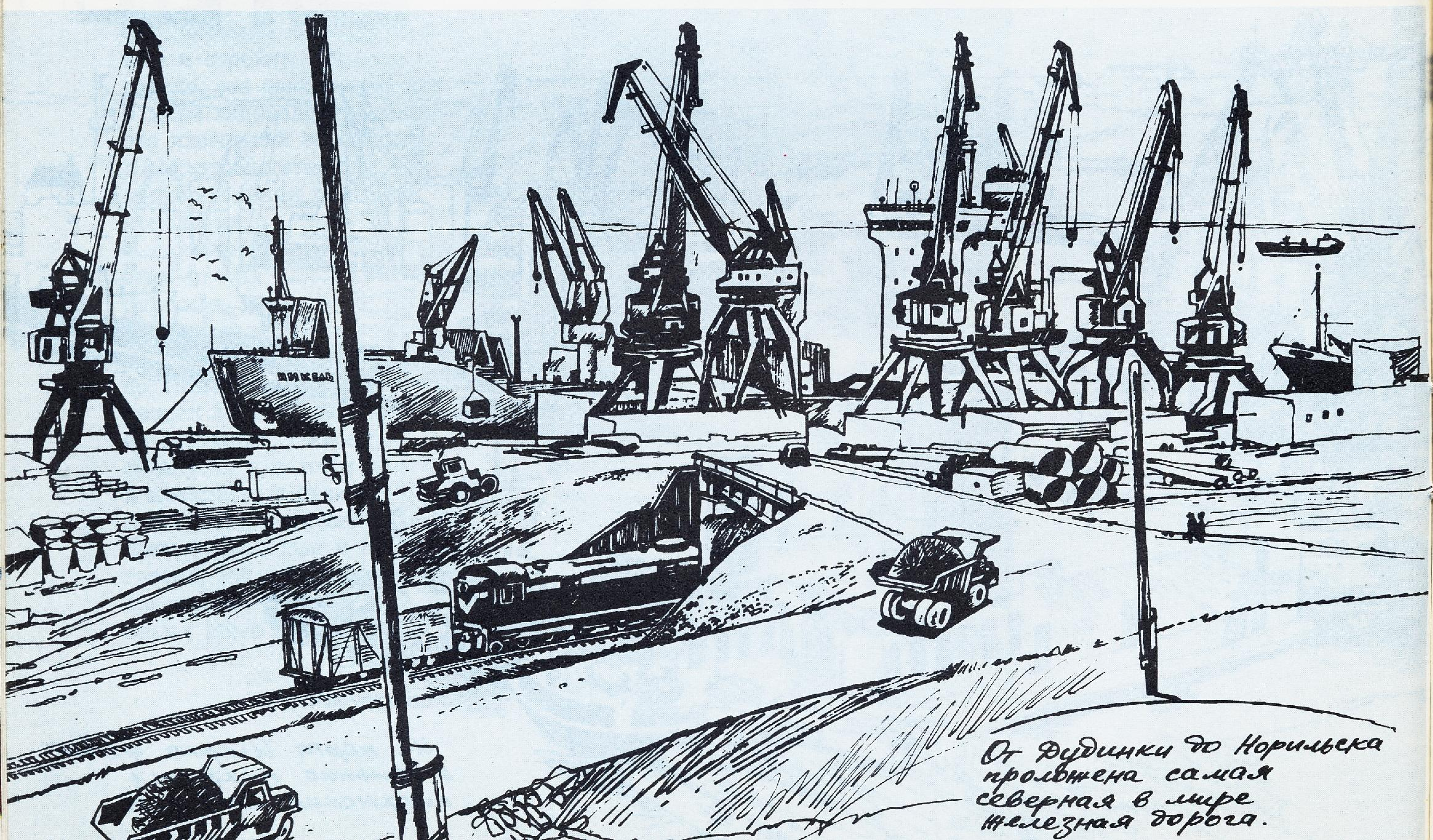
Команда теплохода „Пионер Москвы" дружит с клубом юных моряков Москвы. Ребята ходили на теплоходе по маршруту Архангельск - Дудинка.

Капитан теплохода В. А. Кудряшов

Юным читателям журнала „Пионер", мечтающим о морской профессии.

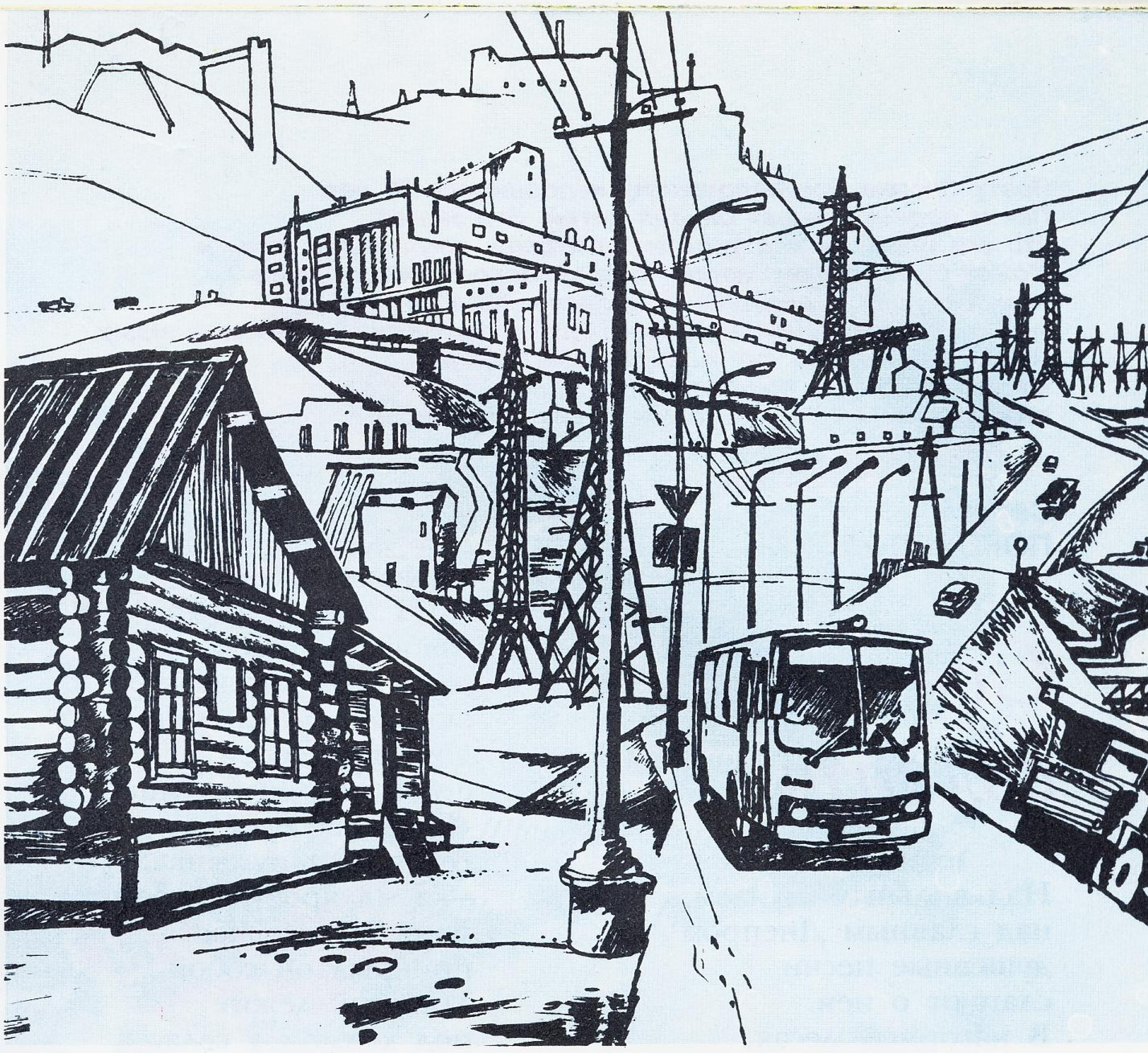
Пусть исполнится ваша мечта. Ждем вас. До встречи на океанских дорогах!

Капитан т/х „Пионер Москвы"



От Дудинки до Норильска проложена самая северная в мире железная дорога.

А. И. Пленкин — командир вертолета МИ-8. Норильск.



Норильский горно-металлургический комбинат, а рядом — домик основателя города Н. Н. Урванцева.

Сережа Гарбуз живет в поселке Хатанга.

Мыс Челюскин — самая северная точка Евразии. Его открыл в 1742 году подштурман Российского флота Семен Челюскин.

Поэту Сергею Погореловскому исполнилось 75 лет. Почти полвека пишет он для детей. Это значит, что его стихи читали твои мама и папа, когда были детьми. Может быть, стихи Сергея Погореловского читали даже твои бабушки и дедушки! За долгие годы он написал много стихотворений — и серьезных, и лирических, и насмешливых. Не раз печатались они в журнале «Пионер». От имени разных поколений читателей поздравляем Сергея Погореловского с юбилеем!

**Сергей
ПОГОРЕЛОВСКИЙ**

Советский солдат

Над вольным Дунаем,
над славным Днепром
душевные песни
слагают о нем.
В нагорных лесах,
на просторе долин
его вспоминают
и чех, и румын.
— Пылало село,—
вспоминает хорват,—
он кинулся в пламя,
советский солдат!
Из хаты горящей, из дыма-огня
он вынес, отважный,
мальчонку — меня!

Словачка сказала:
— И мне он помог:
озябшей, голодной
дал хлеба кусок.
Назвал по-отцовски
дочуркой своей,
шутя, подмигнул мне:
«Гляди веселей!»
Вздохнула румынка:
— Был яростный бой,
меня от осколка
прикрыл он собой...
Убит он, лежит
под холмом у села.
Калина над ним
поднялась-расцвела.
— Нет,— молвил болгарин,—
он жив, не убит!
Я видел его:
он в дозоре стоит.
Стоит он в дозоре
и зорок, и смел,
чтоб мир потревожить
никто не посмел!

Имя

К разбитому доту
приходят ребята,
приносят цветы
на могилу солдата.
Он выполнил долг
перед нашим народом.
Но как его имя?
Откуда он родом?
В атаке убит он?
Погиб в обороне?
Могила ни слова
о том не проронит.
Ведь надписи нет.
Безответна могила.
Знать, в грозный тот час
не до надписи было.

* * *

К окрестным старушкам
заходят ребята —
узнать, расспросить их,
что было когда-то.
— Что было?! Ой, милые!..
Грохот, сраженье!
Солдатик остался
один в окруженьи.
Один,
а не сдался
фашистскому войску.
Геройски сражался
и умер геройски.
Один, а сдержал,
поди, целую роту!..
Был молод, черняв,
невысокого росту.
Попить перед боем
в село забегал он —
так сказывал вроде,
что родом с Урала.
Мы сами сердешного
тут схоронили —
у старой сосны,
в безымянной могиле.

* * *

На сельскую почту
приходят ребята.
Письмо заказное
найдет адресата.
В столицу доставят
его почтальоны.
Письмо прочитает
министр обороны.
Вновь списки просмотрят,
за записью запись...
И вот они:
имя,
фамилия,
адрес!
И станет в колонну
героев несметных
еще один воин —
посмертно, бессмертно.

* * *

Старушку с Урала
обнимут ребята.
Сведут ее к сыну,
к могиле солдата.
Туда, где над холмиком
имя героя —
для всех нас отныне
навек дорогое.
То светлое имя
цветами увито...
Никто не забыт,
и ничто не забыто!

Флажок над кормой

Кораблик, веселый кораблик,
красавец трехмачтовый мой,
твои паруса не ослабли,
и вьется флажок над кормой.

Я сам эти мачты поставил,
сумел паруса натянуть;
построил тебя и отправил
в далекий заманчивый путь.

Ты к морю дорогой речною
уплыл по крутой быстрине,
но ты не расстался со мною,
приснился мне ночью во сне.

Плывешь ты глухими лесами —
дубы тебе машут листвой,
плывешь под большими мостами —
гремят поезда над тобой.

Дивятся прибрежные села,
глядят тебе вслед города:
— Кораблик, кораблик веселый,
откуда плывешь и куда?

Земля позади остается,
не видно родимой земли.
Из волн поднимается солнце
и в волны уходит вдали.

Свирепая буря промчится,
но знаю — флажка не сорвет...
Как легкая белая птица,
плыви, мой отважный, вперед!

К далеким народам и странам
плыви, удивительный мой!
По всем пронеси океанам
весенний флажок над кормой.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Юным героям
Великой Отечественной
посвящается

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии Союза журналистов СССР

СРЕДИ ВОЙНЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

I

Родился Володя седьмого ноября, в праздник Великой Октябрьской социалистической революции. И люди, собравшиеся отметить это радостное событие, сулили родителям, что жизнь мальчика будет праздничной и великой.

Володина мать, Улита Тихоновна, задумчиво и светло улыбалась посулам, понимая, что никакая жизнь всякий день и даже год не складывается празднично. Величие же человека она давно определила для себя как достоинство и благородство души. А душу, она хорошо это знала, приходится долго и нелегко воспитывать. До маленького Володьки растила она пятерых детей. И теперь ей казалось, что появление нового ребенка все больше умудряет ее и словно бы раздвигает горизонты ее видения и понимания мира.

Отец Володи, Сергей Борисович, спокойный и обстоятельный, весьма почитаемый в округе лесник и охотник, считал, что каждый человек по-своему велик, а праздничной жизнь не бывает без леса. И он не мыслил себе, что его сыновья уедут, не останутся тут лесниками, как он сам, его отец и отец его отца. Лес и служение лесу в представлении Сергея Борисовича соединяли в себе и праздник, и величие, и жизнь.

Маленького Володьку отец называл Последышем, Последышеком. И как ни старался скрыть свое неуемное чувство от жены, а особенно от старших детей, ему не удавалось. Старшие дети не ревновали. Любви и ласки от отца и матери им хватало, а Володьку, Последышека, они и сами выделяли и холили.

День ото дня Последышек подрастал, и лес для него становился частью его самого, тем родным, понятным и близким местом на земле, без которого не проживешь.

Ранним прохладным утром, едва касаясь босыми ногами росной травы, Володя, казалось, лучше всего слышал лес. Трели. Клекот. Уханье. Стрекотание. Постукивание. Шелест листьев. У деревьев, Володя был убежден, свой язык, который надо научиться понимать.

Когда Володе становилось плохо: нездоровилось или обижало что-то,— он бросался к дереву. Обхватывал руками теплый шероховатый ствол, прижимался к нему и ждал, пока почувствует, как дерево передает ему свою силу.

На поляне против их дома рос Большой Дуб. Этот Большой Дуб не был лесом, он жил среди Костиковых членом семьи. У его крепких корней стоял сколоченный отцом деревянный столик, две скамьи по одну и другую сторону и таганок с решеточкой. На таганке шипели огромные сковороды то с картошкой и яичницей, то с грибами, мясом или дичью. Парились чугунки со щами и картофельным супом. Отец усаживал семью за стол и по-своему руководил этим столом, объясняя детям, что и как в данный момент есть и как при этом себя вести. Раньше отца никто не смел схватить ложку и сказать слово. В этом давным-давно заведенном порядке таились своя красота и мудрость, и каждый вступающий в жизнь должен был усвоить это. Дуб же, десятилетиями присутствовавший при семейных трапезах, казалось, наблюдал, чтобы никакая самая малая капелька нажитой Костиковыми разумности не потерялась, а, напротив, росла и превращалась в общий семейный разум и общее благополучие.

Чуть дальше Дуба, на той же поляне перед домом покоилась еще и Вековая Ель, одним только видом своим внушая спокойствие и уверенность. Ель, как и Дуб, тоже воспринималась Костиковыми как родственница, и отец любил повторять детям: «Я рос — ее знал, мой дед о ней говорил, и никто никогда не смел ее тронуть».

На вершину Ели отваживались садиться только коршуны. С этой Ели, которая раза в полтора была выше всех лесных деревьев, хорошо смотрелась добыча. И одно время коршуны повадились за костиковскими курами. Отец взял ружье, прищурил глаз, прицелился, выстрелил и свалил свирепого коршуна. Другой раз старший брат, Степан, попробовал сразить коршуна, но ничего у него не получилось. Слишком высока была Ель и хитра хищная птица.

Отец, Володя сам видел, знатным был охотником. Сколько б ни извивался, ни танцевал в вышине вальдшнеп, отец мог остановить его на лету. Утки не отличали звука его кряковых дудочек от своих голосов и чучела, сделанные отцовскими руками, принимали за уток. Как бы ни петляли зайцы, ни хитрили лисы, ни пугали медведи и волки, против

отца никто не мог устоять. Но зря, без надобности, без разума отец не поднимал ружья. Он любил и охранял лес и никогда не нарушал мудрости лесной жизни. Подрастая и присматриваясь к охоте, Володя постепенно осознавал, что за умением и поступком отца скрывается целая наука, которую, заботясь о лесе, придется ему постигать всю жизнь.

Отец подолгу рассказывал Володе о жизни леса. Случалось, Володя сам вопросами вызывал отца на разговор. Долго не мог он сообразить, как волк задирает лошадь. Отец отвечал неторопливо, обстоятельно, дополняя рассказ жестом, движением. Подберется волк поближе к лошади, схватит за хвост и ждет. Лошадь рвется вперед, тянет хвост — пытается уйти от волка. А волк держит хвост мертвой хваткой и снова ждет. Напряжет лошадь все свои силы, вытянется струной, тогда волк хвост выпустит. Лошадь от неожиданности падет на передние ноги, тут волк и схватит ее за холку. И не отпустит.

С малых лет Володя знал, что лошадь без присмотра далеко в лес отпускать нельзя. Малыш, любимый отцов конь, всегда бродит по лесу с колокольчиком. Не слышно колокольчика, Степан скажет: «Володя, возьми уздечку, приведи Малыша». Володя бежит, бывает, и за семь километров — резвый конь Малыш. Володю Малыш любит. Увидит издали, идет виновато, с понурой головой, тычется мордой в плечо, зовет вскочить на него и уж тогда понесет лихо. Однажды Володя на коне не удержался. Малыш в мгновение притормозил свой бег, остановился, словно врос в землю.

«Для овец,— научал между делом сына Сергей Борисович,— волк еще опаснее, чем для лошади. Овцы от одного только запаха волчьего бесятся». Как-то отец показал Володе, как волк идет на овец. Володя сам увидел, как волк подкрался к овечьему загону и хвост в оконную щель засунул. Овцы тут же каруселью завертелись, заблеяли. Собака Котик завыла. Отец из сарая, где они с Володей спрятались, выстрелил. Волчью тушу притащил в сени. Мать утром дверь отворила и как закричит: «Сергей, батя, волк ожил». Прижала всем телом дверь, в глазах страх. Отец спокойно ее отодвинул. Дверь быстро рванул на себя и, не дав волку опомниться, в упор выстрелил.

«Зверя не надо бояться,— наставлял Володю отец,— зверя надо знать. Будешь кричать, бежать, он тебя настигнет. Обязательно. А увидит, что ты спокоен, сам станет нервничать. Зверь ведь тоже человека боится...»

Володя, чуть повыше стола подрос, попросил у отца ружье. Сергей Борисович слова не сказал, поехал в Брянск, привез ружье самого малого калибра.

Пришла зима. Приехали охотники, потянулись в лес на толстых коротких красных лыжах. Такие лыжи в глубокий снег не проваливаются, а волки и медведи красного цвета боятся.

Охотники зверя окружают, а Володе велят в сторонке стоять, во весь голос кричать и из ружья палить. Медведь на крик ни за что не пойдет, он в другую сторону направится, а там как раз и засели охотники. С тех давних пор запряталась в сознании Володи мысль, что «крикун» только пугает, а настоящего дела не делает. Главное же происходит там, где тишина и спокойствие.

Что бы ни случалось, Володя всегда привык видеть отца спокойным и уверенным. Напоролся как-то один человек в лесу на медведя, ранил его, а ружье двухзарядное, и второй патрон отсырел. Этот человек кричит: «Сергей, помоги, медведь задерет!» Отец услышал крик, мигом из-за деревьев выскочил и выстрелил. Медвежья туша тяжелая. Несколько человек на лыжах связкой идут, сани с медвежьей тушей тянут. Шкура достается тому, кто зверя убил. Не ранил, не остановил, а последним выстрелом свалил. И это тоже запомнилось Володе: победителем становится тот, кто умеет завершить дело.

Мама, все дети чувствовали это, сильно уважала отца. И обращалась к нему всегда с надеждой: все он рассудит, и все сумеет, и поступит правильно.

Случалось, мама пожалуется: «Сергей, смотри, пчелы опять в клубок свалялись». Отец пчел любил, шесть ульев держал. Лес кругом лиственный, подлесок цветущий. Пчелы хорошо приживаются. А когда шаром у входа в улей висят, значит, у них вторая матка появилась. Вот-вот сорвется шар с прежнего места и полетит искать себе новый дом. Отец научил Володю двухручную пилу гнуть так, чтоб получалось похоже на пчелиное жужжание. Пчелы пойдут на этот звук, сядут роем на дерево. Тут нужно быстро найти матку, осторожно забрать ее, перенести в запасной улей, который заранее приготовлен. За маткой и все новое семейство переселится в собственный дом. Это сложная работа, и, чтобы справиться с ней, Володя во все глаза глядел за каждым движением отца.

Володя ждал, когда отец позовет его с собой в лес. Отец учил его видеть деревья. Сухие, и больные, и молодую поросль. Наставлял, как распознавать грибы и ягоды, различать голоса птиц и следы зверей. Как-то, Володя был еще совсем маленький, отец показал ему на траве черного жучка. Жучок семенил кривыми лапками. Отец сзади поднес палку, жучок замер. Ножки подобрал, превратился в черный незаметный камушек. «Видишь,— сказал отец,— у всякой букашки и то своя мудрость. А человеку пристало быть мудрее всякой другой жизни».

Запомнил и впитал в себя Володя и отцово учение, и его хозяйское отношение к лесу. Увидит отец: кто-то лыко с липы дерет на лапти, оштрафует, и не проси пощады. Если кто-то, не дай бог, тронет в лесу лося, отец ни за что не простит, строго накажет. Обязательно для лосей, для птиц в лесу расставляет кормушки. Каждого спросит, где, в каком месте и какой след заметили, и все задержит в памяти. Целый день пропадает: чистит лес, и лечит, и новый сажает.

И мать, Улита Тихоновна, тоже без дела не сидит. Только солнце поднялось или даже не появилось еще, уже крутится по хозяйству. Хозяйство немалое. Корова Красуля, красная с белой звездочкой во лбу. Молока дает литров пятнадцать-шестнадцать, но капризная. Овцы, свиньи, куры. Лошадь Малыш да собака охотничья — Котик. Всех надо накормить, приласкать, обиходить. А еще огород, да и в поле — хлеба ждут и ее заботы. Но мать вроде никогда и не устает: и голоса не повысит, и слова обидного не скажет. Все в руках у нее горит. Бегает туда-сюда и поет. Голос у матери звучный, и если соберутся родственники или друзья, Улита Тихоновна запевает в кругу, и голос ее звучит лучше всех. Отец слушает, глаз от матери не отрывает.

Ближнее село Журиничи в трех километрах от их лесного домика. Но люди к ним наведываются часто. То, случается, из Журиничей приезжают родственники или знакомые посоветоваться, поговорить о житейских делах. То прибывают люди в

лес поохотиться или за каким иным делом. С отцом ведут себя как с лесным хозяином. И Володя рано понял: если человек чувствует себя хозяином в своем деле, то живет спокойно и уверенно. И еще почувствовал Володя, человек черпает силу в близких ему людях. Оттого, что отец с матерью ласковы и уважительны, семья их веселая и дружная. И братья с сестрами по пустякам не ссорятся, а любят и понимают друг друга.

И не видел Володя в своей жизни, что можно от какого-нибудь дела отлынить, отказаться. Скажет мать: «Володенька, возьми, сынок, серп, сходи за крапивой для скотины»,— Володя тут же мигом несется за серпом. Попросит отец: «Последышек мой, поставь капканчики»,— Володя и эту просьбу выполнит. И что бы ни задумали Анна, Мария, Степан и даже Татьяна, которая старше-то всего на год, Володя всегда готов пойти в помощники. Но и его никто из старших не забывает. И на плоту прокатят, и в Журиничи на школьный праздник возьмут, а то и на станцию Ботагово прихватят посмотреть, как уходят в иные края поезда.

II

В школу Володя пошел — семи лет ему не исполнилось. Дорога до Журиничей была хорошо знакома. В село ездили на подводе к родственникам. Увязывался Последышек за старшими — братом и сестрами в школу. А то и мать просила снести в село молоко. Семья лесника, как и все колхозники, всякий день сдавала государству три литра молока от своей коровы. Татьяна тяготилась ходить в

На поляне против дома Костиковых
рос Большой Дуб.
Этот Большой Дуб не был лесом,
он жил среди Костиковых членом семьи.

Журиничи. Как-то по дороге потеряла деньги. Мать не бранилась, рассердилась только. И, должно быть, по-своему наказала Татьяну. Позвала меньшого, Володю, сказала ему при дочке: «Теперь ты, сынок, понесешь молоко. Ты мужчина, и я тебе больше доверяю». Володя вздрогнул от радости, хоть и жалко ему было Танюшку. Из сельского магазина носил он матери, если просила, магазинный хлеб, сахар, селедку и аккуратно отдавал зажатую в руке сдачу. Мать никогда не забывала похвалить и благодарила: «Спасибо, сынок, мой помощничек».

Родители думали, Последышек пошел первого сентября провожать в школу старших ребят, а он увидел Марию Яковлевну, знакомую и любимую всеми в Журиничах учительницу, и увязался за ее первоклассниками. Мария Яковлевна за свою долгую и замечательную работу сельской учительницей награждена была орденом Ленина. Всех журинических, и Костиковых тоже, хорошо помнила и Володе не удивлялась. Улыбнулась и строго сказала: «Будешь баловаться, прогоню, а хочешь учиться, учись, скорее профессором станешь». Попросила только, чтоб отец, Сергей Борисович, заглянул к ней в школу.

Улита Тихоновна, не зная, что Володя сидит за партой, сильно волновалась: куда Последышек запропастился? Но когда Володя вернулся из школы учеником, обрадовалась. И отец обрадовался: «Ну, сынок, молодец, ученым лесником будешь». И поехал в Брянск за тетрадками, ручками и карандашами.

Учился Володя старательно и во многих делах успевал быстрее тех, кто был старше его на год, а то и больше. Мария Яковлевна очень им была довольна. Сердилась только, когда Володя рисовал в тетрадках героя-пограничника Карацупу вместе с его собакой. А это случалось довольно часто, потому что Володя раньше всех решал задачки и писал слова. И делать ему тогда было совсем нечего, а без дела сидеть скучно.

Три километра в школу Володя бежал, как на праздник, и так же весело неслась за ним собака — верный друг Котик. Уши у Котика вислые, шерсть гладкая, глаза умные и добрые — все понимают. Но если другие собаки, пока Котик Володьку ждет, задерутся, Котик идет на них грудью, таранит. И не случалось еще, чтобы какая другая собака Котика в схватке осилила. Котик старый и опытный охотник.

Среди радости учения случались, конечно, и невезения. Казались они тогда Володе большими бедами и оттого особенно запоминались. Как-то задала Мария Яковлевна трудную контрольную по арифметике. Сопели, сопели ребята, долго с задачкой справиться не могли. А у Володи задачка сразу получилась. Увидели Ира и Николай, сзади они сидели, что Володя уже потолок изучает, и пихают его в бок — дай, мол, списать.

Володя вроде незаметно на край парты скользнул, но Марию Яковлевну не проведешь. На другой день Володя открыл тетрадку с контрольной и прямо застыл на парте. Впервые за все время учения Мария Яковлевна поставила ему «плохо», а ошибки ни одной не отметила. Сидит Володя, насупился, слезы в глазах копит. Мария Яковлевна с укоризной на него смотрит, спрашивает: «За что же ты, мой отличничек, плохую отметку получил, коли ошибок у тебя нет?» Володя молчит. Тогда Мария Яковлевна Николаю тот же самый вопрос задает, и Коля тоже молчит, глаз не поднимает. «Так вот,— говорит Мария Яковлевна,— ошибки вы, друзья мои, все же сделали. Не в тетради, так в жизни, а это еще страшнее. Тот, кто списал, у того меньше вина, он только себе плохо сделал. А кто дал списать, тот виноват за двоих, он товарищу навредил. Так что придется вас рассадить, чтоб запомнили: за ошибки в жизни приходится расплачиваться». И побрел Володя на глазах у всего класса к первой парте.

Среди долгих школьных дней выпадали и такие, которые несли в себе не только радости или мелкие неприятности, но становились событием, оборачивались мечтой. И вот таким большим днем запомнилась Володе встреча с героем сражений на Халхин-Голе Егором Васильевичем Прозоровым. Егор Васильевич вернулся в Журиничи с медалью «За отвагу». Такой медали во всей округе никто никогда не видел, и Егору, как первому герою в Журиничах, оказывали особый почет и уважение, избрали председателем сельсовета.

Ребята перед встречей с Прозоровым бегали за полевыми цветами, а в класс пришли все нарядные и никак не могли усидеть за партами. Все вскакивали посмотреть в дверную щель: не идет ли? Наконец, Мария Яковлевна привела героя Прозорова в класс, и ребята совсем близко увидели этого храброго человека. Темно-синие галифе и хромовые сапоги, начищенные до блеска. Форменная, защитного цвета рубаха, а на груди — медаль «За отвагу».

Володя и все его одноклассники к партам присохли, а глазами в Егора Васильевича впились, слушают. Какие там края, где Егору пришлось воевать? Степь, пески, ковыли, а леса и вовсе нет. Вот ведь как бывает, живут люди и без леса. И воды у них мало. И ураганы носятся по степи, песчаные тучи поднимают.

Но пусть солнце палит, или песчаная туча застит глаза, или жажда мучит в дороге, бойцы все равно идут в бой, выполняют приказ командира.

И вот пришел однажды приказ отбить у врагов сопку. Пошли красноармейцы в атаку. Бились час, бились другой, потеряли товарищей, а победы все нет. Тогда поняли они, что лобовой атакой не осилить им врага и надо заходить в тыл. Оставили малую часть бойцов на прежнем месте, чтобы врагу до поры не раскрыть своей хитрости, а Егор повел за собой остальных красноармейцев в обход сопки. Нельзя верить тому, кто рассказывает, что не страшно в бою. Очень даже страшно, но никто из красноармейцев не дрогнул. Ранило командира, в атаку впереди бойцов пошел Егор Прозоров. И сопку они отбили. За это и получил Егор свою медаль «За отвагу».

Ребята героя Прозорова забросали вопросами, и он на все подробно и охотно отвечал. И как в штыковую атаку ходят. И что такое позиционная война. И чем отличается тактика боя от стратегии — очень это трудная штука для понимания. Но интереснее всего объяснял Прозоров, как действует в Красной Армии закон «Один за всех и все за одного», советовал запомнить этот закон. Сказал, что и для пионерской жизни пригодится.

В пионеры Володиных одноклассников принимали в апреле, в день рождения Владимира Ильича Ленина. Володю, хоть он и возрастом не вышел, все же вместе со всеми приняли. Был он лучшим учеником, всякую работу любил и слыл среди ребят добрым товарищем.

Мария привезла Володе из Брянска красный пионерский галстук с зажимом, которым в ту пору галстук скрепляли. Отец купил своему Последышу черный нарядный костюм и белую рубашку. Мать приготовила парадный обед, и все — брат и се-

стры — собрались дома и ждали Володьку. Старшие дети учились уже в Брянске: Анна и Мария — в педагогическом техникуме, а Степан — в сельскохозяйственном, на лесника, как мечтал отец.

Володька сидел за праздничным столом именинником. Рассказывал, как привели их на площадь перед сельским Советом, к памятнику Ленину, выстроили. И они давали Торжественное обещание.

Комсомольцы повязали им галстуки, а старая коммунистка Мария Яковлевна, которая была не только их учительницей, но еще и директором школы, сказала им слова напутствия. Спросила, готовы ли они бороться за дело партии. И они хором ответили: «Всегда готовы!» Им подарили полевые цветы и устроили для них концерт самодеятельности.

На глазах у отца и матери Володя видел слезы, которые они украдкой смахивали, и понимал, что они разделяют его радость и его праздник. И принимают теперь, как равного среди них, взрослых.

III

А через год с небольшим, в июне сорок первого, началась война.

В этот день, выходной же был, ничего еще о войне не зная, запрягли Костиковы своего Малыша в телегу с рессорами и отправились всей семьей в Журиничи к родственникам. Улита Тихоновна надела любимое янтарное ожерелье, которое подарили ей на свадьбу, и оно сверкало на солнце золотистыми лучиками. И мама, вся такая нарядная и веселая, пела дорогой любимые отцовы песни — «Там, вдали за рекой» и «Три танкиста, три веселых друга». Радость их споткнулась о тяжелый и беспокойный взгляд Степана, брата отца, который появился на крыльце, как только заслышал колокольчик Малыша. Он сказал одно только слово: «Война». И все замерли, словно оледенели.

На той же телеге, на какой приехали, забрав с собою дядю Степана, поехали Костиковы к правлению колхоза. Там уже собрались почти все журинические мужики. Сидели, понуро опустив головы, молчали и курили. Володя никогда еще в своей жизни не видел столько взрослых растерянных лиц, и радостное спокойствие, которое сопутствовало Последышу всю его жизнь, вдруг разом покачнулось. Володе стало, как никогда, страшно.

А тут еще прибежал кто-то и крикнул торопливо: «Парашютиста на поле поймали». Впервые Володя услышал слово «диверсант». И прямо перед собой увидал врага. Немец, высокий, светлый, держался дерзко. Ненавистно смотрел на собравшихся у правления людей. Говорил по-русски без всякого акцента, требовал, чтобы отправили его в Брянск к начальству, и скверно ругался. Этот парашютист в одно мгновение перевернул прежнее представление о войне. Раньше казалось, что войны идут где-то далеко от привычной жизни и, сражаясь там, вдали от дома, мужчины возвращаются в родные края героями, как Егор Прозоров, или вовсе не возвращаются. А парашютист привел войну прямо к крыльцу, в родное село Журиничи. И это было ново и жутко.

Председатель колхоза Семен Максимович Матюхин объявил всем, чтобы подковали коней и в сбруе привели к правлению. Лошади тоже должны были идти воевать. В журинические дома посыпались повестки, и мужчины один за другим стали отбывать на войну.

Отцу, Сергею Борисовичу, к тому времени минуло уже пятьдесят, и его взяли не сразу, только в конце июня. Прощался он с семьей и друзьями под любимым своим Большим Дубом. Стол был праздничный, и разговор шумный, и песни те же, что раньше. Только глаза отца смотрели невесело и не светились в них прежняя уверенность и спокойствие. На прощание отец сильными своими руками поднял Володьку высоко к небу. Пронес от Большого Дуба до Вековой Ели, прижал к себе так крепко, словно навсегда хотел соединить с собою, и тихо шепнул: «Прощай, сынок, Последышек мой, теперь ты остаешься за хозяина». При всех, вернувшись к Дубу, снова повторил: «Мать, Владимир теперь остается хозяином». И заторопился в дорогу.

А через несколько дней Володя, как хозяин лесного их дома, помчался в Журиничи на Малыше, чтобы навсегда оставить его там для войны. Малыш жался к Володьке, тыкался мордой в лицо мальчика и плакал, как человек.

Теперь Володя ложился спать последним. Он отвечал за двух женщин — мать и сестру Татьяну. Степан и Мария жили в Брянске и наведывались нечасто. Ответственность за семью обернулась для Володьки чувством незнакомым и хлопотным. Оно обострило его зрение, научило размышлять на несколько ходов вперед, заботиться о семье. В хозяйстве всегда находилось дело: то нужно было сменить подстилку корове, то наколоть дрова, собрать яйца из-под кур, а то и замок сменить и приладить петли металлические, чтоб дверь закрывалась плотно: вдруг какой парашютист — враг забредет?

Враги, по всему было видно, приближались к их дому. Все чаще взлетали над лесом черно-красные всполохи сражений и над головами метались и грохотали фашистские самолеты. Мать то и дело просила Володю сбегать в Журиничи: узнать, нет ли каких новостей или весточки от отца. Отец написал им, что воюет под Смоленском, что враг сильно жмет, но все равно Красная Армия победит, потому что наше дело правое. И он еще вернется, ждите.

И они ждали. Но в дом приходили незнакомые солдаты, усталые и измученные боями и дорогами. Рассказывали, что Орел уже захвачен немцами и враг теснит нашу армию на восток. У всех, кто приходил, мать спрашивала, не встречался ли им Костиков Сергей Борисович, думая, так же, как и Володя, что война идет где-то в одном месте, на одном большом поле. Но никто отца не встречал.

Однажды в дом постучал командир, на петлице у него Володя разглядел три шпалы. За ним ступили в сени еще человек десять бойцов и командиров. Мать дала им умыться, отцову одежду — переодеться, накормила досыта. Потом командир отвел мать в сторону, сказал что-то, чтоб никто не слышал. Поговорили они, а потом Улита Тихоновна позвала Володю, объяснила командиру: отец, мол, оставил его за хозяина. Он парень умный, пионер, во всем вам поможет.

Командир похлопал Володю по плечу, обнял и попросил спрятать оружие. Ушли они вдвоем к Вековой Ели. Отступили пять шагов в сторону, вырыли глубокую яму и спрятали автоматы и револьверы, пистолеты, патроны, гранаты. Забросали листьями, и командир сказал: «Мы вернемся, сынок, сбереги оружие. Наше дело правое, не сомневайся, мы победим». И крепко, как мужчине, пожал Володе руку.

После их ухода остался у Костиковых красавец конь Игрек. Белый, как снег, в голубых яблоках.

Летал, как ветер, а остановиться мог в одно мгновение. Только прикоснешься к его холке, он, как в сказке, в тот же миг ложится на землю и застывает как мертвый. Словно собака, умел подавать левую или правую, переднюю или заднюю ногу. И понимал все с полуслова — ученый был конь.

Жизнь в лесном доме очень изменилась теперь. В дом постоянно заглядывали отступавшие на восток красноармейцы, и мать с утра ставила на огонь самые большие чугуны, варила похлебку и картошку. Бойцы приходили голодные, грязные, изможденные, но веру в победу сохраняли, и все, как один, обещали вернуться.

И вдруг... поутру ворвались в дом враги.

Наглые, шумные, заорали «Хенде хох!», похватали, что попалось, даже мясо из чугунка вытащили руками. Сунули Володьке кулак под нос и помчались дальше на мотоциклах.

Мать горько плакала. Ее маленькая плотная

Улита Тихоновна схватила в охапку Танюшку, грудью зажала ей рот и шептала, шептала: «Татьянка, не шелохнись, доченька». Шорох фашистских шагов по хрустящему морозному снегу был слышен совсем близко.

фигурка, показалось Володе, и вовсе уменьшилась, и утешить маму Володе было нечем.

А ночью снова пришли свои. Володя, отогнав сон, выскочил из постели, бросился к двери. Лица незваных гостей были знакомые. Все они или почти все приезжали когда-то к отцу поохотиться или по другим делам, и мать обрадовалась им так, словно отца увидела. Всю ночь они шептались при закрытых дверях, и мать успела сказать Володе: «Не волнуйся, сынок, это свои. Они пришли к нам, потому что тут, в лесу, спокойнее. Им надо решать важные задачи». Какие задачи — мать не говорила, а может, и не знала сама. И только много позже догадался Володя, что в ту ночь в их лесном доме рождался партизанский отряд. Это случилось уже в октябре — лес шумел разноцветной осенней листвою и дули холодные и быстрые осенние ветры.

IV

Новости, которые Володя и Таня приносили теперь из Журиничей, становились день ото дня все печальнее. Поначалу немцы располагались в городах, на крупных железнодорожных станциях, в поселках побольше. Но вот настало время, принялись они расползаться по деревням и селам и только лесов побаивались.

Повсюду, и в Журиничах, гитлеровцы вывесили приказы, в которых требовали, чтобы все коммунисты, активисты, командиры Красной Армии явились в гарнизон на железнодорожную станцию Белые Берега. Если же кто укроет у себя активиста, коммуниста или командира, а то и поможет партизанам, обязательно будет расстрелян.

Один раз Вася Дюков, Володин товарищ, учившийся в классе постарше, потихоньку сунул Володьке фашистское объявление, которое мальчишки украдкой сорвали со столба. Вечером, плотно затворив дверь, Володя с матерью и Татьянкой несколько раз прочитали это объявление, написанное хоть и по-русски, но будто не по-нашему:

«Граждане

Кто действует против германских войск, в особенности скрывает, снабжает или чем-либо помогает партизанам, будет подвергнут расстрелу, имущество его будет уничтожено.

Кто спокойно выполняет свою работу и должность и воздержится от всякого действия против германских войск, тому будет обеспечена германскими солдатами жизнь и имущество, безопасность и порядок.

Командующий территорией».

Мама, Улита Тихоновна, посидела молча, подперев голову руками. И вдруг, словно стряхнув с себя чужие дурманящие слова, решительно встала из-за стола, бросила бумажку в огонь, сказала:

— У нас, дети, своя правда. И наш отец за нее пошел воевать.

И снова, как прежде, ставила варить еду для тех, кого называла своими, чтобы хоть на время становился для них родным дом лесника Сергея Борисовича Костикова.

Партизаны все чаще и чаще появлялись у Костиковых ночами. Приходили с ними Степан и Мария. Анна, старшая сестра, перед войной уехала в Кромы, под Орел, учительствовать, и война задержала ее там, разъединила с семьей.

В самом конце октября в Журиничи прибыла немецкая машина.

Несколько наглых гитлеровских солдат с лихой радостью безобразничали по домам и дворам, таская кур и свиней, забирая все, что приглянулось. Тетя Женя, мамина сестра, рассказывала об этом со слезами и отчаянием, стараясь передать Володе возмущение и боль своих односельчан. И все повторяла: «Ничего, наши им тоже дадут жару. Наши тоже не дремлют. Вот наши соберутся с силами». На обратной дороге домой Володя все думал о том, как хорошо жить среди своих. Как спокойно, когда есть кому за тебя заступиться и есть на кого надеяться. Тогда и сам становишься сильнее и увереннее.

Вторую фашистскую машину, направлявшуюся для грабежа в Журиничи, партизаны выследили и устроили засаду. Гитлеровцев всех перестреляли, а машину сожгли. И хотя сгорела всего лишь одна машина среди сотен и тысяч машин, танков и самолетов и уничтожены были только несколько гитлеровских солдат, журинические вздохнули легко и радостно. Впервые после начала войны. Какие ни пришли бы сложности и испытания в жизни, человеку так важно сохранять достоинство. Не умея еще выразить это словами, Володя и Таня почувствовали это сердцем.

Седьмого ноября, в праздник Великой Октябрьской социалистической революции, в свой день рождения, Володя, ничего никому не сказав, достал красный пионерский галстук, который прятал теперь в стволе отцова ружья. Надел его под рубаху, прикрыл надежно курточкой и отправился в Журиничи к тетке. После того, как партизаны «поддали жару» фашистам, настроение у тети Жени поднялось, и надумала она устроить «пир горой» в честь праздника революции и одиннадцатилетия любимого племянника.

Сидя за праздничным обедом, услышали они рокот моторов и увидели в окно, как одна за одной влетели в село на этот раз уже три фашистские машины, а в них — не один десяток гитлеровцев. И снова Володя услышал незнакомое слово «каратели».

Не успели подняться из-за стола, как в дом тети Жени ворвались враги. Муж тети Жени, дядя Никита Прозоров, был коммунистом, колхозным бригадиром, а каратели начали расправу с семей коммунистов и активистов. Мужчины из этих семей давно уже были на фронте или в партизанах, а женщин, стариков и детей выгнали на площадь, вокруг которой частоколом стояли пулеметы. Постепенно на ту же площадь под дулами автоматов согнали и всех остальных жителей села. Заставили стать кругом сзади пулеметов: смотреть и запоминать, как расправляются с теми, кто воспротивился гитлеровским властям.

Осенний холодный ветер быстро выпотрошил из Володи все тепло тети Жениного дома, и Володя никак не мог унять колотившиеся друг о дружку зубы. Он открывал рот, хватал холодный, ранящий горло воздух и переминался с ноги на ногу, не успевая сообразить, что же последует за всем уже случившимся.

Распоряжался долговязый, жилистый немец. Красные руки его, казалось, слишком далеко просунуты в рукава мундира и висят в холодном воздухе раскаленными головешками. Вот он взмахнул своей головешкой, и Володя невольно съежился.

Фашисты у пулеметов зашевелились, будто приготовились к бою. А Володя все еще никак не мог понять, с кем собираются воевать эти страшные каратели.

И вот сразу все замелькало перед глазами, и, словно из тумана, услышал Володя женский голос: «Изверги, что делаете?» Кулак, который казался

огненным, мелькнул в воздухе — раздался выстрел. Женское лицо поползло вниз, к ногам стоящих рядом людей. Володя вдруг понял, что фашист выстрелил в эту женщину и убил ее или ранил.

Подумалось: может, все это сон, страшный сон? Огненный кулак фашиста снова взлетел над головами: «Так будет с каждым, кто убивает солдат фюрера!» И Володя ясно увидел, как кулак-головешка опускается прямо над ним. Вокруг все загрохотало. Раздались выстрелы. Володя потерял себя в этом грохоте.

У дурных вестей быстрые крылья. К вечеру Улита Тихоновна знала уже, что родственников ее, а вместе с ними и ее Последышка, Володю, фашисты расстреляли на площади в Журиничах. И она, не помня себя от горя, бежала в Журиничи, хотя ничем уже не могла помочь погибшему сыну.

Вдруг ей показалось, что она видит его на дороге. Она споткнулась и со всего маху упала. Ударилась, но не почувствовала боли, вскочила — и... нет, не исчезло видение: по дороге шел ее Последышек, хотя вряд ли кто, кроме нее, матери, мог бы сейчас узнать его.

Потеряв привычную для себя быстроту и стремительность в движениях, он казался тенью, собственной тенью. Словно разрядили его душу, лишили силы и радости его тело. И оно растворилось, растаяло в такой широкой теперь курточке. Володя едва передвигал ноги, и эти ноги почему-то больше всего поразили Улиту Тихоновну. Они, казалось, превратились в хрупкие стебельки, готовые вот-вот переломиться.

— Володя, Володенька! — закричала Улита Тихоновна, но голос не слушался ее, срывался, и она почти прошептала: — Сыночек мой родненький, ты ли это? — И вдруг увидела его глаза, седые, бесцветные.

Улита Тихоновна снова не устояла, повалилась к ногам сына. Осторожно, боясь переломить, ухватилась за эти странные ноги-стебельки. Руки ее

У всех, кто приходил, мать спрашивала, не встречался ли им Костиков Сергей Борисович. Но никто отца не встречал.

дрожали. Она почувствовала, что они липнут к брюкам. Кровь. Она сразу поняла: это кровь. Улита Тихоновна поднялась, подхватила сына на руки, не чувствуя тяжести, и снова ощутила руками кровь.

Обливаясь горькими слезами и отогревая сына своим дыханием, понесла она его к дому кустарником, время от времени выглядывая на дорогу.

Не понимая еще, как удалось Володе спастись, потеряв надежду услышать от него хоть какое-то слово, Улита Тихоновна молила только об одном, чтобы сын жил.

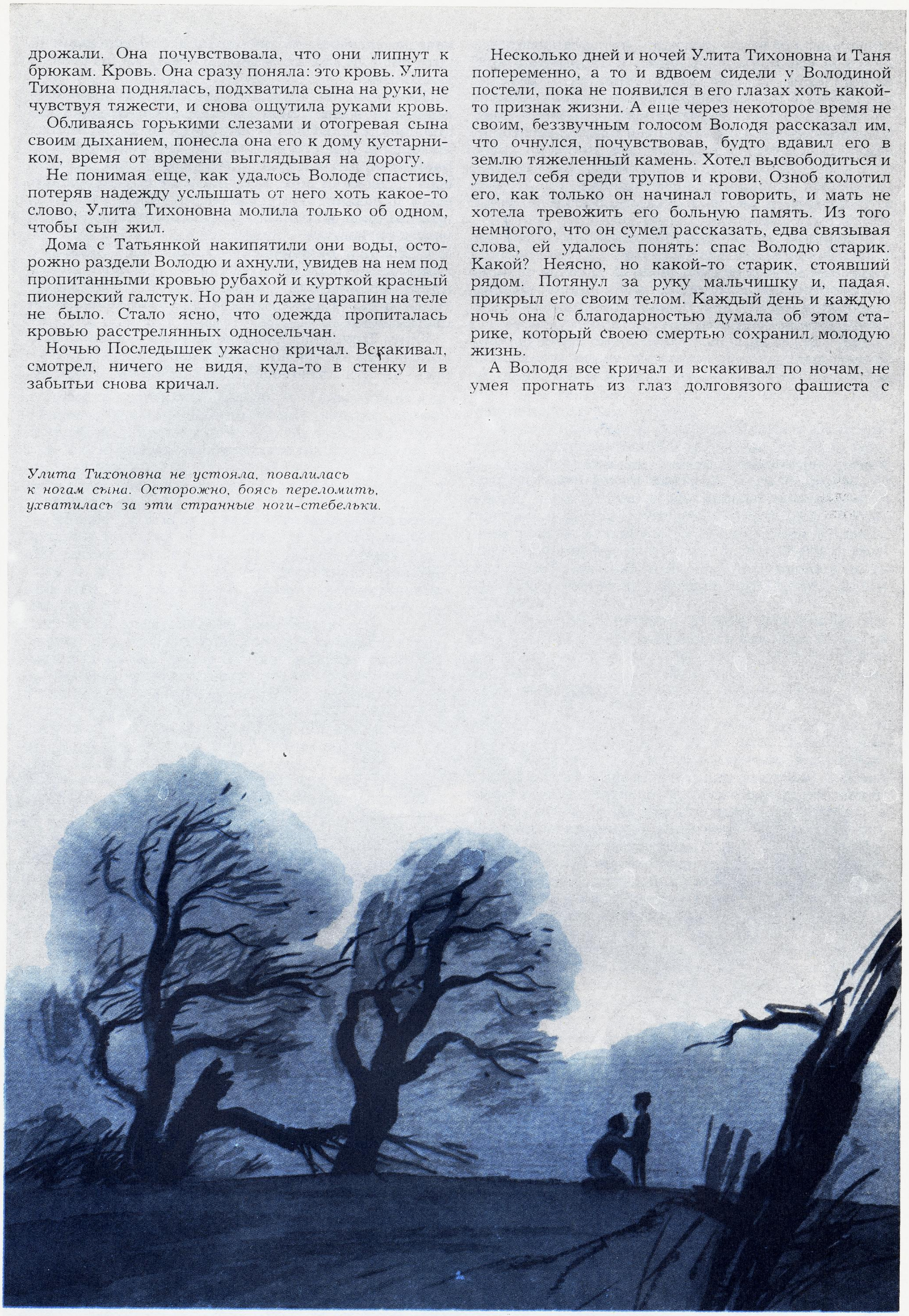
Дома с Татьянкой накипятили они воды, осторожно раздели Володю и ахнули, увидев на нем под пропитанными кровью рубахой и курткой красный пионерский галстук. Но ран и даже царапин на теле не было. Стало ясно, что одежда пропиталась кровью расстрелянных односельчан.

Ночью Последышек ужасно кричал. Вскакивал, смотрел, ничего не видя, куда-то в стенку и в забытьи снова кричал.

Несколько дней и ночей Улита Тихоновна и Таня попеременно, а то и вдвоем сидели у Володиной постели, пока не появился в его глазах хоть какой-то признак жизни. А еще через некоторое время не своим, беззвучным голосом Володя рассказал им, что очнулся, почувствовав, будто вдавил его в землю тяжеленный камень. Хотел высвободиться и увидел себя среди трупов и крови. Озноб колотил его, как только он начинал говорить, и мать не хотела тревожить его больную память. Из того немногого, что он сумел рассказать, едва связывая слова, ей удалось понять: спас Володю старик. Какой? Неясно, но какой-то старик, стоявший рядом. Потянул за руку мальчишку и, падая, прикрыл его своим телом. Каждый день и каждую ночь она с благодарностью думала об этом старике, который своею смертью сохранил молодую жизнь.

А Володя все кричал и вскакивал по ночам, не умея прогнать из глаз долговязого фашиста с

Улита Тихоновна не устояла, повалилась к ногам сына. Осторожно, боясь переломить, ухватилась за эти странные ноги-стебельки.



красными, сверкающими в воздухе кулаками, не в силах загасить в ушах выстрелы пулеметов, крики и стоны детей и женщин.

Ненависть к врагам и боль за своих заполнили все его существо. Ненависть и боль поселились вместе с Костиковыми в их доме, чтобы обернуться желанием мстить.

V

Километрах в четырех от домика лесника партизаны зарыли продукты и, когда наведывались к своему продовольственному складу, ночевали у Костиковых. Однажды Володя показал старшему брату Степану, где спрятал оружие, оставленное на хранение командиром Красной Армии. Командир не возвращался, а оружия так недоставало в отряде. Партизаны с благодарностью унесли его с собой, уверив Володю, что командир одобрил бы их действия. Как-то партизаны попросили Володю пойти в Белые Берега, посмотреть, что там и как: велик ли гарнизон, есть ли полиция, как охраняется дорога, какие и когда идут поезда? Чуть позже на этом участке дороги пошел под откос эшелон, взорван был мост и устроена засада на группу полицаев. Фашисты пришли в ярость.

Гитлеровцы знали, что в партизанском отряде много журинических, и к зиме карательный отряд, снова неожиданно ворвавшись в село, сжег Журиничи до основания. То место, где раньше стояло село, объявили мертвой зоной. Если заставали кого-то в радиусе десятка километров от бывших Журиничей, тут же отправляли за колючую проволоку. Прямо на месте расстреливали или вешали.

Партизаны распорядились построить в доме лесника нары в три яруса для людей, оставшихся без крова, и Володя с утра до вечера помогал в этой работе. Ночами все располагались на нарах, а утром, только начинало светать, уходили в лес, в землянки, ветвями заметая за собой следы на снегу.

Володя же, как это ни было опасно, пробирался в мертвую зону, спускался в земляные подвалы сожженных журинических домов, чтобы найти хоть что-то съестное. Всех, кто поселился теперь в их доме, надо было кормить. Пережив свою смерть, Володя больше не испытывал страха. Или, может быть, так ему только казалось.

И вот однажды ранним тихим морозным утром, только-только перебрались все постояльцы в лес, зарокотала по дороге от Журиничей машина. Добрались фашисты и к дому лесника. Улита Тихоновна и Таня далеко от дома не уходили. У ближнего ельника еще с довоенных времен лежал полый ствол старого здоровенного дуба. Дерево отец выбрал когда-то для ручной мельницы, которую сам мастерил, и теперь мать с Татьяной, как по трубе, проходили стволом к запрятанной в ельнике, укрытой снегом и простынями глубокой яме. Там они жили зимними днями, разжигая небольшой костерок прямо рядом с собою. Из этого своего убежища увидели они, как растворяется в огне и исчезает их дом, в котором они жили так дружно и счастливо. Улите Тихоновне казалось, что огонь уничтожает всю ее жизнь. Но после расстрела и спасения ее Последыша она думала только о том, чтобы сохранить детей. Ее муж, ее любимый Сергей Борисович, и при прощании, и в письмах просил ее об этом.

Улита Тихоновна схватила в охапку Танюшку, грудью зажала ей рот и шептала, шептала: «Татьянка, не шелохнись, доченька». Шорох фашистских шагов по хрустящему морозному снегу уже был слышен совсем близко. Гитлеровцы, видно, подошли к полому дубу, да не догадались, что именно за ним хоронятся хозяева только что спаленного ими дома. Углубиться в лес они не рискнули и, вскочив на машину, уехали.

Прошел день, другой, неделя, и все стали привыкать к новой, даже ночами, жизни в лесу. Однажды к общему лесному костерку из отряда пришли два незнакомых человека. С их приходом Володя узнал еще одно новое для себя слово — «десантник». Десантники были сброшены с парашютами и рациями в расположение партизанского отряда и вот теперь рассказывали людям, что немцев от Москвы погнали и на фронтах наметился перелом в нашу пользу.

Вдруг, в тот самый момент, когда один из десантников, Николай, подсел к ребятишкам, Володя спиною почувствовал, что в лесу что-то происходит. Оглянулся и обмер: фашисты в белых маскировочных костюмах, на лыжах бесшумно надвигались прямо на них. Недаром недоброе чуяла Улита Тихоновна. Выследили гитлеровцы, как уходят днем в лес обитатели лесного домика.

Володя вскочил и не помня себя заорал: «Немцы! Спасайтесь!» И сам рванулся в сторону, в глубину леса. В лесу Володя чувствовал себя уверенно. Он знал тут каждый кусочек земли и умел ступать в валенках даже по глубокому снегу, не проваливаясь. За ним на лыжах скользил десантник, Николай.

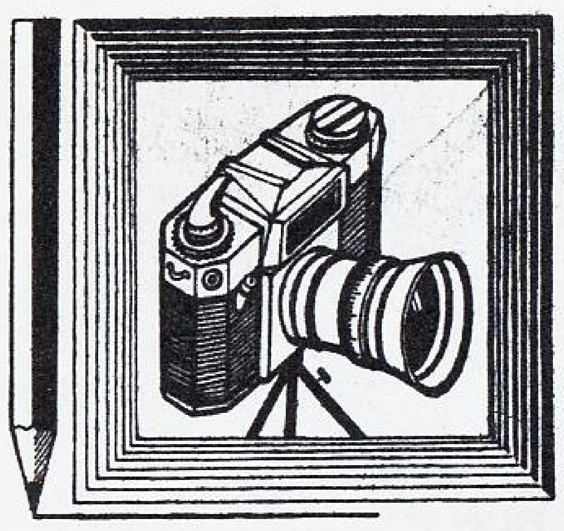
За спиной непрестанно раздавались выстрелы, автоматные и пулеметные очереди и крики. У большака, который вел к селу Бояновичи, Володя и Николай засели в кустарнике. Тут Володя невольно зажал сердце руками, но сердце не слушалось, пыталось вырваться из ватной куртки на холодный снег.

Пальба как-то сразу вдруг прекратилась, и некоторое время спустя Володя и десантник увидели, что в сторону Бояновичей промчалась подвода. Слышна была громкая немецкая речь и стоны, должно быть, увозимых на пытки и казнь окруженных в лесу людей.

Ночью Володя с Николаем побрели чащобой на место бойни. Всю свою жизнь прожив в лесу, Володя никогда не слышал, чтоб деревья так жутко, так тоскливо выли, словно собака, потерявшая хозяина. «Ву-у, ву-у, вы-ы, вы-ы»,— плакали и стонали деревья, а на снегу, чуть в стороне от стоянки, снег стал черным от трупов и красным от крови. Снова увидев столько растерзанных и окровавленных трупов сразу, Володя потерял сознание и повалился в снег.

Очнулся он уже в партизанском отряде. Рядом с ним сидели мама и Танюшка. Второй десантник, он оказался мастером спорта по лыжам, петляя по лесу, добрался до партизан. И партизаны, выслав разведку, забрали из ельника Улиту Тихоновну, Танюшку, подоспевших Николая и Володьку и еще одну раненую девочку, Катю,— всех, кто остался в живых. Катя, белее снега, лежала на срубленных ветвях ели. Кровь сочилась из ее горла, и Катя не говорила, хрипела: «Они всех убили. Всех убили». Володя лежал неподалеку. Увидев, как тяжело умирает маленькая Катюшка, он почувствовал, что снова все плывет перед глазами и уходит от него, исчезает...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



МИНСК

Гитлеровцы захватили Минск уже на шестой день войны, но так и не смогли покорить его за три года оккупации.

За три года минские подпольщики провели полторы тысячи боевых операций: взлетали на воздух склады, подрывались на минах автомашины, слетали с рельсов воинские эшелоны. А еще подпольщики поддерживали в остальных минчанах веру в Победу. Этому помогали листовки, сообщения Совинформбюро. Когда стали выходить газеты подпольного горкома партии «Звязда» и «Минский большевик», это было равно успешно проведенной боевой операции.

Рядом с коммунистами в подполье сражались и минские комсомольцы. В первые же дни войны половина городской комсомольской организации ушла в действующую армию. Оставшиеся объединились в подпольные организации. Таких комсомольских организаций и групп было в Минске больше шестидесяти. Многие юные не дожили до Победы, но их имена остались в истории.

На предприятиях и в учреждениях тоже создавались подпольные группы. К началу 1944 года на промышленных предприятиях города действовало 79 диверсионных групп.

По всей Белоруссии тянулись нити от Минского подполья. Многие партизанские отряды были созданы с его помощью, многие жители Минска нашли дорогу в партизанские края. Всего за годы войны из Минска в партизаны ушли около сорока тысяч человек.

Долгие три года длилась борьба минчан с оккупантами. И вот стал приближаться день освобождения города. 29 июня 1944 года началась Минская наступательная операция. 2 июля советские танковые соединения от реки Березины совершили решительный бросок к Минску.

Партизаны помогали вести танки по лесным дорогам, а за несколько дней до начала операции, в ночь на 20 июня, партизаны взорвали в разных местах 40 755 рельсов. А потом и совсем парализовали движение на важнейших железных дорогах.

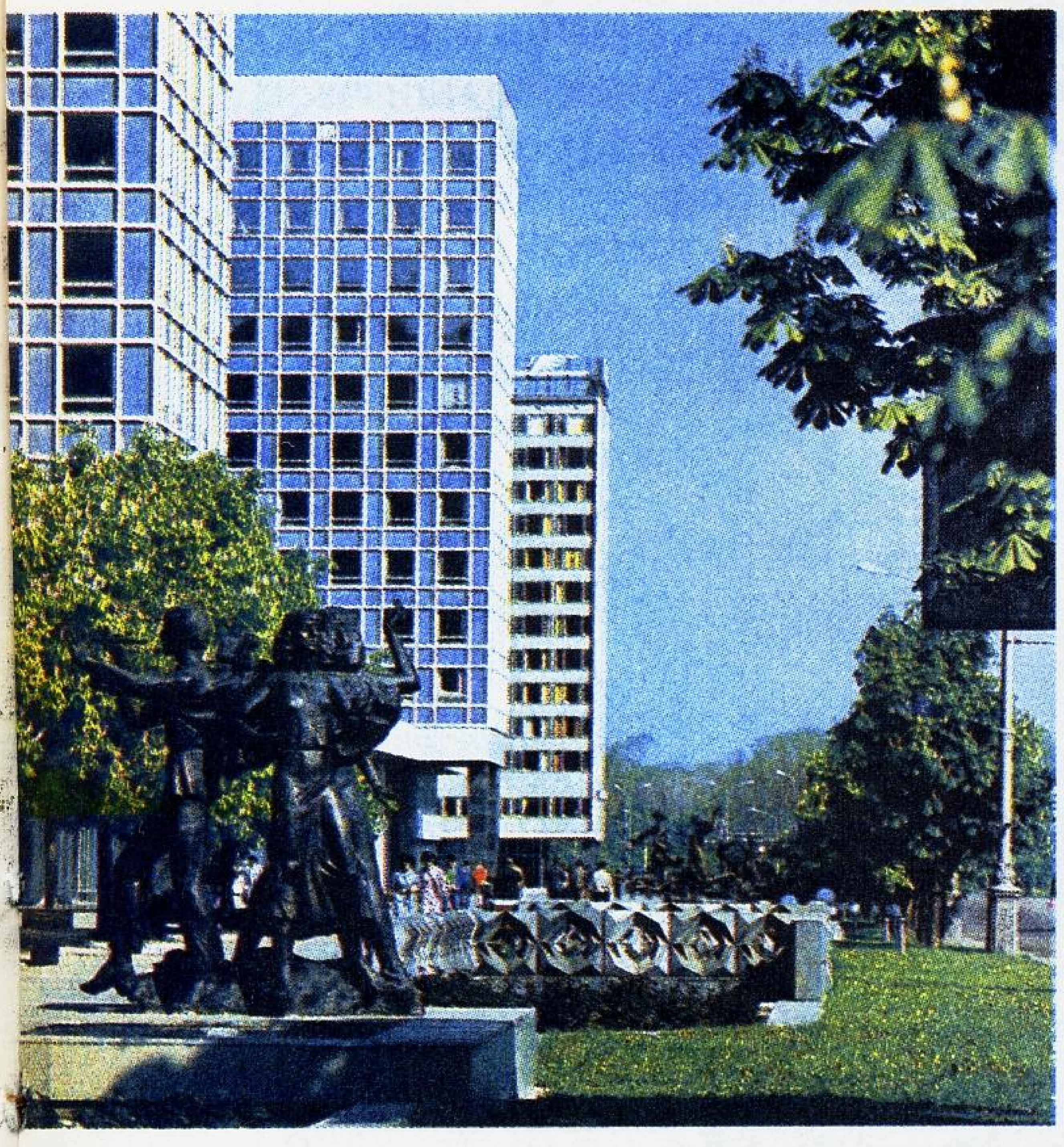
На рассвете 3 июля советские войска с ходу, неожиданно для врага, ворвались в Минск. Рядом с ними на улицах города сражались минские подпольщики и партизаны.

Кончилась война, поднялась из руин столица Белоруссии. И само гордое имя ее — Минск — как память о героическом прошлом.

Фотографии В. АРСИРИЯ, Б. ЗАДВИЛЯ, Т. ГУТИНА.

*Наступление советских войск на Минск развертывалось стремительно.
И вот уже враг отброшен от города,
и вот уже вступают на его улицы
белорусские партизаны,
воины частей Советской Армии.
И цветами встречают их минчане...*

Разрушенный войной Минск отстроили заново. Просторные площади и светлые дома дышат спокойствием. И только обелиски, вздымающиеся к небу, напоминают о грозных годах, предупреждают: люди, берегите мир!



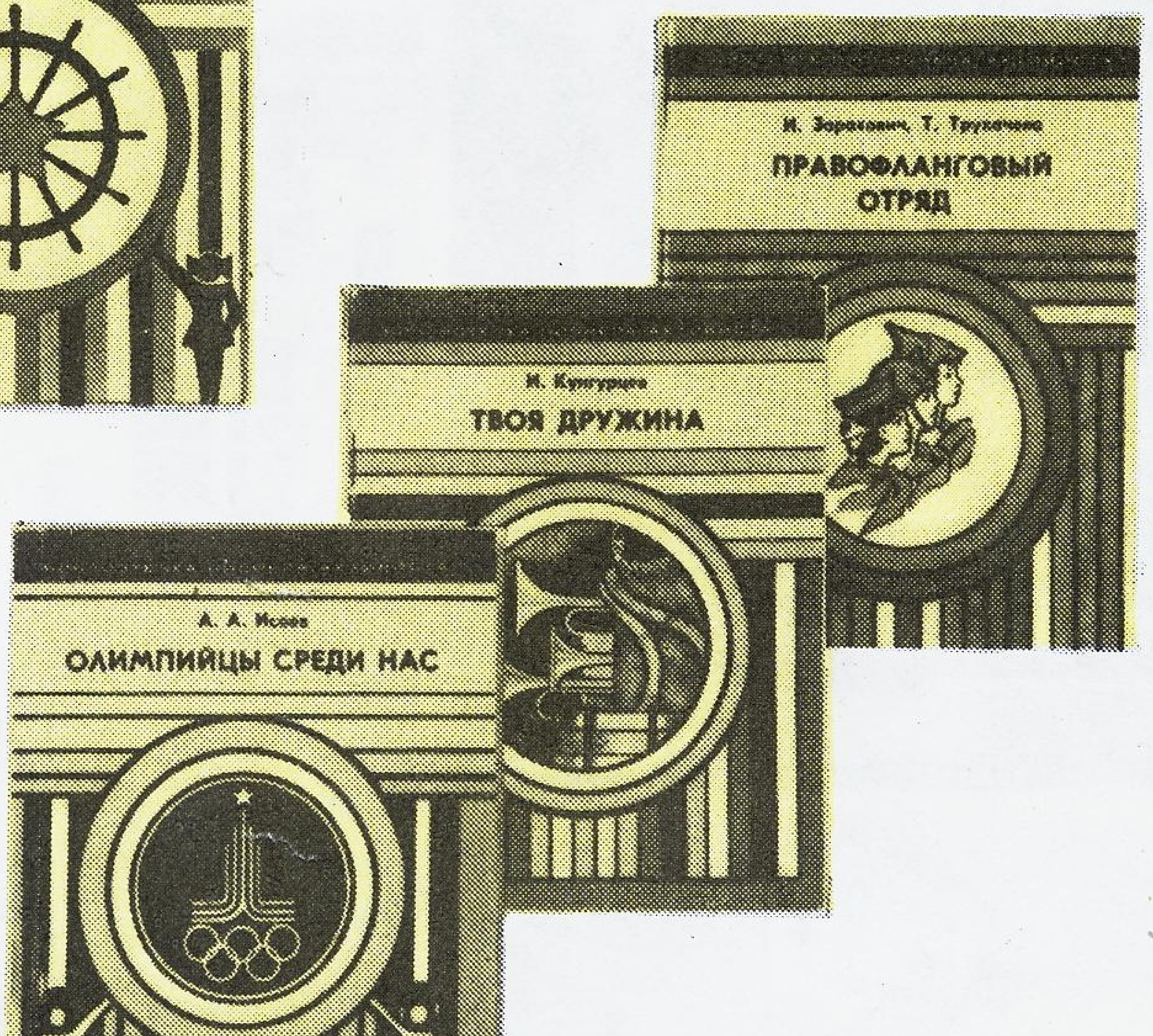
БИБЛИОТЕЧКА ПИОНЕРА-АКТИВИСТА

У тех, кто входит в выборный пионерский актив, кто выполняет временные или постоянные пионерские поручения, каждый день возникают десятки «как». Как интересно организовать сбор отряда? Как по-боевому выпускать отрядную и дружинную стенную газету? Как оживить работу во дворе, чтобы всем было весело и интересно? Активистов интересует и многое другое — как провести политинформацию в отряде, как готовить ребят в комсомол, чем занимается пионерский штаб, штаб Тимура, за что присваивается пионерскому коллективу звание — правофланговый? На эти и многие другие вопросы пионерской жизни помогают тебе ответить старшие друзья отряда, ветераны пионерского движения, вожатый, пионерские газеты и журналы. И еще у каждого из вас есть верный и надежный помощник — «Библиотечка пионера-активиста». Ее выпускает пионерская редакция издательства «Молодая гвардия». И каждая книжечка, посвященная той или иной теме, выходит тиражом 100—150 тысяч экземпляров. Книжечки «Библиотечки пионера-активиста» можно найти в любой детской библиотеке. В этой серии вышло уже более тридцати названий.

Вас интересует юнкоровская работа в дружине? Откройте книжку «Юнкору», и вы узнаете о том, когда впервые появились юные корреспонденты в пионерской организации, как проходил I Всесоюзный слет юнкоров, который приветствовал Максим Горький, прочтете об истории газеты «Пионерская правда» и журнала «Пионер», об интересной работе клубов и кружков юных корреспондентов. В книжке «Октябрята» рассказано о том, как готовить октябрят в пионеры, чем должен заниматься вожатый октябрятской группы. Об операции «Живи, книга» рассказывает книжка такого же названия, в ней много полезных советов о том, как беречь учебники, как помогать библиотеке. Ваш отряд отметил день своего рождения. О том, что такое символы и ритуалы в пионерской организации, что они означают, как правильно и четко провести линейку, пионерский сбор, каждый из вас может прочитать в книжке «Символы и ритуалы в пионерской организации». Тем, кто участвует в тимуровском движении, полезно познакомиться с книжкой «Юным тимуровцам».

«Библиотечка пионера-активиста» может храниться и в пионерской комнате, чтобы каждый мог всегда найти ответ на любой вопрос, который его волнует.

Малая Пионерская Энциклопедия



ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА • ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА •

ИСТОРИЯ одного РАЗГОВОРА

Гайдар во Владивостоке

На III Всесоюзном слете тимуровцев, который проходил прошлым летом в городе Черкассы на Украине, я познакомилась с тимуровцами из Владивостока. Долго говорили мы с Таней Колесник, комиссаром штаба «Мальчиш» детского клуба имени А. П. Гайдара при домоуправлении. Таня рассказывала о жизни штаба, о его делах, а в конце разговора протянула мне тоненький альбом в красной обложке.

Альбом я внимательно просмотрела: медленно переворачивала страницы, вчитывалась, вглядывалась в фотографии, представляя далекое время. И вот что поняла: тимуровцы из Владивостока сделали находку. Они восстановили историю одного важного разговора.

* * *

В 1932 году в Приморский край приехал человек в военной форме. У него был широкий лоб, веселые умные глаза, добрая улыбка. А когда он знакомился с кем-либо, то протягивал руку и просто говорил: «Здоро́во. Голиков — специальный корреспондент «Тихоокеанской звезды».

Как вы уже догадались, этим человеком был известный детский писатель Аркадий Петрович Гайдар.

Писатель приехал на Дальний Восток через несколько лет после окончания гражданской войны. Знаменитые волочаевские бои, освобождение Хабаровска, Владивостока от интервентов и белогвардейцев, слова Владимира Ильича Ленина, произнесенные на Пленуме Московского Совета осенью 1922 года: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский...» — все это уже стало историей.

Звон боевых сабель, стук копыт разгоряченных коней, героика военных будней остались позади. Впереди — новая жизнь.

Будущее нужно было создавать своими руками... Каждый день далекого Приморья проходил в напряженном рабочем ритме. Новые города, заводы, фабрики рождались на глазах. И на Дальний Восток ехали те, кто не мог находиться в стороне от главных дел и забот страны. Среди таких людей был и Аркадий Гайдар.

Сегодня, когда мы говорим о том, почему Аркадий Петрович оказался в 1932 году в Приморье, необходимо вспомнить, каким человеком был писатель.

По отзывам современников, он был жизнерадостен и беспокоен. Его все волновало: он не мог пройти мимо чужой беды. Он был любопытен, как ребенок. А как писатель — мудр и добр. И еще самое главное: он не отделял свою жизнь от будней любимой Родины. Поэтому и оказывался всегда там, где нужнее было его перо. Его энергия, талант. Его слово.

...Давайте вместе откроем тоненький красный альбом владивостокских тимуровцев.

* * *

ИЗ АЛЬБОМА ВЛАДИВОСТОКСКИХ ТИМУРОВЦЕВ

«22 января 1984 года на пионерском сборе, посвященном 80-летию со дня рождения любимого писателя, мы приняли решение начать поиск по теме — «Журналистские пути А. П. Гайдара в Приморье».

Нам попалась очень интересная книга В. Королева «Гайдар шагает впереди». Из книги мы узнали, что в то время редактором детской газеты в Хабаровске был Василий Кучерявенко. Он мог встречаться с Гайдаром, потому что командировка писателя по Дальнему Востоку началась как раз из Хабаровска, а Гайдар всегда старался познакомиться с теми, кто работал с детьми.

Мы выяснили, что Василий Трофимович Кучерявенко — наш приморский писатель. В последнее время он жил во Владивостоке и умер два года назад. Мы обратились к его жене Елене Борисовне, попросили помочь материалами, воспоминаниями. Прошло немного времени, и вот однажды — радостная весть: Елена Борисовна среди старых газет нашла заметку В. Королева «А. Гайдар в Приморье».

* * *

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАМЕТКИ В. КОРОЛЕВА «А. ГАЙДАР В ПРИМОРЬЕ»

«...Это верно — особая дальневосточная романтика тридцатых годов подняла Гайдара в дальний

путь. Но была и другая, более конкретная причина его приезда на Дальний Восток.

В самом конце 1931 года редактором «Тихоокеанской звезды» был назначен И. И. Шацкий — опытный газетчик, старый большевик. До этого он редактировал областную газету «Правда Севера» в Архангельске, где работал в то время и Гайдар. И когда Шацкий позвал «на край света» Аркадия Петровича, тот охотно принял предложение — на Дальнем Востоке ему еще не приходилось бывать».

А еще Елена Борисовна Кучерявенко вспомнила и сказала ребятам, что с Гайдаром во Владивостоке встречался Сергей Алексеевич Иванов, который в это время был комсомольским работником. Этого человека необходимо было разыскать тимуровцам.

Где бы ни был Аркадий Петрович Гайдар, он всегда думал о детях. Хотел с ними встретиться. Хотел заглянуть в их глаза, спросить: «Как живешь, товарищ?»

Вероятно, и во Владивостоке мысль о встрече с ребятами тоже не давала покоя Аркадию Петровичу, хотя дел у него, конечно, было много.

* * *

ИЗ АЛЬБОМА ВЛАДИВОСТОКСКИХ ТИМУРОВЦЕВ

«Мы нашли Сергея Алексеевича Иванова — приморского краеведа, ветерана комсомола, ветерана партии, жителя города Владивостока с 1920 года. Он поделился с нами своими воспоминаниями.

«Шел 1932 год. Это было горячее время, пионерская организация в городе Владивостоке только создавалась. Я работал тогда председателем Владивостокского бюро пионеров. Мы готовились ко II слету пионеров Дальнего Востока.

В эти напряженные дни где-то в конце мая — начале июня секретарь горкома комсомола приводит ко мне улыбающегося парня в военной форме. Это был Голиков (Гайдар).

Он рассказал, что приехал в служебную командировку во Владивосток и далее поедет в Артем и Сучан (ныне Партизанск).

«Но прежде этого,— сказал он,— мне бы очень хотелось встретиться с вашими ребятами, поговорить с ними, как и чем они живут, каковы их интересы у моря. Вы понимаете: у морских ребят интересы, должно быть, совершенно иные, а я никогда с ними не встречался, и вот мне хочется почувствовать, как море влияет на психологию этих ребят».

В то время во Владивостоке существовали две великолепные пионерские базы: одна — при Клубе моряков, другая — при Дальзаводе. Я предложил собрать ребят из Клуба моряков. «Это маловато,— ответил Голиков,— цепляй к этой команде еще кого-нибудь». Тогда решили пригласить ребят с базы Дальзавода и всех пионеров центрального района города. «Вот это подойдет,— обрадовался Голиков,— а когда?» «Завтра устраивает?» — спросил я. «О, очень устраивает».

Быстро сообщили ребятам о решении собраться завтра в два часа в большом зале Клуба моряков (ныне Дом культуры моряков, бывший Пушкинский театр).

На следующий день я буквально к двум часам дня прибежал в клуб. Большой зал был набит битком. Ребята шумят, песни поют. Кое-как утихомирил. Ищу Голикова. Смотрю, а он между ребятами сидит, беседует с ними и в блокнот что-то записывает. Подхожу к нему, спрашиваю: «Ну что, начнем?» «Подожди,— говорит,— у меня тут интересный разговор с ребятами».

Минут на десять задержали начало встречи, потом выступаю и говорю: «Сегодня у нас встреча со специальным корреспондентом «Тихоокеанской звезды», известным очеркистом Голиковым Аркадием Петровичем».

Голиков, смеясь, выходит на сцену: «Здорово, ребята!»

Все хором приветствовали его: «Здравствуйте!»

И начал Голиков рассказывать о том, что сейчас его больше всего волнуют не очерки, а сюжеты детских повестей и рассказов. Тогда мы впервые услышали о его книгах «Школа» и «РВС».

Он рассказывал ребятам о героях гражданской войны, о том, что здесь, на Дальнем Востоке, он узнал то, о чем раньше ничего не слышал. И далее начал говорить о Павле Петровиче Постышеве, его пребывании в Хабаровске, о всей его героической жизни. Потом говорит: «А вот позавчера я встретился с Василием Константиновичем Блюхером»,— и начал рассказывать о Блюхере такие истории, которые мы никогда не слышали, не знали. А у него уже собранный материал. Причем все это в голове, у Гайдара ни записок никаких, ни блокнота в руках не было. Он в блокнот записывал только, когда с ребятами сидел...»

Сергей Алексеевич Иванов. 1932 год, г. Владивосток.

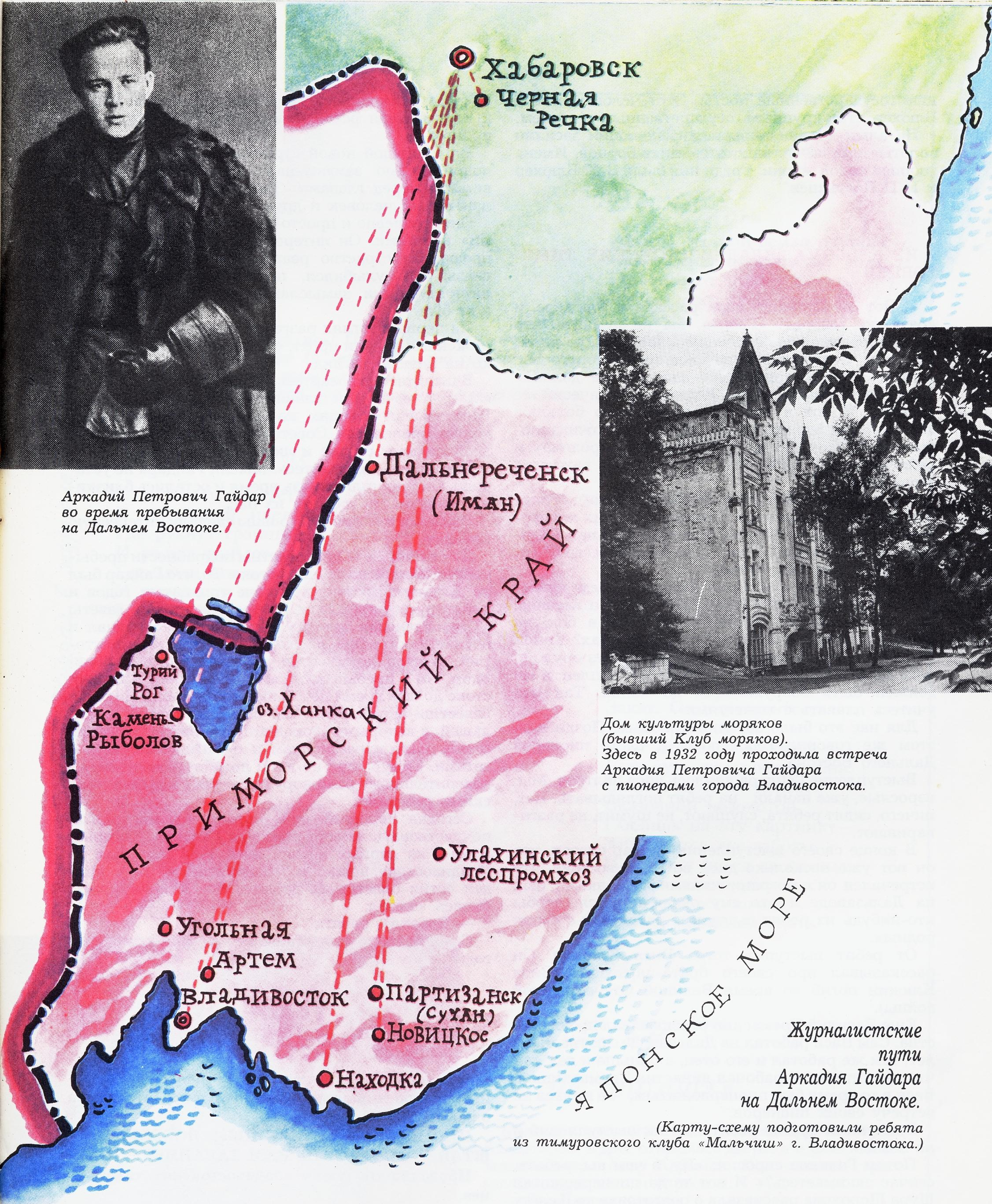
* * *

...Наверное, ты, читатель, слышал имена людей, чьи судьбы волновали Аркадия Петровича Гайдара. Это были мужественные люди, прекрасные сыновья Советской Родины. Их жизни — как огненные строки революционной песни.

До революции Блюхер отбывал тюремное заключение за призыв к забастовке. Участвовал в первой мировой войне, был тяжело ранен и уволен из армии, потом работал слесарем в Сормове и Казани. Членом партии Василий Константинович Блюхер стал в 1916 году.

Грянула революция: мир наполнился алым торжественным светом. В ноябре 1917 года Блюхер стал членом Самарского Военного Революционного Комитета. А в начале двадцатых годов партия послала его на Дальний Восток — защищать этот форпост Родины, гнать белогвардейцев и интервен-

Аркадий Петрович Гайдар во время пребывания на Дальнем Востоке.



Дом культуры моряков (бывший Клуб моряков). Здесь в 1932 году проходила встреча Аркадия Петровича Гайдара с пионерами города Владивостока.

Журналистские пути Аркадия Гайдара на Дальнем Востоке.

(Карту-схему подготовили ребята из тимуровского клуба «Мальчиш» г. Владивостока.)

тов с советской земли, укреплять, перестраивать армию в Приморье.

Василий Константинович Блюхер — сын крестьянина, рядовой царской армии, скромный слесарь — стал Маршалом Советского Союза, крупным военным и партийным деятелем.

Жизнь Павла Петровича Постышева похожа на жизнь Блюхера. С 1901 года Павел Петрович участвовал в революционном движении, в 1904 году стал членом партии большевиков. Его не раз арестовывали, сначала приговорили к каторге, а позже выслали на вечное поселение в Сибирь.

Во время гражданской войны П. П. Постышев командовал партизанским отрядом Приамурья. После образования Дальневосточной республики Павлу Петровичу Постышеву были доверены важ-

ные государственные посты. Этот человек, как и Блюхер, стал крупным государственным деятелем.

На алых могучих крыльях революции засияли золотые имена честных, отважных борцов. Имена творцов новой жизни. Среди них были В. К. Блюхер и П. П. Постышев.

* * *

ИЗ АЛЬБОМА ВЛАДИВОСТОКСКИХ ТИМУРОВЦЕВ

«...Вот он закончил свой рассказ о Блюхере, и сразу же говорит: «Ребята, вы не думайте, что только героикой гражданской войны можно жить, она нам нужна как прошлое, от которого мы должны отталкиваться. Но мы дальше должны быть патриотами своей Родины и всячески ее крепить. И вот я вам предлагаю одно большое дело — разводите кроликов». В зале от неожиданности — смех. Но он начал рассказывать о кроликах, и ребятам стало интересно. Они поняли важность этого дела.

А потом выступил еще с одним призывом: «Главное, ребята, из вас надо готовить будущих красноармейцев ОКДА» (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия). У нас тогда создавалась ОКДА, командующим был Блюхер.

«Ваша задача,— говорил Гайдар,— всем нужно уметь стрелять, знать санитарное дело, а главное, учиться плавать с грузом. Вам ведь в бою не придется раздеваться и плыть в трусиках? Какой же толк, если ты переплывешь речку без оружия, тебя моментально убьют или возьмут в плен, а ты должен быть вооруженным до конца. Так что учитесь плавать с тяжестями».

Для нас это было абсолютно новым. Позднее об этом же говорил Блюхер на II слете пионеров Дальнего Востока.

Выступление Гайдара длилось часа полтора. Мы, взрослые, уже начали на ребят поглядывать. Нет, ничего, сидят ребята, слушают, не шумят, не разговаривают.

В конце своего выступления Гайдар сказал, что он вот уже несколько дней во Владивостоке, что встречался он с пограничниками и моряками, был на Дальзаводе и что ему очень хочется, чтобы кто-нибудь из ребят выступил, рассказал о своих родных.

От ребят выступил тогда Витя Клюкин. Он рассказывал про своего брата-партизана (Витя Клюкин погиб во время Великой Отечественной войны).

Еще Василий Тремаскин рассказывал про своего отца. Сам Вася работал на Дальзаводе с пятнадцати лет, там же работал и его отец, а раньше и дед, так что существовала рабочая династия Тремаскиных. Вася в то время был пионервожатым, он привел на встречу своих пионеров.

Выступили другие ребята, но их выступлений я не помню.

Потом Голиков спросил: «Ну, а чем вы, ребята, сейчас занимаетесь?» И вот тогда пионервожатая Шура Шорохова рассказала о подготовке ко II слету пионеров Дальнего Востока.

В Клубе моряков я впервые узнал, что Голиков — писатель.

Вот такая у нас была встреча».

* * *

Когда я начинала читать воспоминания Сергея Алексеевича Иванова, то думала: «Узнаем ли мы гайдаровский характер в рассказе человека, видевшего писателя всего несколько раз? Столько лет прошло...»

Но с каждой новой строчкой, с новой деталью, подробностью захватывало дух. Живой Гайдар вставал перед глазами. Энергичный, добрый, талантливый человек и друг.

Он задушевно и просто разговаривал с «морскими» ребятами. Он интересно и четко задавал вопросы. Он страстно реагировал на детские рассказы. Он улыбался, шутил, делился новыми литературными замыслами. Он был таким, каким был.

На первый взгляд разговор писателя с владивостокскими детьми прост, сиюминутен. Но это только на первый взгляд.

Вчитайтесь, вдумайтесь — Аркадий Петрович говорил о вечном и главном — о любви к Родине. Рассказывал о людях, на чьи дела и поступки мы должны равняться. Советовал браться пионерам за необходимые стране и людям дела.

Вчитайтесь, вдумайтесь. Мысли Гайдара не устарели. Они прошли сквозь время и остались близкими, понятными любому из нас.

Владивостокские тимуровцы сделали интересную находку.

До сих пор не были известны подробности пребывания Гайдара во Владивостоке. То, что Гайдар был на Дальнем Востоке в начале тридцатых годов и работал специальным корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда», знают все, кто изучал и изучает биографию писателя. Известно много историй, фактов, документов, связанных с этим периодом. Но о пребывании Гайдара в городе Владивостоке долгое время почти ничего не знали. Не были известны адреса мест, где бывал писатель, имена людей, с которыми Аркадий Петрович встречался. Очень мало известно нам и о беседах Гайдара с детьми. Тимуровцы не дали погибнуть во времени доверительному разговору писателя с владивостокскими ребятами.

Сегодня хороший день, потому что мы смогли почувствовать живого писателя Гайдара. Который в один из первых летних дней 1932 года был во Владивостоке, вышел к переполненному залу, увидел сотни блестящих детских глаз и по-доброму, смеясь, сказал:

— Здорово, ребята!

С нами, читатель, Гайдар поздоровался через годы тоже.

И. АНДРИАНОВА

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА:

Под городом Владивостоком открылся Всесоюзный пионерский лагерь «Океан». Там работает пока одна дружина «Бригантина».

ПИОНЕРЫ «БРИГАНТИНЫ»! ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ДАЕТ ВАМ ЗАДАНИЕ!

Продолжайте поиск владивостокских тимуровцев.

Отыскивайте новых очевидцев пребывания Аркадия Петровича Гайдара на Дальнем Востоке.

Собирайте документы, воспоминания, фотографии, связанные с этим периодом жизни писателя.

По итогам проделанной работы откройте в «Океане» музей, посвященный Аркадию Петровичу Гайдару.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ЖДЕТ ВЕСТЕЙ.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

«Здравствуй, «Кораблик»! Пишет тебе Лена Фатеева. Я живу в Минске. Мне 15 лет. Уже давно сочиняю стихи. Некоторые из них посылаю тебе».
Одно из стихотворений Лены «Кораблик» принял на борт.

Моя мечта

Хочу наяву полететь я в ракете
К счастливой, цветущей, лазурной планете,
Где рухнут границы, и войны, и ссоры
И радуга выйдет гулять на просторы,
Где люди все в мире и дружбе живут
И радость, и пользу друг другу несут.
Где каждый ребенок, проделав зарядку,
Смог съесть то, что любит — арбуз, шоколадку,
Банан,— или выпить стакан молока!
И доброе Солнце там светит всегда!
И воздух на этой планете прозрачен!
Ни газом, ни копотью он не захвачен...
Что же это
За планета? —
Спросит кто-то
У меня.
Я отвечу: «Нет секрета!
Это в будущем Земля!»
Чтоб скорей такою стала,
Чтобы войн на ней не стало,
Нам уже давно, друзья,
Позаботиться пора.

Миша Позняк — москвич, учится в спецшколе № 8.

Весна

Легкой дымкой земля окутана,
Сквозь снег просочилась вода,
От зимнего холода лютого
Не осталось даже следа.

Воробьи разгалделись дружно,
Устроив шумный базар.
Отражается солнце в лужах
И слепит прохожим глаза.

Время долгих зимних мечтаний
Куда-то вдаль отошло,
Отсыревшие стены зданий
Тихо впитывают тепло.

✻

Лена Васильева — ленинградка, ученица 6-го класса школы № 127.

Закат солнца

Закат. Солнце садится,
И догорает день.
А от деревьев ложится
Чуть-чуть желтоватая тень.
Солнце золо́тит деревья
Сказочной позолотой,
Глядишь на эту картинку —
Забываются все заботы.
И хочется вслед за солнцем
Далеко-далеко убежать.
Но наступает ночь,
И надо ложиться спать.

✻

Эльхан Саядов живет в Баку, учится в школе № 23.

«Я не опоздал»

Был урок русского языка. У доски отвечал Мамед Калантаров. Вдруг открылась дверь, и в класс вошел запыхавшийся Азер Керимов. Учительница строго взглянула на него и спросила:

— Почему ты опоздал?

Азер ответил, с трудом переводя дыхание:

— Я не опоздал. Просто внизу задержали опоздавших, ну я и задержался.

✻

«НОЧЬ». *Рисунок Гали ГАФИЙЧУК.*

Отряд говорит

ОБМЕНИВАЕМСЯ ОПЫТОМ

Наш правофланговый пионерский отряд завоевал имя Феликса Эдмундовича Дзержинского еще в пятом классе. Имя Дзержинского было присвоено отряду в день рождения пионерской организации — 19 мая 1983 года. Мы собрали много материалов о жизни и деятельности Феликса Эдмундовича. Постоянно поддерживаем связь с его племянницей Ядвигой Иосифовной Дзержинской, с соратницей Дзержинского — Марией Сафроновной Селиверстовой, партийный стаж которой шестьдесят пять лет. Наша группа «Поиск» уже начала заниматься созданием школьного музея Ф. Э. Дзержинского.

Мы знаем, что и в других городах и селах ребята создают такие музеи, а многие отряды и дружины носят имя Ф. Э. Дзержинского. Нам было бы интересно обмениваться опытом с этими отрядами и дружинами. Просим на страничках раздела «Отряд говорит с отрядом» подружить нас. Наш адрес: 109378, г. Москва, ул. Полетаева, дом 28, кв. 8. Ребятам из группы «Поиск» пионерского отряда имени Ф. Э. Дзержинского, 7-го класса «А», школы №572.

РЕБЯТА! МЫ ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ «ОБМЕНИВАЕМСЯ ОПЫТОМ». Рассказывайте о самых интересных делах ваших отрядов, звеньев: о работе красных следопытов, о трудовых десантах, о пришкольных участках, о дружбе с шефами и ветеранами, о вечерах и спортивных состязаниях — обо всем, что удалось вам сделать на маршрутах Всесоюзного пионерского Марша юных ленинцев «Салют, Победа!». МЫ ОБЪЕДИНИМ ВАС С ВАШИМИ СВЕРСТНИКАМИ В ДРУГИХ ГОРОДАХ И СЕЛАХ, КРАЯХ И РЕСПУБЛИКАХ. Вы найдете верных и преданных друзей, обменяетесь опытом пионерской работы, а потом расскажете «Пионеру», стала ли интересней ваша жизнь. Договорились? ЖДЕМ ПИСЕМ!

УЧЕНИЕ — ЭТО ЖИЗНЬ

Мы продолжаем наш разговор об учении. Обсуждаем все вместе: как сделать учение интересным, радостным. Как справляться с трудностями, преодолевать себя?

Н. (полное имя в письме не названо) АСТАШКИНА, город Казань.

В каждом классе есть ученики, которые не успевают по математике. Когда их спрашиваешь, почему они получают плохие оценки, они отвечают, что им математика не нравится и они ее не понимают. А мне кажется, что многие из этих ребят и не пробовали понять математику. Отступили при первых же трудностях. Конечно, с первого раза математика, может быть, дается не всем. Но если внимательно слушать на уроке учителя, спрашивать тут же, после урока, то, что осталось не совсем ясным, и дома стараться во всем разобраться, ТО УСПЕХ ПРИДЕТ. Станет интересно. Интерес стоит еще подкрепить чтением книг о великих математиках и о математических открытиях. Я же для себя сделала такое открытие: чем больше решаешь задачек и примеров, чем больше сидишь над теоремами, тем интереснее и даже увлекательнее заниматься математикой. И тогда хорошие оценки сами собой приходят.

Аселя АРЗЫБАЕВА, село Караван, Ошская область, Киргизская ССР.

Как учить уроки, чтобы всем в классе было интересно? — над этим стоит задуматься. Есть такие ребята, которые учат все слово в слово, зубрят урок. Слушать их в классе неинтересно. Да и для них это без пользы. Пусть даже получат они сейчас «5», а в памяти ничего не останется. Как приятно слушать товарища, когда говорит он легко и свободно, рассказывает главное: то, что понял. Конечно, для того, чтобы так говорить, нужно развивать свою речь, читать больше книг. Вот проходим мы, например, тему о первобытном обществе. Сколько об этом есть книг. Если ученик добавляет к тому, что прочитал в учебнике, еще и то, что прочитал в книгах, как интересно его слушать. Какие громадные жили звери! Какие были обычаи! И вроде бы уже это и не урок, а увлекательная сказка. У нас теперь все стараются так отвечать, и вроде бы уже неудобно перед товарищами тараторить только по учебнику. Не хочется быть хуже других. И стали мы больше уважать друг друга, и больше следить за недостатками своего характера. И теперь кажется странным, что когда-то класс у нас был недружный. Теперь мы подтянулись не только в учебе, но и в спорте, и в художественной самодеятельности.

с отрядом

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Меня зовут Ира И. (опять нет полного имени, очень жаль!). Живу я в городе Ростове-на-Дону, учусь в седьмом классе. Четвертый год я председатель совета отряда. Все эти годы пионерские дела мы иногда выполняли сами, а в основном с помощью классного руководителя. В первые годы классный руководитель обсуждала со мной все вопросы, предлагала, как лучше. А сейчас стала на меня сердиться. Что-то у меня не получится, учительница ругает меня при всем классе. На собрании как-то сказала: «Иди, делай все сама, или мы тебя переизберем». Я очень хочу быть председателем, но не привыкла за эти годы делать все сама. Учительница же не хотела этого раньше. А теперь мне трудно. И я не знаю, как быть? Опубликуйте, пожалуйста, мое письмо. Всем ребятам будет полезно поговорить на эту тему.

ВЫПОЛНЯЕМ ИРИНУ ПРОСЬБУ — ПУБЛИКУЕМ ЕЕ ПИСЬМО. Ждем серьезного разговора на тему «УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ». Как пионерский отряд помогает учителю? Как учитель помогает отряду? Как сохранять пионерскую самостоятельность и использовать в пионерской работе разумный совет старших? ПРОСИМ ВЫСКАЗЫВАТЬ МНЕНИЕ, ПРИВОДЯ КОНКРЕТНЫЕ ПРИМЕРЫ.

КАК БОРОТЬСЯ С КЛИЧКАМИ?

В четвертом номере «Пионера» прошлого года Наташа Шанчук из Владивостока рассказала, как ребята из ее класса написали в сочинении, что «давать клички и прозвища очень плохая привычка», а сами с каждым днем все больше обижают своих одноклассников кличками и прозвищами. Целый год ребята из разных городов и сел делились с редакцией своими обидами и бедами, и теперь наш разговор может стать общим.

Л. (жаль, нет полного имени!) АКИМЕНКО, село Сантам, Тюпский район, Киргизская ССР. В нашем классе 26 человек, из них 9 девочек, а остальные мальчики. Когда нам сказали, что приедет новая девочка, то ей сразу стали придумывать прозвище. Я подумала: «Ее еще не знают, не видели, как она выглядит, не поняли, какой у нее характер, а уже придумали, как ее обидеть». Новенькая была скромно одета и застенчиво стояла в уголке с портфелем. И я решила поддержать ее среди всей неразберихи, которая началась в классе. Тогда и меня стали дразнить «кикиморой болотной». С нами не хотели играть, нас отделили от всех. Мы решили не обращать внимания, поддерживали друг друга во всем и старались хорошо учиться. И наступил такой момент, когда девочки сами потянулись к нам. Меня выбрали даже председателем совета дружины.

Криста БОЙКО, город Геническ, Херсонская область. Клички, желание обидеть словом возникают там, где класс недружный и все друг другу безразличны. А у нас класс дружный. Мы помогаем друг другу в учебе, ходим вместе в походы, в кино, на экскурсии. На праздники устраиваем вечера: сами печем пироги и танцуем, поем. У нас все ребята ходят в кружки, занимаются спортом. Мы обмениваемся знаниями, впечатлениями от прочитанного и увиденного. И все уважаем друг друга. Мы очень счастливы, и нет желания никого обижать.

Оля КАРТАВЕНКО, поселок Пышма, Свердловская область. Мне кажется, не так уж все страшно, как пишет Наташа Шанчук из Владивостока. Есть клички обидные: «очкарик», «носатик», «жиртрест», и ребята от них страдают. Против этого надо бороться — обижать человека нельзя. Но есть же прозвища добрые, смешные, в них нет зла. Моя фамилия Картавенко, а меня зовут «Картоней» — разве это обидно? Даже трогательно, когда сохраняются за людьми детские прозвища и разные ласковые имена: «Чим-чим», «Аксюша»...

Наташа ШУЛЯНСКАЯ, город Одесса. Мы, девчонки, обижаемся, когда мальчишки не называют нас по имени, а придумывают прозвища. А они, может быть, так скрывают свое смущение перед нами. Давайте, девочки, подождем, мальчишки наши повзрослеют, поумнеют и станут сознательными. Поймут, наконец, как с нами общаться. Я заметила: если с мальчишками по-хорошему, они становятся лучше.

ОТ РЕДАКЦИИ. В этих размышлениях много разумных советов. В самом деле, не все прозвища обидные. Вспомните, лицейского друга А. С. Пушкина — Кюхельбекера — звали Кюхлей. Наверное, вы уже читали книгу Юрия Тынянова «Кюхля». Если еще не знакомы с ней, обязательно разыщите в библиотеке. Вы узнаете, что Кюхля был прекрасным товарищем, всегда готов был прийти на помощь, и никто, разумеется, не хотел его обидеть. Обижать человека всегда скверно. Особенно вредно это для обидчика. Человек, который позволяет себе делать больно другому, разрушается как личность. Против обид, думается, лучше всего защищает чувство собственного достоинства и чувство юмора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА»

ГЛАВНЫЙ ДАР ЧЕЛОВЕКА

Т. ГРИГОРЬЕВ,
секретарь Правления Советского фонда мира

119889, Москва, ГСП-3, Кропоткинская, 10. Советский фонд мира.

По такому адресу получаем мы ежедневно десятки писем и денежных переводов из всех уголков Советского Союза. Добровольные взносы в Фонд мира делают рабочие и колхозники, писатели и композиторы, студенты и школьники... «Наша школа маленькая,— написали ученики Ивонводской школы Молдавской ССР,— в ней учатся семьдесят три человека. Мы провели трудовой десант и заработали деньги. Часть из них, тринадцать рублей, мы высылаем в Фонд мира. Пусть всегда будет солнце!»

Такие письма — радость для нас. Читаешь их и еще раз убеждаешься, что советские ребята всеми силами стараются выполнять завет В. И. Ленина — бороться за мир на Земле.

Как же возник Советский фонд мира?

В начале 50-х годов в адреса газет и журналов, Советского комитета защиты мира и других общественных организаций стали поступать почтовые переводы с пожеланиями: «На защиту мира» или «Примите эти деньги, чтобы не было войны». И вот в апреле 1961 года был организован Советский фонд мира. Он стал материальной базой движения советских сторонников мира. Руководит Советским фондом мира Правление. Среди членов Правления — летчик-космонавт СССР В. Аксенов, народная поэтесса Дагестана Ф. Алиева, кузнец с «Уралмаша», Герой Социалистического Труда Н. Казанцев, народный артист СССР М. Лиепа и другие. Председатель Правления фонда — многократный чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов.

Куда же расходуются средства Советского фонда мира?

Школьники из клуба имени Сергея Тюленина (г. Орск), перечисляя заработанные своими руками деньги в Фонд мира, выразили просьбу, чтобы эти средства были использованы на приобретение медикаментов для палестинских детей. Им были направлены не только медикаменты, но и палатки, одежда, обувь. Большая группа палестинских мальчиков и девочек отдыхала в пионерских лагерях нашей страны.

На взносы советских пионеров были изданы книги о Ленине на вьетнамском языке и направлены в дар вьетнамским ребятам вместе с тетрадями и школьными принадлежностями. В конце 1984 года отправлена большая партия игрушек детям Никарагуа.

Сейчас готовится материальная помощь детям Афганистана, чьи родители погибли в борьбе с контрреволюцией.

«Главный дар человека — это умение ощущать чужие страдания как свои,— написала в Фонд мира ученица Тарасовской средней школы Ростовской области Лена Новикова.— И советские люди наделены этим прекрасным даром...»

Создание Советского фонда мира — яркое тому подтверждение.

ХОЧУ СПРОСИТЬ...

Что такое политика «открытых дверей»?
Андрей Угневенко, 7-й класс, г. Москва.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ «ИНФИТАХА»

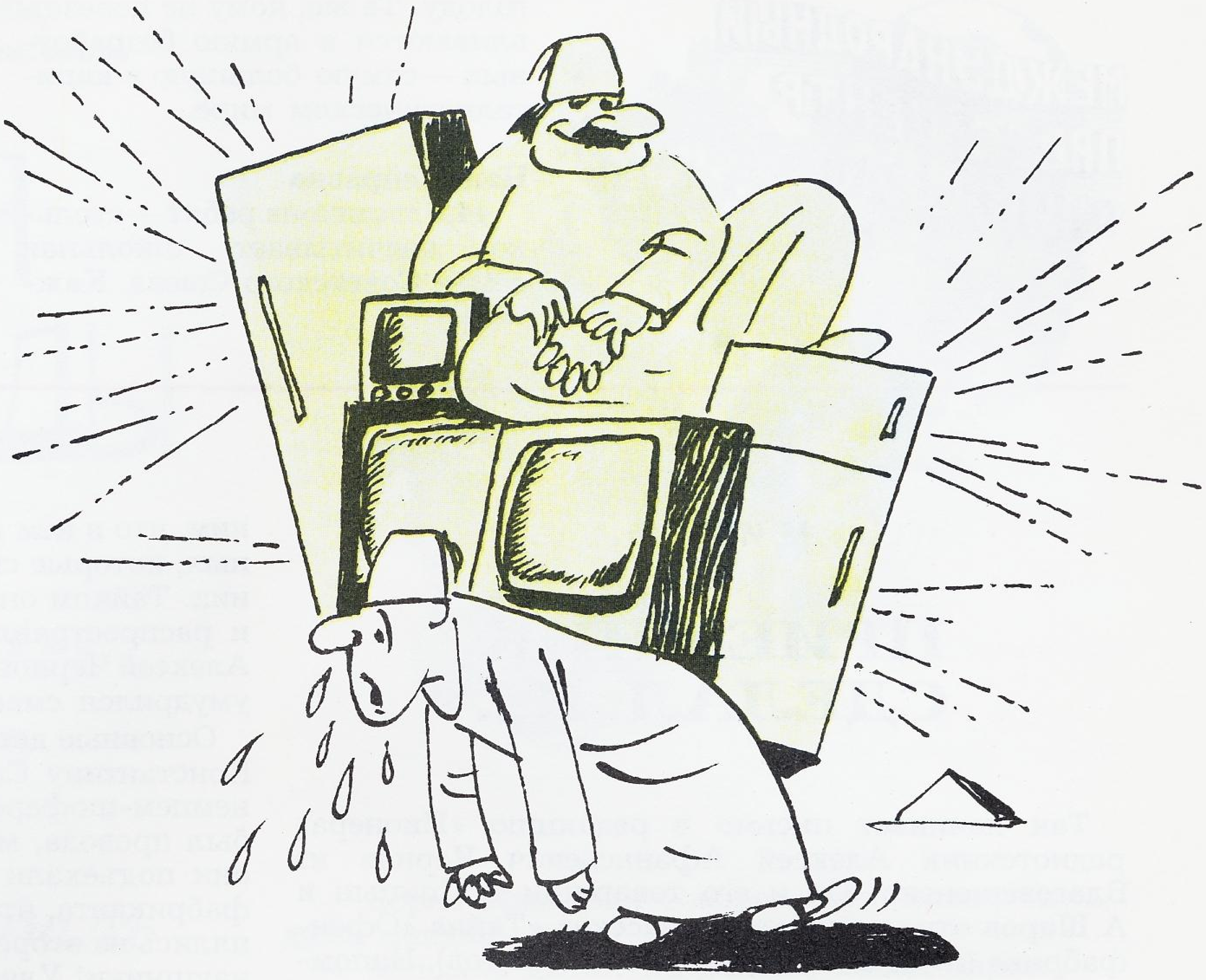
Политика «открытых дверей» — это активное привлечение в экономическую жизнь страны иностранного капитала и всяческое поощрение частного предпринимательства. К чему приводит политика «открытых дверей», хорошо видно на примере Египта.

После смерти президента Гамаль Абдель Насера новое руководство весной 1974 года провозгласило политику «открытых дверей», или, как называли ее в Египте,— «инфитах». Египетское правительство думало, что иностранные монополии и частные предприниматели будут вкладывать деньги в производство, строить заводы и фабрики, железные дороги и электростанции на благо страны. Но дельцам хотелось получить немедленную прибыль, и они стали вкладывать свои деньги в выгодные дела: сферу обслуживания, спекуляцию, контрабанду. В настоящее время в Египте существует несколько тысяч «незавершенных проектов». Что это такое? Дело в том, что при заключении контракта на строительство того или иного объекта частный предприниматель получает от государства помощь в размере 30 процентов от стоимости всех работ. Государство надеется, что построенное будет служить делу разви-

тия страны. Падкие на наживу дельцы быстро поняли, что здесь можно поживиться, и начали наперебой предлагать правительству свои услуги. Получив деньги, они спокойно их прикарманивали, а строить и не собирались, под предлогом надуманных трудностей. Так вместо заводов или жилых домов остались лишь вырытые под фундамент ямы. А делец через некоторое время организовывал «новую» компанию и вновь получал ссуду от государства, наживая на этом новые деньги.

Еще пример. В Египте есть закон, разрешающий свободный, беспошлинный ввоз в страну холодильников, телевизоров, магнитофонов, кондиционеров, если они предназначаются для строящихся гостиниц. Дельцы заявляли, что именно гостиницу они и начинают строить. Потом закупали эти приборы в тех странах, где они стоят сравнительно дешево, а в Египте перепродавали их по баснословным ценам.

Хищническая деятельность таких дельцов поставила экономику страны на грань краха. Закрываются заводы и фабрики, растет безработица. Торговцы, чтобы получить больше прибыли, постоянно поднимают цены на продукты питания и товары.



Новое правительство Египта, вставшее у власти после убийства президента Садата, осознало пагубность политики «открытых дверей». Сейчас происходит постепенный отход от «инфитаха». Вновь самое серьезное внимание обращается на развитие национальной промышленности, улучшение жизни трудового народа. Но пройдет немало времени, пока страна преодолеет трудности. Слишком большой урон нанес Египту «инфитах».

В. МИХАЙЛОВ

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Сколько стоит школьный ранец?

Родина десятилетнего Джо — США. Самая богатая страна в мире, как считают многие американцы. Все в Америке самое лучшее. Об этом можно прочесть в газетах и на рекламных щитах, сверкающих яркими красками и броскими надписями. Но Джо не умеет читать.

Каждое утро он вскидывает на плечо небольшой ящичек на ремне. В ящичке крем и сапожные щетки. Целыми днями Джо бродит по улицам, до блеска начищая чужие ботинки. Иногда кто-нибудь из прохожих бросает прочитанную газету, тогда Джо подбирает ее и рассматривает картинки. Джо мечтает накопить денег и купить школьные учебники. И новенький ранец с хрустящими ремнями. Как было бы хорошо пойти в школу, научиться читать и писать. Но двери школы остаются для него закрытыми. И бумага, и карандаши, и тетради, и учебники не по карману родителям Джо, безработным. А потому вместо учебников в руках у Джо сапожные щетки...

В США, этой самой богатой стране капиталистического мира, растет число неграмотных. В настоящее время около **25 миллионов** американцев не умеют ни читать, ни писать. Треть молодых американцев в возрасте до семнадцати лет не имеют среднего образования. **Ежегодно школу бросают миллион учеников.** Как и Джо, они вынуждены браться за любую работу, чтобы не погибнуть с

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА»

голоду. Те же, кому не повезет, вливаются в армию безработных — самую большую в капиталистическом мире.

Наша справка

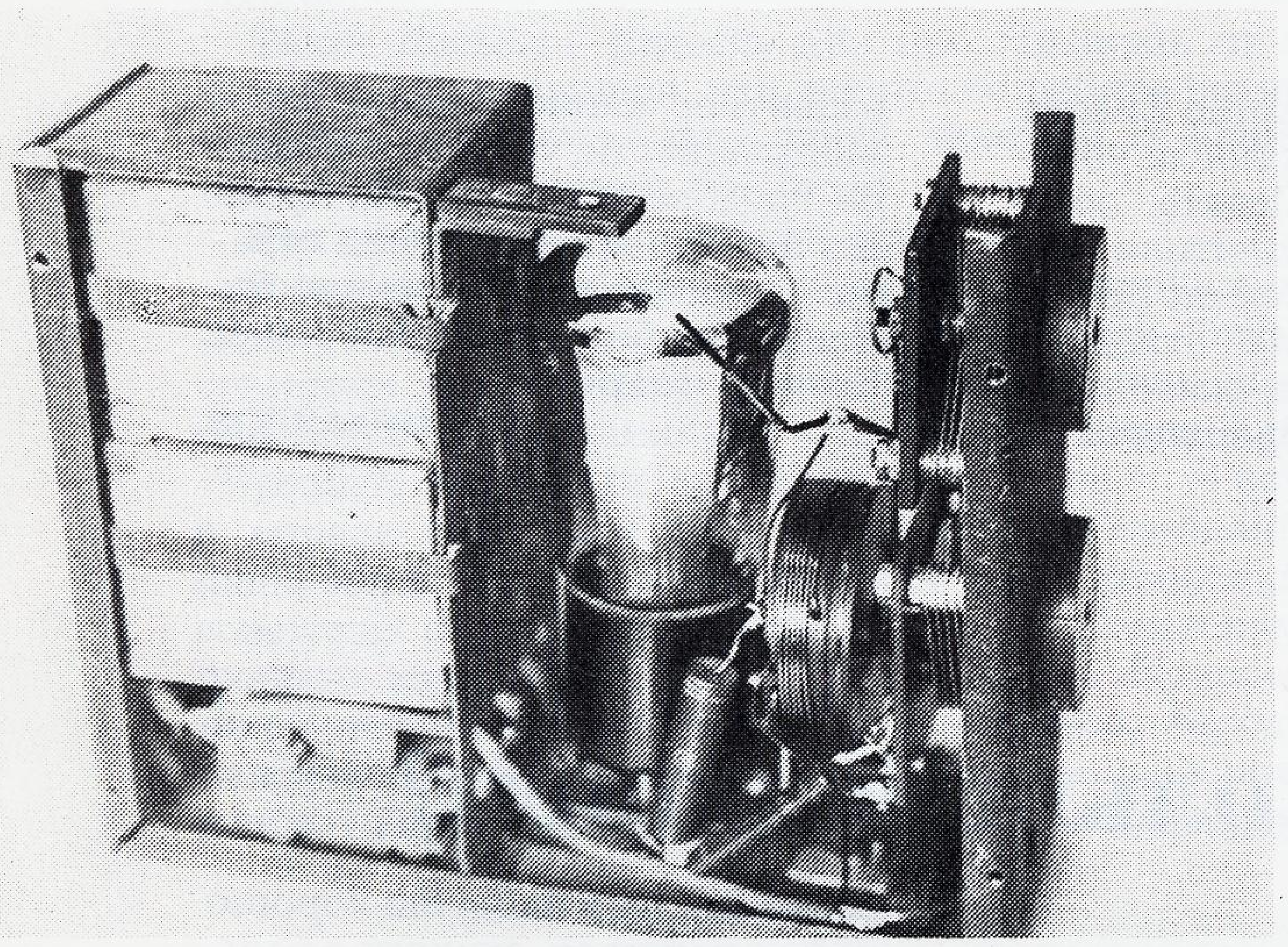
44,5 миллиона ребят — столько насчитывает школьная семья Советского Союза. Каждый год государство строит для детей новых школ на 818 тысяч мест. На нужды народного образования в текущей пятилетке будет затрачена гигантская сумма — 46,3 миллиарда рублей. Все учебники советские ребята получают бесплатно.

С. БЕДЕНКО.

М. ИСКРИН

ПРИЕМНИК СДЕЛАЛ Я...

Так начинает письмо в редакцию «Пионера» радиотехник Алексей Афанасьевич Чернов из Благовещенска. Он и его товарищи К. Спицын и А. Шаров откликнулись на рассказ «Тайна «Офенфабрик» (журнал «Пионер» № 3, 1983 год). Напомним, что в нём говорилось о советских военнопленных, которые своими руками сделали радиоприемник. Тайком они слушали сводки Совинформбюро и распространяли их по фашистскому Мюнхену. Алексей Чернов и оказался тем человеком, который умудрился смастерить радиоприемник.



Основные детали для приемника удалось достать Константину Спицыну. Ему приходилось ездить с немцем-шофером в город. В городе Спицын раздобыл провода, медные пластины, эбонит. Однажды они подъехали к разбомбленному особняку сына фабриканта, чтобы вывезти уцелевшие вещи. Поднялись на второй этаж. В комнате на стене висели... наушники! Улучив момент, Спицын сунул наушники за пазуху...

Передачи из Москвы слушали ночью. Двое записывали сводки, другие были настороже. Сводки передавали не только Вадиму Николаеву, о котором шла речь в рассказе «Тайна «Офенфабрик», но и санитарам в госпитале — советским военнопленным.

После ареста Вадима Николаева команду № 3254 разбросали по разным лагерям. Пятерых пленных, в том числе и Спицына, отправили в штрафную команду. Александра Шарова и четырех других пленных увезли в концлагерь Дахау.

Вскоре фашистов разбили. Пленные стали возвращаться на родину. Товарищи Чернова, которые добрались до «Офенфабрик», отыскали приемник — с ним и вернулся домой Алексей. А потом передал приемник в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, где его можно увидеть и сейчас.

Спустя сорок лет тайна «Офенфабрик» перестала быть тайной.

ОТ А ДО Я

Белый дом — так называют дом в Вашингтоне, где живет и работает президент Соединенных Штатов Америки. Часто журналисты в своих репортажах и статьях о США подразумевают под Белым домом правительство этой страны.

«Конфронтация» — в переводе с французского языка означает «противопоставление». Этим термином называют периоды обострения международной напряженности, когда одна держава противостоит другой. Термин «конфронтация» появился в политическом лексиконе в конце сороковых годов. Тогда империалистические государства повели враждебную политику против СССР и других социалистических стран. По мере разрядки международной напряженности конфронтация уступает место разностороннему сотрудничеству между государствами.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ТАЙНА ПИРАМИДЫ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 2 и 3

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Желтый миндаль

Родители были ошарашены. По крайней мере мама. Она так и сказала:

— Я просто ошарашена. С чего это вдруг директору пришла такая мысль?

А папа добавил:

— Неужели ты ему не надоел в школе?

— Ну, во-первых, сейчас не школа,— возразил Джонни.— А во-вторых, мы все-таки друзья.

— О боже...— сказала мама.

— Бедный Борис Иванович,— сказал папа.

Потом они еще что-то говорили. Но это неважно. Важно, что в конце концов они согласились. Потому что они были лучшие на свете мама и папа (это Джонни знал твердо, хотя и усматривал у родителей отдельные недостатки). И потому что, когда просит сам директор школы, спорить неприлично. А то, что он уже не хочет быть директором, мама и папа не знали.

Конечно, они еще многое выясняли, уточняли, беседовали по телефону с Борисом Ивановичем и весь следующий день учили Джонни, как себя вести в дороге. Но это было даже приятно. Это как бы входило в подготовку к путешествию.

Джонни сперва проявлял спокойствие и выдержку, но к вечеру не выдержал и объявил, что пора собираться. И выволок из-под шкафа пыльный чемодан.

— У тебя завтра еще целый день,— сказала мама.

— Ты сама говоришь, что я все делаю в последний момент,— упрекнул Джонни.

Он положил в чемодан общую тетрадь, чтобы вести путевой дневник. Потом карандаши — основной и два запасных. Мыло, пасту, щетку, полотенце. Фонарик — ночи на юге очень темные. Потом раскопал на антресолях кеды, а в шкафу полинялые шорты и две майки с изображением спортсмена-лучника.

— Джонни, ты спятил,— осторожно сказал папа.— Сейчас там не лето и даже не весна.

— Борис Иванович говорит, что в Крыму нынче очень тепло.

— Но не настолько же...

— Борис Иванович говорит, что, может быть, даже миндаль скоро зацветет.

— Миндаль цветет не раньше конца марта...

— А Борис Иванович говорит...

— Кроме того, миндаль совсем не свидетельствует о теплой погоде. Он...

— Ну, папа!— сказал Джонни, как человек, у которого отбирают сказку.— Чего раньше времени спорить? Там увидим.

Отец махнул рукой. Они с мамой собирались в Дом культуры на концерт московского пианиста. И через полчаса Джонни остался наедине с чемоданом.

Пусто стало, и как-то сразу расхотелось торопиться. Но все же Джоннина радость не прошла. Просто она сделалась тихая и спокойная. Отчетливо тикал будильник, сделанный в виде золотого ключика. В кухне, как сытый медвежонок, урчал новый холодильник. Эти звуки отзывались еле слышным звоном в тонких елочных шарах. Шары тихонько поворачивались на длинных нитках.

Джонни прикрыл чемодан и подумал: чем бы заняться? Пойти покататься с вала или включить телевизор? Но вместо этого он устроился в кресле перед елкой и стал разглядывать игрушки.

Игрушки были разные. Некоторые Джонни помнил, как помнил себя, они появлялись на елке каждый год. Например, этот желтый ватный цыпленок (порядком потрепанный) и эти старые серебряные рыбки. Но были и совсем новые звезды, фонарики и несколько блестящих шаров — малиновых и зеленых. Они походили на маленькие планеты...

Джонни смотрел на елку и тихонько прощался с ней. С зимой, со снежными каникулами. Завтра вечером укатит в Москву, а потом туда, где нет ни снега, ни холода и где цветет загадочный миндаль.

Что это за цветы? Джонни раньше слышал такое название, но внимания не обращал. А сейчас задумался.

— Мин-даль,— сказал он одними губами.— Мин... даль...

Слово перекатывалось на языке, как стеклянная бусина. Урони — и зазвенит на полу.

Интересно, что это слово значит? А может, оно из нескольких слов?

«Мин» — по-голландски значит «мой». В книге «Петр Первый» Меншиков называл Петра «мин херц». Значит, «мое сердце». «Мин даль». Значит, «мой даль»? А что такое «даль»? Если бы «даль моя» — тогда понятно: простор какой-то. Но здесь — «мой»... А если «даль» — это «он», тогда что? Или кто?

Был человек с такой фамилией — Даль, — друг

Солнечный свет летел ему навстречу. Пушистые лепестки облепили белую майку, губы стали сладковатыми от пыльцы.

Пушкина. Врач и писатель. Он еще словарь написал... Нет, цветы здесь ни при чем... Но зато словарь близко, у папы на стеллаже. И там слово «миндаль», конечно, есть!

Джонни вытянул с полки том с буквами «И — О» на корешке и нашел, что хотел. И узнал, что миндаль — это «дерево Amygdalus nana и плод и орех его....». И дальше были еще объяснения про бобовник и персик и так далее. Но не было ни слова, какие у миндаля цветы. Джонни огорченно повертел книгу. Она была в ярко-желтом переплете. Папа купил словарь в букинистической лавке, томá были растрепанные, без корочек, и пришлось их отдать в переплетную мастерскую. В мастерской нашелся только такой коленкор — будто лепестки подсолнуха.

— Мин-даль...— опять сказал тихонько Джонни, и ему показалось, что цветы миндаля такого же цвета, как корочки словаря.

Он поставил книгу, но к елке не вернулся, а прилег на диван у отцовского письменного стола — щекой на упругий валик. И стал смотреть на оконное стекло, которое было с одного угла затянуто морозным кружевом. Ледяные узорчатые листья искрились, небо за окошком начинало зеленовато светиться. Джонни улыбнулся, он понял, что сейчас в оконный квадрат станет медленно вплывать желтый запрокинутый на корму кораблик...

Джонни не дождался кораблика. Потому что небо стало синим и очень высоким. И его сделалось много. Кругóм. А сам Джонни оказался на крепостном валу, но это был не тот знакомый вал в их городе. Гораздо выше. И невдалеке начиналось и убегало в дальнюю даль море, и оно было еще синéе, чем небо.

На валу и на всем берегу сплошь цвели желтые деревья.

Это был не печальный осенний цвет, а солнечный, очень теплый. Летний. Как у одуванчиков, когда они в конце мая высыпают на лужайках. Цветущие деревья закрывали склоны и берег яркими грудами. Листьев не было, зато желтые гроздья цветов сплошь покрывали ветки и стволы. Громадные гроздья, по форме похожие на соцветия черемухи, только гораздо крупнее.

Цветочная гроздь качалась у самой Джонниной щеки. Джонни разглядел выпуклые лепестки, прожилки на них и мохнатые, как ножки шмеля, тычинки. От всплеска громадной радости Джонни зажмурился и глубоко-глубоко вдохнул теплый южный воздух. Солнце ласково трогало ресницы и лоб. У желтого миндаля запах был как у одуванчиков, когда в них с размаха зароешься лицом.

— Ура...— шепотом сказал Джонни.— Ой какое ура...— Раскинул тонкие, незагорелые еще руки, оттолкнулся упругими кедами и кинулся со склона к морю.

Солнечный цвет летел ему навстречу. Пушистые лепестки облепили белую майку со стрелком из лука, мягко чиркали по голым рукам и ногам, губы стали сладковатыми от пыльцы. А Джонни все мчался и теперь понимал, что бежит не с вала, а с крутой пирамиды, заросшей по самую верхушку желтым миндалем. Ветки делались все гуще, наконец сплелись в сетку, подхватили, подкинули над желтой рощей легонького Джонни... И он ничуть не испугался, потому что падать стал медленно-медленно. И купался в солнечном тепле. И знал, что мягкие ветки подбросят его снова...

Слово «миндаль» тихонько звенело в воздухе, как стекляшки, которые девчонки просыпали на каменные ступени. «Мин-даль... даль... даль... динь... длинь...»

И когда желтые деревья погасли и Джонни понял, что этот перезвон — телефонный сигнал в прихожей, он ничуть не огорчился. Короткий южный сон был как неожиданный подарок. Еще одна радость ко многим радостям, которые ждали Джонни впереди. В этом сне все было такое настоящее, что Джонни запомнит его навсегда.

Телефон сыпал негромкий, но длинный и настойчивый звон. Джонни понял: это междугородный сигнал. Он не удивился. Двоюродная сестра Вера часто звонила из Москвы. И сейчас это, конечно, она. Будет передавать приветы от себя, от Валентина Эдуардовича и спрашивать, не приедет ли Джонни в гости. Небось и билет на какую-нибудь столичную елку для него раздобыла.

А он не приедет, он не может! Скоро он будет далеко-далеко! У самого моря!

Джонни, сияя, выскочил в прихожую. Подхватил скользкую трубку.

— Это ты, Вера?

— Это я,— сказал тонкий голос. Чуточку знакомый, но непонятно чей.— Это ты, Джонни?

— Я... А ты? Ты кто?

— Юрка!

— Какой Юрка?

— Ну, это я! Молчанов!

Снова о пирамидах

Тревожиться было нечего. Совершенно нечего. И все-таки Джонни слегка вздрогнул. И спросил сердито, чтобы эту непонятную тревогу прогнать:

— Ты откуда взялся? Уже приехал?

— Нет, я из «Березки».

«А зачем звонишь?» — спросил Джонни. То есть нет, не спросил. Хотел только, но почему-то удержался. Сам не знал, почему.

— Я не из самой «Березки», а со станции,— торопливо и звонко сказал Юрик (так чисто было слышно, будто он рядышком).— Тут будка автоматная, междугородная, вот я и звоню.

— А почему ты на станции? Ты что, сбежал?

— Да нет!— Юрик переливчато засмеялся.— Ко мне мама приехала. Она может меня домой забрать, если я хочу.

— А тебя отпустят? Ведь еще целая неделя...

— Меня отпустят, если я очень попрошу и мама! Потому что наш врач говорит, что у меня уже все хорошо. Потому что я под пирамидой лечился.

— Что?— спросил Джонни слегка обалдело.

— Да! Я такую пирамиду из картонного ящика сделал, и над кроватью устроил, и под ней спал в тихий час и ночью. Ты же сам говорил, что пирамиды для всего полезны и для здоровья тоже.

Джонни тоже засмеялся:

— И тебе разрешили?

— Ага! Я же говорю, у нас такой хороший врач. Он на нашего директора похож. Он сперва хохотал, а потом сказал: спи на здоровье под пирамидой, если тебе это помогает. Говорит, хуже не будет... А мне даже лучше! Это на рентгене видно!

«А зачем ты звонишь-то?» — опять подумал

Джонни. Вообще-то ничего удивительного не было: дорвался человек до телефона и трезвонит на радостях. Свобода! Домой еду! Но беспокойство опять царапнуло Джонни.

— Юрка! Значит, ты сейчас домой поедешь?

— Я не знаю! Мы с мамой пришли тебе позвонить, можно ли!

— А я-то при чем?— изумился Джонни.

— Ну, потому что я сказал Владимиру Геннадьевичу, врачу нашему, что мы с тобой должны на каникулах в Москву поехать, что это очень важное дело. И маме сказал. Ну вот, Владимир Геннадьевич и говорит: если правда поедете, то отпущу. Раз уж такое это неотложное дело! А мама говорит: давай сперва спросим... Джонни! Мы поедем?

Сон про желтый миндаль опять колыхнулся в глазах у Джонни. Только не было упругой сетки из цветов, а будто носом о твердый ствол...

— Джонни!..— обеспокоенно зазвенел Юркин голос.

— Да подожди ты!— отчаянно сказал Джонни.

— Я жду... Только у меня пятаки автоматные кончаются.

— Ты же писал, что десятого числа приедешь!

— Ну да! Вот мама и говорит мне: позвони, вдруг Джонни занят в каникулы! А ты ведь не занят?

«А вот как раз и занят! Откуда я знал, что ты, балда такая, сорвешься из «Березки» раньше времени? Что же мне, от Черного моря отказываться? Я на юг улетаю!» — так Джонни должен был ответить по всем законам здравого смысла. Так он и ответит сейчас. Только секундочку он помедлил. Потому что дурацкое воображение не вовремя подсказало ему, как Юрка тихо опустит трубку и молча поднимет на мать невеселые глаза. И ничего даже не скажет — и так все будет понятно... Ну и переживет! Поспит еще недельку под своей пирамидой. Сам виноват. Кто его просил сваливаться как снег на голову...

Да не как снег. Он же спрашивает: можно или нет?

Вот и надо сказать: нельзя, уезжаю.

А может, соврать что-нибудь? Сказать, что сестрица Вера заболела и в Москву к ней сейчас нельзя? Тогда получится, что никто не виноват.

А разве сейчас кто-то виноват?

Не будет он врать. Не врал Джонни своим солдатам и адъютантам никогда в жизни. Всякое в жизни случалось, но такого не было. И сейчас не выйдет.

— Джонни! Ты что молчишь?

— Я думаю,— сумрачно сказал Джонни. Хотя чего было думать?

— Ты думай скорее, я последний пятак бросаю,— сказал Юрик уже с печальной ноткой. Почуял что-то.

— Я же не знал, что ты на неделю раньше...

— Я понимаю...

«А у меня самолетный билет до Симферополя!» Хотя еще неизвестно. Может, еще и не купили билет...

— Уже цифры зажглись,— как-то глухо сказал Юрик (теперь сразу слышно, что издалека).

— Ладно, я сейчас,— глупо ответил Джонни.— Я... Это... А что, больше нет пятака?

— Нет... Подожди... Джонни, еще полмину-

— Джонни! Что ты молчишь?
— Я думаю,— сумрачно сказал Джонни.

ты!— Голос Юрика звенел, как тугая струнка, которую дергают нервно и неумело.— Джонни!

— Что, нашел пятак?— совсем уже по-идиотски спросил Джонни.

— Нет! Я ту монетку спустил, с корабликом!

— Что-о?

— Потому что больше нету! Джонни! Ну, ты скажи, мне ехать или нет? Скорее! Нет или да?!

Если бы он спросил «да или нет», Джонни и ответил бы, наверно, что нет. «Нет, я не могу, Юрка!» Но Юркиным последним словом было «да». И в этом «да» звенел такой отчаянный нажим, что Джонни рявкнул беспомощно и зло. Будто в рифму:

— Да!

Потом, испугавшись этого крика, добавил помягче:

— Ладно, приезжай...

Кораблик

Бориса Ивановича Джонни встретил на углу Крепостной и Первомайской. Директор шел в магазин за сосисками для ужина. Джонни сразу сказал ему, что лететь в Крым не может. И сразу объяснил, почему.

Они пошли рядом. Как вчера. По заснеженному тротуару — желтому от фонарей и узорчатому от переплетенных теней.

— Да... Значит, не судьба,— сказал Борис Иванович.— Или, вернее, как раз судьба...

— Как это?— сумрачно отозвался Джонни.

— Такая, значит, у тебя судьба, Джонни Воробьев,— повторил Борис Иванович.— Ты командир. Ты никого из своих не можешь ни бросить, ни обмануть... Видишь, я даже тебя и не уговариваю лететь.

— Да,— сказал Джонни. И на миг он гордо поднял голову.

Он командир. Это было объяснение. Все делалось простым и точным. Но... это для Бориса Ивановича так делалось. А Джонни почти сразу почувствовал: нет, все гораздо сложнее.

Если бы он был командир, никаких осложнений не получилось бы. Он сказал бы своей армии коротко и четко: «Операция переносится. Уезжаю по делам». Армия, может быть, вздохнула бы, но ни роптать, ни укорять Джонни не стала. Она привыкла верить командиру всегда и во всем. Потому что он никогда не подводил... Ну, а если бы ожидалось важное и неотложное дело, если бы уехать в самом деле было нельзя, Джонни подчинился бы судьбе спокойно и гордо. Что поделаешь, такая командирская доля.

Но сейчас-то никакого срочного дела не ожидалось! И армия беззаботно веселилась на каникулах, и для Юрика не был он в эти дни командиром. И ничего не случилось бы, если бестолковый Молчанов еще недельку проторчал в санатории. Ну, совершенно ничего не случилось бы...

И кой черт дернул Джонни за язык? «Ладно, приезжай...» Неужели человек не имеет права слетать на юг если раз в жизни привалила удача?

Джонни разъедала досада. Жгучая, как растворитель Алхимика. И, пожалуй, досада эта была сильнее самой жалости о потерянном путешествии. Потому что получилось глупо. Непонятно получилось, а Джонни любил в жизни ясность.

Он не мог объяснить себе, зачем это сделал. И чего он испугался? Почему не сказал «нет»?

«К-р-р, к-р-р»,— отчетливо говорил под подошвами снежок, и Джонни шел, глядя на свои сапожки, и молчал. И Борис Иванович тоже молчал.

«Завтра он улетит,— думал Джонни.— Сперва на неделю, потом насовсем... Там хорошо, там миндаль...» И сделалось Джонни как-то одиноко. Будто совсем не осталось друзей. Он даже сердито хмыкнул — таким неправдашним было это ощущение.

Это у него-то нет друзей? Это он-то одинокий?

Уж чего-чего, а друзей у Джонни хватало. С самого раннего детства. Еще в детском садике...

«Это не друзья»,— шепнул кто-то Джонни. Или сам себе он шепнул в глубине своих мыслей.

«А кто?» — ощетинился Джонни.

«Это верные твои солдаты и адъютанты. Они тебя слушаются, они тебя любят. Только это еще не дружба. Дружба — это если на равных...»

«А в классе...»

«В классе? Да-а... В классе ты авторитет. Сказал слово — и все открыли рты. Посоветовал — и все слушают. Пирамиды сделали... И ждут: что еще новенького подкинет Джонни Воробьев?»

«А Серега и Вика! А Степан и Борька Дорины!»

«Они выросли... Ты для них всегда был маленький Джонни, а теперь совсем... Они почти взрослые, им не до тебя...»

«Неправда!— взъярился Джонни.— Они все равно настоящие, они меня никогда не предадут...»

И это была правда. Если что случится, все придут на помощь: и третьеклассники с храбрым командиром звездочки Мишкой Паниным, и весь Джоннин пятый «А», и Вика, и Сережка Волошин, и Дорины. И даже Катька Зарецкая кинется на выручку, это уж точно. И деловитый Алхимик... А если придет к Джонни удача, они от души будут радоваться за него...

Но если нет ни беды, ни радости, а только обыкновенная жизнь? Тогда с кем ты можешь побыть рядом просто так? И поговорить о своем? О плавании на плоту вокруг света или о тайнах подземелий. Или еще о чем-нибудь, как, например... Что «например»? С кем? Например, как с Молчановым, который тогда рассказывал о своих корабликах. И о «вахтенном журнале», и о корабельной рубке... И о тонком-тонком месяце вокруг темной луны...

С Катькой сейчас про такое не поговоришь. Раньше можно было, а теперь... С Борисом Ивановичем? Он скоро уедет насовсем. И кроме того...

«Что?» — нахмурился Джонни.

«Кроме того, признайся: в этой дружбе была для тебя капелька хвастовства. Для самого себя. А? Тебе нравилось, что с тобой дружит директор...»

«Нет!— огрызнулся Джонни.— Неправда... Не в этом дело».

«А в чем?»

«Я-то для него никакой не директор, а он со мной тоже дружит... Но теперь все равно. Он уезжает...»

«Ну и что же, что уезжает? Может, ты думаешь, что он тебя предал?»

«Не думаю. Просто его вынуждают обстоятельства... Есть у взрослых такое дурацкое слово — «обстоятельства». Это когда надо объяснить уважительную причину...»

«Но у тебя-то нет уважительных обстоятельств...»

«Но я и не поехал! Я остался же!»

«А по-че-му?»

«Потому что я испугался»,— подумал Джонни.

Он подумал это без обиды на себя, а только с тепловатым смущением, будто от чьей-то излишней ласки. Он коротко, но глубоко вздохнул и помотал головой (так, что распущенные уши мохнатой шапки захлопали по щекам). Стало чуточку яснее на душе. Проще.

«Я испугался...»

«Чего?..»

Джонни объяснить не мог ни словами, ни мыслями. Но он чувствовал: он испугался, что если скажет «не приезжай», порвется непонятно тонкое, незаметное, чуть уловимое. Как та светлая паутинка, что связывает концы узенького месяца в первый день новолуния... Как это сказать? Джонни опять помахал мохнатыми ушами шапки — почти сердито. И вдруг снова увидел — будто на самом деле,— как в тесной телефонной будке нетерпеливо переступает большущими валенками и толкает в щели последнюю монетку маленький Юрик Молчанов... А почему маленький? Джонни замечал уже не раз, что они почти одного роста. Да и велика ли разница в два года? Между старшей и младшей группой в детском саду велика. А между пятым и третьим классом — не очень. И чем дальше люди растут, тем все больше эти два года стираются между ними.

...И кажется, Юрка понял это раньше Джонни. И вот он кидает в прожорливый автомат свой талисман с корабликом, будто последний патрон расходует. И ждет. И прижимает к щеке черную трубку так, что скула побелела (а вязаная Юркина буденовка висит на крючке, куда обычно вешают сумки и портфели, чтобы не мешала; и взъерошенные волосы искрятся под яркой лампочкой)...

— Не в этом дело...— вполголоса сказал Джонни.

— Что?— не понял Борис Иванович.

— Не в том дело, что я командир,— сказал Джонни, глядя под ноги, на желтый от фонарей снежок.— Юрка Молчанов, он вот никакой не командир, а он тоже не уехал бы.

— Да?— рассеянно спросил Борис Иванович. Наверно, просто так, лишь бы как-нибудь отозваться. Но Джонни ответил уверенно, будто поставил точку:

— Да.

И вспомнил свое «да» в разговоре с Юриком. Такое резкое и досадливое. И вдруг испугался, что для Юрика оно могло быть, как обидный толчок локтем. Будто не «да», а наоборот.

«Но ведь я сказал еще: ладно, приезжай».

«А если это уже не помогло? И... если он решил, что ехать не надо?»

Джонни испугался этой мысли неожиданно и сильно. И этот колючий страх сразу перебил другие заботы и тревоги. Джонни задержал шаг.

«Да нет, он приедет,— сказал себе Джонни.— Не зря же он так ждал ответа. Раз любимую монетку с «Золотой ланью» не пожалел».

Конечно, Юрик приедет. Сейчас он уже, наверно, сидит с мамой в электричке и смотрит в темное окно (а за стеклом по черным елкам, как по крутым гребешкам зыби, мчится, не отставая, месяц-кораблик).

«Но ему сейчас не до месяца»,— понял Джонни.

Юрке не до месяца, не до зимних сказок. Он сидит и томится: почему Джонни говорил так хмуро? И как он его, Юрку, встретит?

Эту тревогу далекого еще Юрика Джонни ощутил какой-то глубокой, тайной ниточкой-нервом — безошибочно и ясно. Как ощутил, почему, трудно разгадать. Тайны человеческой души такие

же запутанные и неизученные, как загадки пирамид. Или даже сложнее...

Джонни сказал:

— Борис Иванович, я пойду. Я на вокзал. Надо узнать, во сколько приходит Юркина электричка.

— Иди.

Борис Иванович стянул перчатку, а Джонни потрепанную свою варежку, и они пожали руки. Коротко и просто, без лишних слов, без всякого значительного молчания и вглядывания друг другу в глаза.

— Увидимся еще,— сказал Борис Иванович.

— Счастливо слетать... Я пошел.

И Джонни не пошел, а побежал к серебристо мерцающему крепостному валу.

Борис Иванович... Рука так и просится написать: «Борис Иванович стоял и смотрел ему вслед». Но это неточно. Он смотрел себе под ноги. На тени кленовых ветвей, на втоптанную в снежок коробку «Беломора»... А потом он посмотрел вверх, за снежные деревья. Там поднималась четырехэтажная школа. Она еле угадывалась в мутноватом ночном небе. Окна были непривычно темны: уроков нет, каникулы, а новогодние вечера уже прошли. Лишь кое-где окна чуть искрились — то ли отражали рассеянный свет месяца, то ли мерцали сами по себе.

Очень хочется написать, что, посмотрев на окна своей школы, Борис Иванович сначала тихо, а потом все решительней зашагал к отделению почты. И там вечерней дежурной телеграфистке сдал телеграмму для своего товарища, что на юг он не поедет и начальником лагеря не станет... Но мы этого не знаем. И расстаемся мы с директором школы номер два здесь, на улице, когда он о чем-то думает и что-то решает, глядя на темные окна дремлющих классов.

Ладно. В конце концов не он главный наш герой. Главный — Джонни. Мы и с ним расстаемся, но здесь проще. По крайней мере сейчас проще. Джонни с разгона, не заметив крутизны, взлетел по тропинке на вал, промчался по нему шагов двести и по заснеженному склону ринулся вниз — к желтоватым огонькам Вокзальной улицы. Он мчался без тропинки, сквозь мелкие березки, которыми зарос восточный скат крепостного вала. Заснеженные ветки быстро, но мягко задевали его щеки, и он вспомнил на миг сон про желтый миндаль. Но только на миг. Он спешил.

А над ветками летел запрокинутый месяц-кораблик с серебристым клочком облака, похожим на вздувшийся парус.

КОНЕЦ

*Он мчался без тропинки,
сквозь мелкие березки,
которыми зарос восточный скат
крепостного вала.*

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Варшава, 31 июля — 15 августа 1955 года, V Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Польскую народную песню «Куколечка» поют теперь не только в странах Европы, но даже в далекой Индии. Ее поют все, кто побывал на выступлениях ансамбля песни и танца «Мазовше». 31 июля поздно вечером в центре Варшавы пятьдесят тысяч зрителей смотрели и слушали выступление этого знаменитого ансамбля.

* * *

По давней традиции в Польше каждый год в августе проводится праздник урожая. В 1955 году этот праздник был отмечен в Варшаве особенно торжественно. Звучит песня. На зеленое поле стадиона выходит польский крестьянин с косой. Рядом с ним, высоко подняв серп, шагает африканский юноша. Идет большая группа участников фестиваля в национальных костюмах. Дорожка стадиона превратилась в деревенскую улицу. Играет оркестр. Девушки водят хоровод.

Одна делегация сменяется другой. Перед глазами зрителей как бы прошли праздники урожая всех континентов земли. Каждый народ по-своему отмечает этот праздник. Но суть его везде одна — радостно человеку, когда убран богатый урожай.

* * *

6 августа. Вечером склоны обширной поляны Агриколя до отказа заполнили юноши и девушки. Участники фестиваля собрались на костер африканской молодежи. Вспыхнули мощные юпитеры. В звездное небо понеслись песни. Запылал огромный костер. На поляну при звуках тамтамов и тыквенных трещоток — инструментов, знакомых европейцам только по кинофильмам и романам,— вышли негритянские танцоры. Африканцев окружило плотное кольцо поляков, датчан, шведов, немцев, чехов. Юноши и девушки обменивались рукопожатиями, автографами, значками.

* * *

Огромным успехом пользовалась в Варшаве советская художественная выставка. В книге записей молодые люди многих стран мира отмечали, что советские картины прекрасно передают настроение, жизнь, мечты советского народа.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДОРОГИ

Из блокнота журналиста

Сейчас, когда я листаю свои путевые блокноты, Софийский фестиваль стал историей. Уже позади горячие споры, многотысячные митинги, красочные маскарады и фейерверки. Но чем дальше от нас IX фестиваль, тем ближе те друзья, с которыми мы встретились на незабываемых фестивальных дорогах... Тем дороже и роднее...

ДВА БУКЕТА

Небольшой приграничный городок Унгены встретил наш фестивальный поезд цветами и улыбками. Что творилось на перроне! Плясали, пели, водили хоровод. И везде мелькали красные галстуки. Пионеры молдавского городка целый год готовились к этой радостной встрече. Каждому хотелось что-то подарить советским делегатам IX Всемирного. В толпе я заметил мальчика, черноволосого и загорелого от щедрого летнего солнца. Он стоял смущенный и растерянный от необычного шума. В руках держал маленький букетик ярко-красных гвоздик.

— Ты кого ищешь? — спросил я его.

— Летчика! — тихо проговорил Костя (так его звали).

— Летчика? — удивился я.

— Да, летчика... Мой папа был летчиком-испытателем. Сейчас он не летает, врачи запретили. Но он мне не раз говорил: «То, что я не успел налетать, налетаешь ты». А есть среди делегатов фестиваля летчик? Я специально для него вырастил в своем саду эти гвоздики.

Я хорошо знал, что фестивальный поезд везет в Софию ткачих и скрипачей, трактористов и певцов, строителей и танцоров. Но вот есть ли летчик? И вдруг неожиданно для себя я вспомнил, что в Софии обязательно будет летчик. Да еще какой! Космический! Алексей Леонов — почетный гость Софии. Когда Костя узнал об этом, он даже захлопал в ладоши.

— Если увидите Алексея Леонова — передайте ему эти цветы, — попросил он. — И обязательно скажите, что Костя из Унген будет летать.

Я встретил на фестивале Алексея Леонова, рассказал ему о встрече на перроне.

— Я верю, — сказал он, — что мальчишка будет летать. И, может быть, когда-нибудь он сам поедет на фестиваль...

Фестивальный поезд весь в цветах. Их дарят нам на каждой остановке. А вот в Плевене мне показалось, что на перрон пришел целый цветущий розарий. Среди встречающих я увидел девушку в темно-синем костюме молодых строителей. Ее звали Веска. В руках у нее были розы. А глаза у Вески голубые-голубые, как небо Болгарии. Она тоже искала в толпе кого-то. Но вот кого?

— Строителя, — улыбнулась она, отвечая на мой вопрос. — Сама я учусь в техникуме, но летом помогаем строить комбинат. И мне хочется подарить этот букет тому, кто строит.

Поезд тронулся. В руках у меня остался Вескин букет. Я прошел весь состав. В каждом вагоне я находил строителей. В каждом вагоне я оставлял по розе.

Два букета. Один — из Унген, другой — из Плевена. В одном — молдавские гвоздики. В другом — болгарские розы. И мне подумалось: как хорошо, что эти два маленьких букета вплелись в огромный букет фестиваля. Букет яркий, неповторимый.

ЮНЫЙ БОЕЦ

В Софии я встречал его несколько раз. Военный костюм темно-зеленого цвета, солдатский ремень, солдатская широкополая шляпа. На груди — значки, самые разные.

О подростке можно сказать, что он не видел детства — детство прошло стороной. Стороной военной и жестокой.

Первой его игрушкой была гильза от автомата. Первой песней, которую он спел, была песня южновьетнамских партизан. А первым пионерским поручением — разведка. Фан Ван Бину — тринадцать лет. Он жил тогда в освобожденном районе Южного Вьетнама. Учился в школе, но нередко книжки ждали своего хозяина несколько дней, а маленький разведчик только одному ему ведомыми тропинками пробирался в это время по джунглям, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Враг коварен. Врага надо обмануть. И Фан Ван Бин возвращался из разведки с ценными сведениями, незаметно проводил партизан мимо американских сторожевых постов в боевую группу Куанг Чи. Эта группа — гроза захватчиков. Она уничтожила пять американских самолетов, совершала неожиданные налеты на американские базы. В боях Фан Ван Бин получил пять ранений. После госпиталя он снова возвращался в боевую группу.

Я смотрел на него и невольно вспоминал наших

ребят — сынов полков военных лет. Та же решимость в глазах. Та же сдержанность. Та же любовь к родине. Фан Ван Бин — член вьетнамской делегации. Сегодня его можно увидеть на встрече с рабочими, в гостях у пионеров, просто на улице. Он немногословен, но когда спрашиваешь его о фестивале, Фан Ван Бин не может говорить без волнения:

— Я проснулся в первое утро фестиваля, и меня поразила тишина. Над Софией поднималось солнце, небо такое синее-синее. И тихо вокруг. У себя дома я отвык от тишины... Бомбежки, обстрелы... Такое у нас почти каждый день. Никогда не думал, что могу встретить на улицах Софии столько улыбающихся, добрых людей. Ко мне подошла одна пожилая женщина и протянула два яблока. Таких вкусных я в жизни никогда не ел. Женщина погладила меня по голове и спросила о моей семье. Я сказал, что наша семья — партизанская, мои два брата и две сестры — бойцы. Тогда женщина снова погладила меня по голове, поцеловала и подарила еще два яблока. Я даже растерялся...

Когда Фан Ван Бин пришел в Софийский Дворец пионеров, его буквально засыпали цветами. Каждому хотелось подарить этому маленькому солдату свой сувенир, взять автограф, просто пожать руку. Он стоял, смущенный, растерянный, высоко подняв руки, и улыбался. Улыбался сотням пионеров из разных стран.

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Много старых легенд хранит седой Балкан. И о смелых четниках Христо Ботева, сражавшихся против турок, и о знаменитой на весь мир казанлыкской розе, и об отважном воеводе Чавдаре... Но есть в мире события, которые переживут самые героические легенды. В 1933 году в Лейпциге, в здании федерального суда, шел процесс, за которым следил весь мир. Судили коммуниста. Судили болгарина. На нем были наручники. Он стал живой

легендой. Георгий Димитров вступил в открытую схватку с фашизмом.

«Каждую ночь я просыпался от болей по двадцать, тридцать, пятьдесят раз»,— вспоминал потом Георгий Димитров. Но ни наручники, ни жандармы не смогли сломить волю коммуниста. Судили не Димитрова, а он судил фашизм.

И живой голос Димитрова звучал на фестивале. Магнитофонная лента сохранила на века события тех далеких лет. С волнением слушают арабы, вьетнамцы, ангольцы, испанцы голос коммуниста. «Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь. Я защищаю здесь свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни».

Тихо на выставке, посвященной Г. Димитрову. Люди молча рассматривают документы, фотографии, пожелтевшие газеты тех далеких лет. Но таких ли уж далеких? На софийском фестивале можно было встретить молодчиков из ФРГ, для которых гитлеровская свастика — лучший знак в мире, и запах пороха, дым горящих деревень — самый приятный аромат. Это они распространяли среди делегатов свои нацистские документы, которые с гневом жгли парни из Италии, вайяны из Франции, партизаны из Анголы. Это они дарили книжонку «Молодежь ФРГ-68», в которой обливали грязью ГДР, Советский Союз. На фестивале их горстка, а в Западной Германии — легион, и поныне вербующий в свои ряды тех, для кого гитлеровская книжка «Майн кампф» — настольная.

И живой голос Георгия Димитрова предупреждал всю молодежь планеты: «Храните мир! Зорко следите за нацизмом. Крепче смыкайте свои ряды!»

ЧТО ЖЕ ТЕБЯ УДИВИЛО?

Вся София была в алых галстуках. Только в делегации болгарской молодежи было около тысячи сентябрят. В делегации ГДР — семь юных тель-

манцев. В столице Болгарии: польские харцеры, английские ребята — члены детской организации «Лесной народ». Я задал юным участникам один вопрос: «Что тебя удивило на фестивале?»

Светлана Михайлова — болгарская пионерка.

Мы с нетерпением ждали фестиваль, хотелось поторопить время. А сейчас, когда фестиваль наступил, наоборот, хочется остановить стрелки часов. Меня поразила манифестация молодежи. Никогда не думала, что столько людей — черных, белых, желтых — могут так дружно скандировать знакомое и дорогое всем слово «Дружба». И еще. Я играю в шахматы. Когда узнала, что в клубе вашей делегации экс-чемпион мира Василий Смыслов дает сеанс одновременной игры, я так обрадовалась, что долго не могла уснуть. Наша партия длилась два часа. Я проиграла. Но мне ничуточки не обидно. Проиграла-то я Смыслову...

Моника Вагнер — пионерка из ГДР.

Я много читала о Советском Союзе, о ваших людях, о космосе. Но поверьте, то, что произошло на фестивале, останется в памяти на всю жизнь. В гостеприимной Софии я познакомилась с летчиком-космонавтом Алексеем Леоновым. Мы его ждали два часа. Он торопился на встречу, но все же успел с нами поговорить и на фестивальном билете поставил свой автограф. Разве такое забудешь?

Джес Коли — член английской детской организации «Лесной народ».

Я живу в Шеффилде. Мой отец — шофер, мама — домохозяйка. Когда они узнали, что я еду в Софию на фестиваль, спросили: «Какой подарок ты везешь своему новому другу?» И я рассказал, что «Лесной народ» давно готовится к поездке. Мы давали концерты, разносили почту. На заработанные деньги каждый из нас купил большую банку сухого молока. На второй день фестиваля пятьдесят банок мы подарили детям Вьетнама. Это скромный дар. Но от всего сердца. Пусть все знают, что «Лесной народ» против войны.

Гражина Шишч — член польской харцерской организации.

Мне очень понравилась международная выставка детских рисунков. Я шла по ней, и мне казалось, что я в гостях сразу у ребят 14 стран. Никогда не видела столько рисунков в одном зале. Меня поразила Антоанетта Элеферова. Этой болгарской девочке всего 5 лет, а ее рисунки побывали на выставках нескольких стран. В этот день искренне пожалела, что не подружилась с красками. Может быть, еще не поздно?

НА ОДНУ БЫ МИНУТКУ...

Я сидел в советском пресс-центре, на бульваре Клемента Готвальда, 4, в уютной комнате на втором этаже нашего культурного центра — клуба советской делегации. Вдруг дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел невысокого роста паренек в промокшей рубашке. Черные волосы, тоже мокрые, блестели при свете электричества. А глаза, черные как угли, излучали удивительную доброту и скромность.

— Разрешите позвонить по телефону,— спросил он на французском языке.

— Пожалуйста,— ответил я по-русски.

Когда паренек закончил разговор, он повернулся ко мне и, улыбнувшись, сказал по-русски:

— Спасибо.

— Вы говорите по-русски?

— Да,— ответил он.

Мы познакомились. Нагиб Мухамед Хассан сел рядом со мной и начал свой рассказ...

— Родился я в Каире, в районе Гизы. Матери не помню, она умерла, когда мне не исполнилось и года. Семья наша бедная. Отец — художник. Но в наше время продать картину бывает гораздо труднее, чем выучить другой язык. К тому же мой отец — коммунист. А коммунисты часто бывают вне закона... Отец рано научил меня рисовать, а в восемь лет я уже читал газеты.

Никогда не забуду того дня, когда я впервые встретился с русскими. К нам в Каир на гастроли приехала балетная труппа из Ленинграда. Билеты достать было невозможно. Но я все же попал на спектакль. Это была сказка. Сказка на сцене и в жизни. Я ушел потрясенный и ошеломленный. Долго бродил по каирским улицам и никак не мог успокоиться. В ту ночь я и решил выучить русский язык. Достал учебник. И каждое утро, еще до восхода солнца, листал страницы, учил незнакомые слова и звуки. Учил до тех пор, пока однажды, когда пришел домой отец, смог ему тихо пропеть: «Россия, Россия, Россия — родина моя!»

Ваш язык мелодичен и гибок, как струна. Это я понял, когда стал читать Пушкина. Его мне подарили ваши туристы, когда узнали, что в Гизе живет человек, знающий русский язык. Они меня искали целый день и все-таки разыскали...

А потом... А потом я послал в Советский Союз, в музей Волгограда, свою скульптуру против войны. Если будете в этом городе, посмотрите мою работу. Я два года отдал ей...

— А как же вы попали в Софию?

Мухамед улыбнулся:

— Пешком.

Делегация Объединенной Арабской Республики была многочисленной, но не смогла включить в свой состав всех желающих. Мухамед решил добираться до Софии свои путем. До греческого порта Пирей он плыл на пароходе. От Пирея до Салоник семь дней шел пешком, ночуя в горах, у костра. В Салониках он разыскал коммунистов, и те помогли ему добраться до болгарской границы. А там уже все было гораздо проще.

За окном хлестал ливень, заглушал голоса людей, шум городских улиц. Мухамед встал. Ему нужно было торопиться. И тут он заметил на стене плакат о советском балете. Я понял все без слов. Аккуратно свернув плакат в трубочку, Мухамед пожал мне руку и так же бесшумно, как появился, исчез в дверях.

...Фестивальные дороги, где вы кончаетесь? Может быть, на партизанской тропе, где в любую минуту может раздаться выстрел? А может, на улицах Парижа, где был убит во время демонстрации Даниэль Фери? Или на улицах Манагуа, готовой в любую минуту защищать свободу? На улицах городов Чили, охваченных гневом и болью? Или в Эфиопии, где советские врачи помогают пострадавшему от засухи населению?

Да, фестивальные дороги — дороги дружбы — кончаются там, где проходит фронт борьбы. Борьбы за права человека. За мир на Земле. За справедливость и солидарность. За солнце и улыбки.

С. ФУРИН

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Москва, 28 июля — 11 августа 1957 года, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов

«Комсомольская правда» опубликовала письмо Жюльены Каро из французского городка Ла-Мурьер Пьен. В нем говорилось, что в годы войны семья Каро подружилась с советским военнопленным Михаилом Полыскаловым, который затем сражался в рядах французского движения Сопротивления против гитлеровских оккупантов. Жюльен Каро просила опубликовать ее письмо в советской печати. Она надеялась, что Михаил Полыскалов отзовется и, может быть, ее дочь Симон Каро, делегат VI фестиваля, встретится с ним в Москве. И они встретились.

* * *

По дорожке Московского ипподрома, рассыпая мелодичный звон бубенцов, мчались тройки. Горячие пристяжные, круто выгнув шеи, неслись вперед. Рвались из упряжки коренные. Полыхали на ветру гривы. А трибуны тонули в восторженном гуле гостей. На фестивале шел конноспортивный праздник.

* * *

В девятом корпусе гостиницы «Золотой колос», где живут французы, находится медпункт. Каждый день ходят сюда десятки пациентов и, скорбно поджав губы, показывают на горло. Пропал голос! Помогите! Доктора почти всем говорят одно и то же:

— Не напрягайте голоса! Говорите тише.

— Как тише? — возмущается пациент.— Не могу же я молчать, когда на улицах нас приветствуют тысячи людей!

* * *

6 августа. На Манежной площади и примыкающих к ней улицах состоялась грандиозная манифестация за мир и дружбу. В ней участвовало свыше 500 тысяч человек.

* * *

9 августа. Участники фестиваля почтили память видных деятелей мировой культуры. Стихотворения Рабиндраната Тагора на русском языке, языках бенгали, хинди, урду звучали на вечере, посвященном замечательному сыну индийского народа. В этот же день делегаты фестиваля отметили 150-летие со дня рождения великого американского поэта Лонгфелло.

ТЫ И РЕФОРМА

Ю. А. КОСЫГИН,
академик, Герой Социалистического Труда

ЕСЛИ НЕ САМ, ТО КТО ЖЕ?

Когда меня попросили выступить в журнале «Пионер», я прежде всего уточнил для себя пионерский возраст. Да, правильно: от девяти до четырнадцати лет — период, когда человек серьезно начинает задумываться над своим характером. Еще Макаренко говорил: воспитывают человека до пяти лет, после пяти его можно только перевоспитывать. Каждый человек — и это мое убеждение — во многом воспитывает себя сам.

Самовоспитанием и самообразованием человек занимается всю жизнь, с детских лет до глубокой старости. Если, конечно, этот человек действительно хочет прожить жизнь не впустую.

Если человеку в три с половиной года захочется прочитать вывеску над магазином, он не успокоится и не оставит в покое своих родителей до тех пор, пока не научится читать. Это необязательно должно произойти в три с половиной года. Это может быть и позже, но в любом случае необходимо одно условие: если человеку захочется.

«Как же так? — спросите вы.— А школа? Уж читать-то в школе каждого научат, не говоря об остальном». Все правильно. Но и здесь важно «самохотение». Да, читать научат, но это еще не значит, что книга станет первой необходимостью. Он может выйдя из школы, где его заставляли читать, ставили за это отметки, до конца своих дней не прочитать больше ни одной строки!

Я, конечно, сгущаю краски, но, думаю, мысль моя вам понятна.

Когда началась первая мировая война, я еще не учился в школе. Повсюду висели карты Европы с флажками, обозначающими линии фронта. Я выучил по этим флажкам все географические названия, которые были на картах. И с тех пор проблемы изучения карты у меня никогда не возникало.

В то же время в детском саду, дожидаясь у подъезда, пока за мной придут родители, я любил пересчитывать по нескольку раз кафельные плитки. И неожиданно для себя открыл по этим плиткам законы умножения. Это было моим первым настоящим открытием, я был в восторге. Зато потом, когда меня стали учить в школе, я совершенно перестал заниматься самообразованием, и по арифметике были сплошные переэкзаменовки. Только в шестом классе меня снова увлекла алгебра. Я сидел на уроках не шелохнувшись и очень быстро наверстал упущенное.

Итак, главное для человека — самому захотеть. А захотеть можно только тогда, когда определишь, что тебе интересно, и поймешь, зачем это нужно.

Помню, в школе меня учили немецкому языку. Именно «учили», а не я «учился». Потому что я не понимал тогда, нужно ли мне это, а если нужно — зачем? Вот если бы, скажем, был в кабинете физики какой-нибудь диковинный прибор и описание работы этого прибора было написано по-немецки, я, может быть, и одолел тогда немецкий язык.

Зато английский и французский — это мои «вторые» родные языки. А получилось с ними так.

Отец мой геолог, и я потом выбрал эту профессию. Когда мне исполнилось тринадцать лет, он впервые взял меня с собой в экспедицию. Для меня, мальчишки, это было событием. Представьте себе: первая в жизни работа, за которую я, как и все взрослые в нашей экспедиции, нес ответственность. Через год отец предложил мне новую поездку, и не куда-нибудь — на Сахалин. Для того, чтобы поездка состоялась, я, наверное, смог бы преодолеть любые препятствия. А препятствие было — изучение английского языка. Не помню уже за сколько времени, но английский я тогда выучил. И не просто выучил, а полюбил его, он стал мне интересен. Во всяком случае, сейчас всю необходимую мне для работы литературу на английском я читаю совершенно свободно.

А французский я сам захотел выучить, когда пошел в первый класс частной начальной школы. Было это в 1918 году. В той школе, насколько я помню, нам преподавали арифметику, русский и французский. Французский мне сразу очень понравился своим мелодичным звучанием. И, надо сказать, на этих уроках я занимался усердно. А во второй класс я пошел в другую школу. Там французского не было, а был немецкий, его я не взлюбил и им не занимался. Зато французского не бросал. Постепенно учил слова, просил маму заниматься со мной разговорной речью. И сейчас мне доставляет огромное удовольствие читать книги — художественные и научные — на французском языке. Как-то на отдыхе я даже занялся художественным переводом. Перевел целое действие из трагедии великого французского драматурга XVII века Расина «Андромаха».

Теперь давайте посмотрим, что получается. Немецкий, которому меня в школе УЧИЛИ, я не знаю. Английский и французский, которые я УЧИЛ САМ, знаю в совершенстве. В одном случае учиться меня заставила острая необходимость, в другом же — сильное желание, или, как я сказал, «самохотение». Если его нет — никакие учителя, даже самые лучшие, сделать ничего не смогут. Учитель, по-моему, только умелый «регулировщик движения» в учении, он направляет, организует ваши знания, но знания ВАШИ, подчеркиваю.

Я сам прочел в жизни несколько тысяч лекций и не меньше лекций прослушал. И

знаю, что лекцию можно слушать, а можно и не слушать, точно так же, как и читать можно такие лекции, которые слушать будут, и такие, на которые могут просто не прийти. От чего это зависит? У преподавателя — от того, насколько ему самому будет интересна его лекция, его предмет. Для меня, например, мои лекции — это моя работа, только на виду у всех, и я никогда не стесняюсь произносить на лекциях свои мысли вслух, даже если они только что пришли мне в голову и могут оказаться ошибочными.

И для ученика его увлечение должно стать его работой. Только интерес, любопытство могут заставить его слушать урок, и если до следующего занятия они не пропадут — у человека действительно появится желание учиться.

И если кто-то, например, увлекся ботаникой, уверяю вас, даже школьной программы ему будет мало. Он перероет дома все справочники и энциклопедии, в библиотеке его будут знать и готовить для него самые лучшие книжки. Это можно только приветствовать. Но если такой человек напрочь откажется заниматься другими предметами — это беда. Пусть не так глубоко, как своими любимыми, но и остальными предметами заниматься надо. В конце концов перед каждым из нас стоит одна цель — стать нужным обществу, образованным, **грамотным** в самом широком смысле этого слова гражданином.

И здесь, если рассматривать наш пример, одной ботаникой не обойтись.

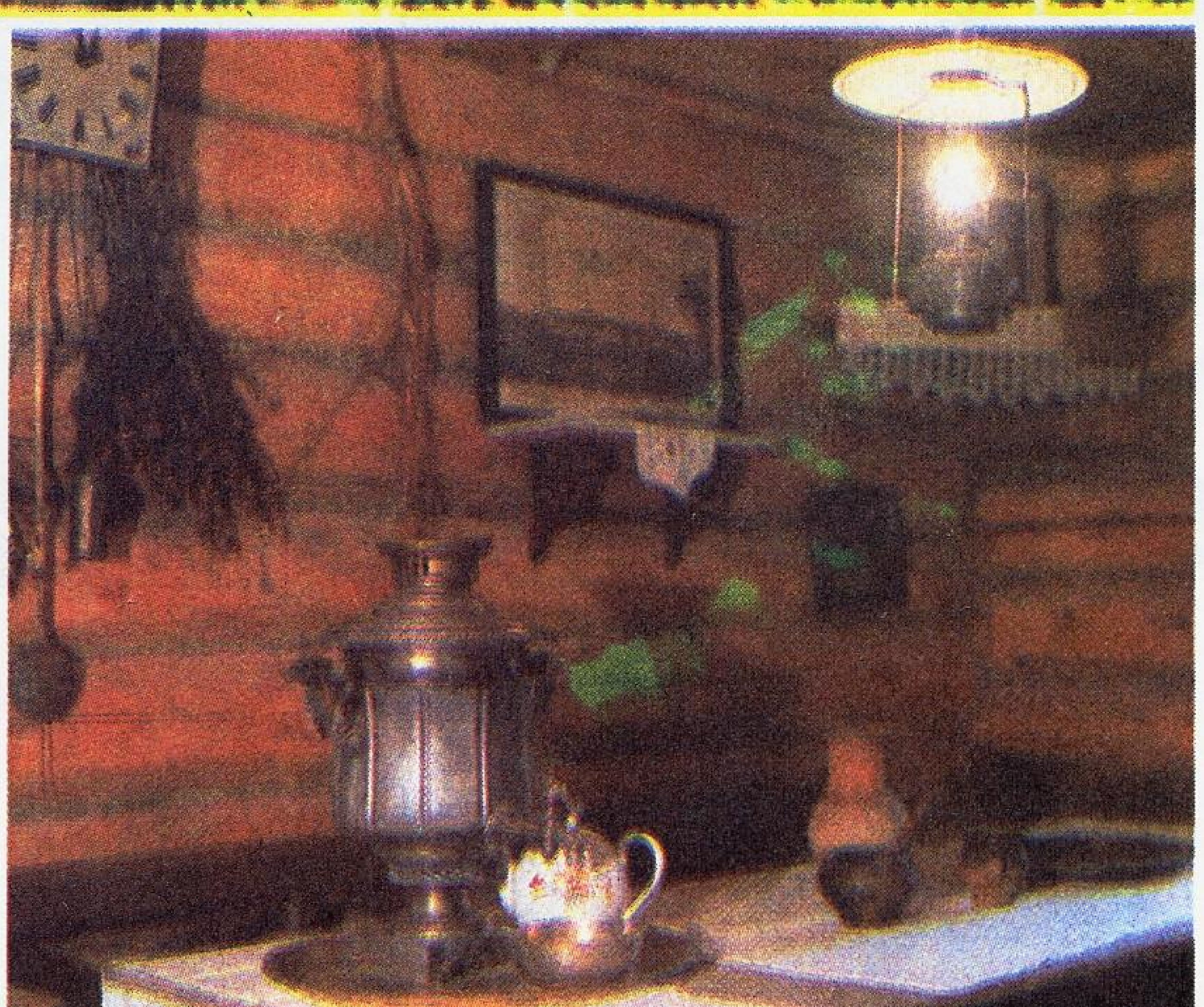
Допустим, наш ботаник будет долго говорить нам о своем увлечении, будет с удовольствием красоваться перед нами своими знаниями, но мимоходом скажет: «Ложи сюда книгу». Согласитесь, репутация этого «ученого» будет подорвана одним словом. Какой же из него ученый, если он не знает родного языка, если культура речи для него ничего не значит? Как ликвидировать такие пробелы? **САМООБРАЗОВАНИЕМ.** Чтобы совсем не упасть этому человеку в наших глазах, придется ему, кроме ботаники, покорпеть еще и над русским.

Или другой пример с нашим же ботаником.

Мы все хорошо знаем, каким должен быть человек в общении с другими людьми. Вежливым, тактичным, спокойным. Знаем, что нельзя повышать голос в разговоре, еще древние римляне говорили по этому поводу: «Юпитер, ты сердишься (то есть ты повышаешь голос), значит, ты не прав». Но кто из вас, если честно, может похвастаться тем, что он никогда не нарушает этого первейшего в общении между людьми правила? Вот вам, пожалуйста, задача, которую многим из вас еще решать и решать. Как решать? **САМОВОСПИТАНИЕМ.**

«Образованный» — это не только начитанный, много знающий человек. Самообразование помогает самовоспитанию. А самовоспитание — это работа над своим характером, внимание к своему поведению в разных обстоятельствах.

Постоянное самообразование и самовоспитание — единственный путь для человека стать образованным. Другого пути не дано. Надо приучить себя к мысли, что труд необходим прежде всего для самого человека, для его развития, для формирования в нем личности. Надо не просто вкладывать душу в свое, интересное тебе дело. Этого мало. Надо выработать в себе верное отношение к труду вообще, раз и навсегда уяснить, что труд — главное в жизни.



ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА

«Пионер» начинает составлять ЛИТЕРАТУРНУЮ КАРТУ *нашей страны! Мы расскажем о тех местах, где жили и творили любимые наши поэты и прозаики, познакомимся с музеями, которые там существуют, узнаем, как берегут память о великих людях их земляки. Мы хотим, чтобы наша* ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА *получилась точной и подробной, постараемся нанести на нее не только крупные музеи, известные многим, но и совсем небольшие, возникшие в поселках, домах культуры, интернатах, школах... И тут нам не обойтись без вашей помощи, ребята! Вот вам задание журнала: Узнайте, кто из писателей и поэтов жил в ваших краях? Есть ли в окрестностях музеи, посвященные их жизни и творчеству? Какие наиболее интересные экспонаты там представлены? Рассказы о литературных музеях можно присылать в журнал круглый год. На конверте напишите: «Литературная карта».*

Дом и сегодня кажется жилым: на рабочем столе Антона Павловича — лампа, бумаги, книги. В кухне сушатся душистые травы, ждет гостей добродушный толстый самовар.

К юбилеям он относился насмешливо. Но если бы это было при его жизни, то в день его рождения сюда шли бы люди — знакомые и незнакомые, друзья, почитатели. Его знали все — как писателя. Его знали немногие — как врача. Наверное, он страдал бы, выслушивая взволнованные, торжественные речи, слова любви, восхищения, благодарности и непременно порывался бы прервать их поток, перевести разговор на другое, постороннее, не о себе. Был он человеком сдержанным и целомудренным, «громкие слова» были ему чужды, казались лишними, а то и отдавали фальшью, дурным вкусом.

Будь мы его современниками, может быть, нам посчастливилось бы оказаться среди тех, кто имел право (или думал, что имеет такое право) подъехать 29 января к воротам подмосковной усадьбы Мелихово. Той самой, куда мы, люди 80-х годов XX века, входим сейчас без спроса и приглашения.

Дом-музей в отличие от просто дома открыт для всех. Толкни тяжелую дверь калитки — и вот ты в

Пойдем дальше, посмотрим.

Мелихово — это имение. По литературе мы знаем: в имении должен быть барский дом. Однако не видать пока ни высокого терема, ни каменных или хотя бы деревянных палат. Лишь справа сквозь деревья проглядывает невысокое строение. Подходим ближе: одноэтажный дом с просторной верандой, а перед ним — большая, ухоженная, нарядная в своей скромной простоте клумба. Слева — в другой части сада — притаился крошечный флигелек.

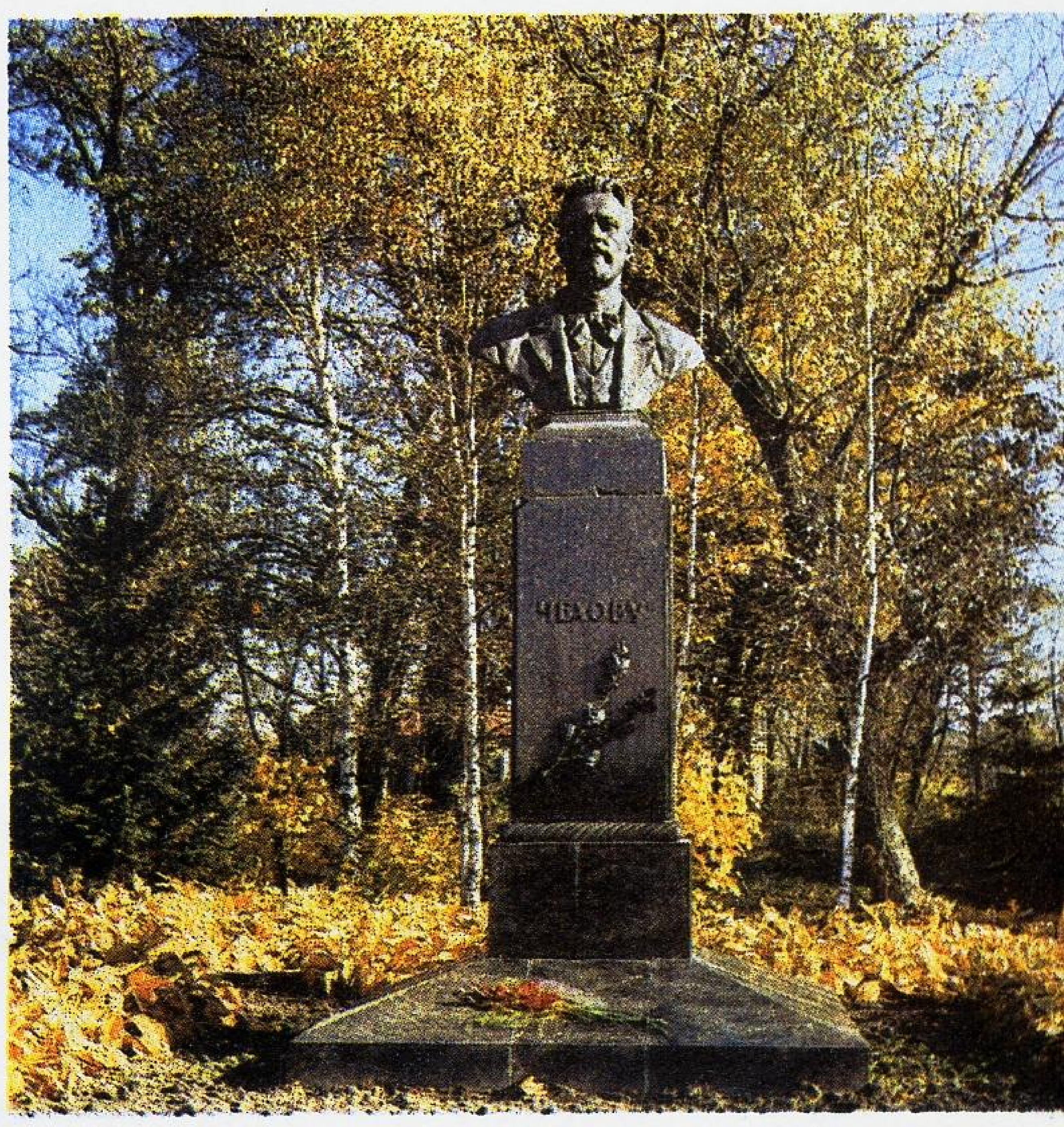
*

Говорят: «Скажи мне, кто твой друг,— и я скажу, кто ты». Справедливо было бы сказать и по-другому: «Покажи мне твой дом — и я скажу, кто ты». Приглядись: дома, как люди, не похожи друг на друга.

В современном многоэтажном доме поначалу все квартиры одинаковы: столько-то стен, столько-то комнат, окна, двери. А заглянешь через год — у

С. БОГАТЫРЕВА

В МЕЛИХОВЕ, У ЧЕХОВА



Фотографии С. САФОНОВОЙ.

чеховском Мелихове, усадьбе, где Антон Павлович прожил около семи лет.

Прямая, как стрела, аллея идет от ворот. Укутанный снегом сад кажется небольшим, уютным. Тишиной и спокойствием полон он. Откуда они, эта тишина и спокойствие? От снега? Да нет, я помню, как встретил меня этот же сад в другую пору, ранней осенью. Тогда справа и слева во всю длину аллеи тянулись шпалеры цветов. Не изысканные розы, не царственные гладиолусы, не пышные флоксы — скромные желтые метелочки и блеклые голубые соцветия на прочных высоких ножках. Неприметные северные цветы, и названия-то их не сразу вспомнишь! Зато как благородно сочетаются они с неяркой голубизной неба — чувствуется, что они этой земле родные. Словно не рука садовника высадила их в грунт, а росли и цвели они здесь от века — так близки они русскому пейзажу, незатейливой красоте окрестностей. Тишину и спокойствие несли они остывающей от жаркого лета земле.

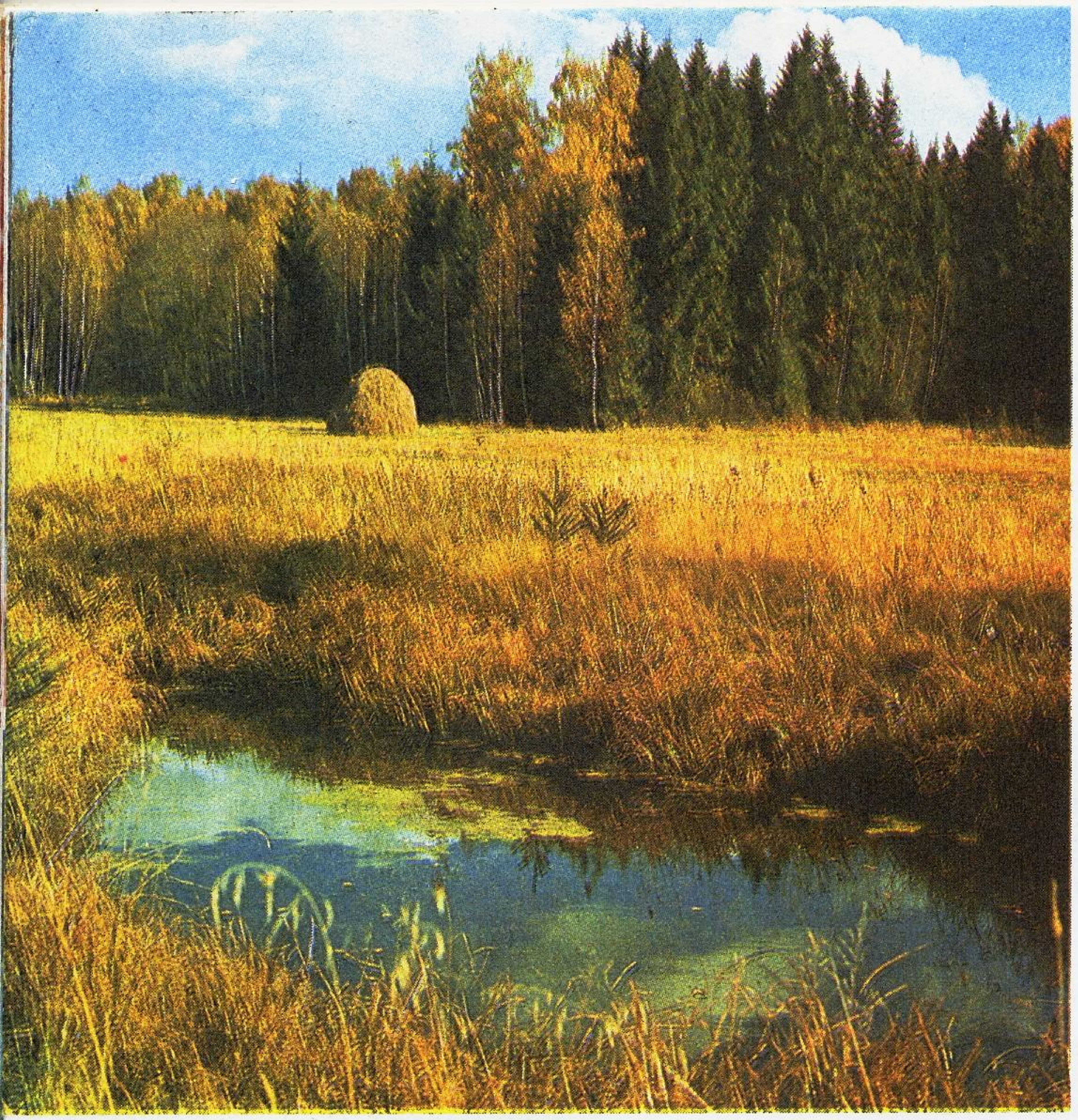
Нет, не от снега и не от цветов светлое, радостное, поэтическое настроение, которое рождает у посетителя эта земля. В чем секрет ее?

каждой свое лицо. Характер тех, кто тут живет, их уклад, вкусы, отношения друг с другом придают неповторимое своеобразие равнодушным по первости стенам, делают их похожими на своих хозяев. А старая русская деревня? Там в двух домах двух одинаковых окон не сыщешь: все украшены деревянным кружевом, у каждого дома на свой лад, на особицу.

Дома, как люди, живут, стареют, умирают...

Бывает так, что дом переживает человека. И если он, этот человек, дорог нам, то следующим поколениям остается грустная радость — знакомиться с его жилищем как с одним из зеркал, где сохранился его облик. Так остались на нашей земле нам в память дома, в которых жили и творили великие русские поэты, писатели, художники, композиторы. Дома эти почти всюду стали музеями, в них бережно хранится все, что там есть, и строго-настрого запрещено что-либо изменять.

Небольшое имение Мелихово Антон Павлович Чехов купил в 1892 году, а в 1899-м по настоянию врачей покинул его, чтобы переехать в более мягкий климат, на юг. Мелихово особенно дорого нам



Пейзаж, который нравился Левитану...

тем, что там были написаны многие замечательные произведения Чехова. Среди них «Ионыч», «Человек в футляре», «Черный монах», «Дом с мезонином», «Три года», «Палата № 6», «Мужики», «Моя жизнь», «Крыжовник», «Остров Сахалин», пьесы «Чайка», «Дядя Ваня». И еще тем, что все в Мелихове было устроено самим Чеховым по его вкусу, и значит, может многое рассказать о своем хозяине.

Взглянув на дом, огорчаешься: очень уж неказист. Причудливая веранда словно приклеена к длинному приземистому строению. Чехов тут ни при чем: дом достался ему готовым, он был построен предыдущим владельцем, художником-декоратором. Чехов только слегка переделал веранду: снял безвкусных грифонов, ее «украшавших».

Но внутри дом неожиданно оказывается просторным. Тут поместился и большой кабинет с широким, располагающим к работе столом. И кабинет врача — в Мелихове Антону Павловичу пришлось вспомнить свою первую профессию, медицину, воскресить врачебное свое умение. И комната Марии Павловны, преданнейшей из сестер. И комната матери, и комната отца — сюда входишь с удивлением: мы привыкли думать об отце Антона Павловича как о суровом человеке, далеком от нежных чувств, а тут видим вдруг скрипку и вспоминаем, что это он, по-своему, жестко, приучал детей к музыке. А вот — столовая с гостеприимным столом. Вот уютная гостиная, а за нею — «пушкинская», названная так потому, что ее украшает большой портрет поэта... Минуя огромную кухню, выходим снова в сад.

А теперь представим невозможное: мы не знаем, в гостях у кого побывали. Мы не слыхали о Чехове, не читали воспоминаний о нем. Мы не ведаем, кому принадлежало Мелихово, с чьим именем оно связано.

Что смогли бы мы в таком невероятном случае сказать о человеке, дом которого только что обошли?

Не так мало, оказывается!

Мы узнали, что он был трудолюбив — смотрите: самая большая, самая светлая, удобная комната отведена под рабочий кабинет.

Он был гостеприимен — как много народу жило под его кровом: в доме несколько спален, в столовой стоит обширный обеденный стол, гостиная так хорошо подходит для музыкальных вечеров и дружеских бесед, в просторной кухне, похоже, стряпали не на одних хозяев. Одним словом, здесь привыкли встречать и привечать большое общество.

Хозяин дома (а мы о нем, как договорились, ничего не знаем) много читал: стены его кабинета заставлены книгами снизу доверху. Он любил и знал живопись — об этом говорят картины, этюды, которые украшают его жилище. Почитал русских поэтов: самый большой портрет в доме — это портрет Пушкина. Знал музыку: свидетельство тому не только рояль в гостиной, но и портрет Петра Ильича Чайковского с дарственной надписью, стоящий на письменном столе. Фотографии на стенах кабинета рассказывают о том, что хозяин его дружил с хорошими людьми.

Поглядев на дом повнимательнее, мы можем пойти в своих догадках дальше. Увидим, что хозяин его был человеком скромным, обладал строгим и тонким вкусом. Ненавидел пышность, избегал всего, что отдает показным, «купеческим» великолепием: недаром велел он убрать с веранды помпезных грифонов! Он был независим в своих вкусах: на стене кабинета рядом с картиной прославленного Левитана висит робкая, почти ученическая работа Марии Павловны Чеховой. Хозяину дома работа нравилась, а на чужие мнения он оглядываться не привык, у него была своя шкала ценностей. Тот, кто жил в этом доме, любил гостей, но ценил уединение, необходимое ему для работы. Когда под одной крышей собралось очень уж много народу, он отдал весь дом в распоряжение родных и друзей, а сам перебрался во флигель, терем-теремок, где еле уместилась узенькая спальня, тесный кабинет и крошечная приемная для больных.

*

Пока я беседовала с домом и флигелем, а они молча и обстоятельно отвечали на мои вопросы, послышались голоса в аллее: у ворот угадывался автобус, а к дому направлялась притихшая группа экскурсантов. Однако в дом они не вошли, двинулись дальше через парк, остановились у небольшого пруда. Пруд этот знаменит тем, что в день приезда в Мелихово новый владелец выпустил туда мальков — жизнь принес в будущее свое жилье! Рука у него оказалась легкая: рыба в пруду с того дня не переводится.

Это было только начало.

Новый хозяин Мелихова глубоко вошел в заботы земли, на которой он поселился. Что там рыбки! Он и пруды по просьбе окрестных крестьян велел вырыть, и построил за оградой имения «пожарный сарай» — помещение, где хранилось все необходимое для борьбы с огнем. «Я построил три школы, и считаются они образцовыми»,— с гордостью вспоминал он впоследствии. Строил школы с увлечением: сам занимался планом, сам покупал материал, сам наблюдал за постройкой. Вникал во

все: следил, чтобы окна классной комнаты смотрели на юг и были большими, чтобы квартира для учителя получилась удобной... Одна из школ сохранилась по сей день — добротная, прочная.

Был он и земским деятелем, участвовал в переписи 1897 года: сам ходил по деревням, из дома в дом, руководил одним из счетных участков. Любил землю: разбил огород, который называл в шутку «Юг Франции»,— там рядом с огурцами и тыквой росли редкие в России артишоки, брюссельская капуста и спаржа. Работал в саду — особенно нравилось ему сажать вишни и розы. Розы почему-то всегда вырастали белые...

Но главное — он был врач, он людей лечил! То и дело над крышей флигеля взлетал красный флажок. Это означало: доктор начинает прием, приходите, он ждет. Когда окрестные крестьяне об этом узнали, они так и повалили в усадьбу. А сколько энергии и знаний проявил он во время вспыхнувшей эпидемии холеры!

Человек, о котором рассказывали экскурсантам сад, школа, пруды и флажок над флигелем, был, без сомнения, замечательной личностью. Но только этот человек совсем не был похож на того, о котором поведал мне дом. Сад, пруды, постройки говорили о неутомимом, полном энергии деятеле, а дом — о книжнике, который любил тишину, спокойствие, был склонен к сосредоточенности, к уединению.

Пора бросить игру в «Незнайку». И книжник, чуть ли не затворник, и врач, строитель, земский деятель — это, конечно же, одно лицо — Антон Павлович Чехов, книги которого мы знаем с детства и перечитываем всю жизнь.

*

Писатель — это не только профессия, не только литературное дарование. Писатель — это целый мир чувств и мыслей, это образ жизни, система поведения. Богатство и многообразие этого мира не всегда вмещаются в страницы, написанные писателем, и то, что остается за пределами книг, мало известно потомкам. Вот об этом-то может поведать земля, на которой он жил, в которую вложил труд, знания, силы. Которая хранит память о нем и плоды его труда и которую бережно хранят умелые руки наших современников, чтобы со временем передать тебе и твоим ровесникам. А уж вам — беречь ее дальше.

Те, кто работает в музеях,— люди чаще всего замечательные. У них свои — сложные и необычные — отношения со временем. «Мы тут живем и в прошлом, и в будущем»,— говорит о Мелиховском музее бессменный его директор Юрий Константинович Авдеев. И объясняет: в прошлом — потому, что все здесь рассказывает о минувших днях, в будущем — потому, что сам музей растет, у него появляются филиалы, он превращается в большой ансамбль «Чеховский край». Но мы-то видим и другое: музей живет в настоящем! Иначе как бы смогли сотни тысяч людей, разминувшись с Чеховым во времени, встретиться с ним на его земле, побывать у него в гостях и ощутить особый дух, особую прелесть его дома.

В этом флигеле (верхнее фото) была написана «Чайка». Это над ним поднимался флажок, приглашая всех, кто нуждался в совете и помощи врача. А пруд и школа те самые, что появились в Мелихове в чеховские времена, его стараниями.

100 советов Золушке

— Фе-ея...

— Погоди.— Фея остановила Золушку.— Ты обратила внимание, Золушка, что все наши с тобой разговоры начинаются с твоих жалоб? Мне это не нравится. Когда Золушка привыкает жаловаться — это нехорошо. Сначала она жалуется на прыщики и избыточный вес, потом на судьбу. У нее появляется кислое выражение лица, которое, кстати сказать, никого еще не украшало, в итоге она становится брюзгой. Улыбнись, пожалуйста. Я согласна тебе помогать, но я не согласна участвовать в трагедиях, причина которых прыщики или недостаточно тонкая талия. Нет талии — сделаем, не надо только таким проблемам уделять больше внимания и времени, чем они того заслуживают. Улыбнись! Прекрасно. Я не спрашиваю, была ли ты у зубного врача, как мы договаривались, и привела ли в порядок свои зубы. Все сразу видно: девочка, которая так прелестно улыбается, не нуждается в экстренной помощи стоматолога.

— Но прыщики, Фея...

— Да, кожа не очень... Бледная, сероватая. Вот мы и подошли к разговору о твоем питании. Ведь все это связано: лишний вес, нездоровая кожа и скверное настроение. Но дело не в том, чтобы ты срочно привела в порядок кожу или сбросила лишний килограмм. Видишь ли, ты должна будешь постепенно выработать такой стиль питания, при котором этих лишних килограммов у тебя не будет никогда, кожа станет гладкой и свежей и будет достаточно сил и энергии, чтобы успевать выполнять свои обязанности и быть веселой.

Запомни: хорошо, правильно питаться — вовсе не значит есть много. И наоборот: здоровое питание требует, если хочешь знать, бóльших хлопот, времени и затрат, чем питание обильное и неправильное. Первое условие, которое ты должна будешь выполнить: в каждом твоем завтраке, обеде, полднике, ужине должны быть витамины. Ну, например: ты, очевидно, перекусила, отправляясь на встречу со мной? Что это было?

— Ну... бутерброд с маслом, колбасой и чай.

— Так. Хлеб был белый? А сахару положила, верно, полчашки.

— Хлеб белый. А сахару, Фея, я положила чуть-чуть, как вы и советовали.

— Замечательно.— Фея довольно улыбнулась. Какой же взрослый, будь он хоть трижды волшебник, устоит перед таким комплиментом: мол, слова ваши и советы не проходят даром для подрастающего поколения.— Но все-таки... Представь такой вариант своего полдника: стакан томатного сока, ломтик сыру и сухарик. Или (если чувствуешь себя проголодавшейся): черный хлеб с маслом и брынзой, салат из моркови.

Ешь не торопясь, хорошо прожевывай, не глотай, как утка, кусками, и, уверяю, ты будешь сыта. Если же все-таки покажется мало, то лучше поесть через некоторое время еще. (Вообще никогда не наедайся до отвала.) Скажем так: одна печеная картофелина, ломтик холодного нежирного мяса и фруктовый салат с лимонным соком. Теплое молоко с ложечкой меда. В чем плюсы такого питания? Твои кожа, волосы получают необходимые витамины: овощи и фрукты вытесняют из твоего рациона сдобу, ненужные тебе калории. В печеной картофелине — витамины, минеральные вещества, в картофельном пюре — только крахмал.

— Фея, но ведь нужно, чтобы в доме были томатный сок, мед, лимоны... Картофель, морковь надо мыть, чистить, тереть.

— Я уже сказала: нормальный стиль питания требует некоторых хлопот.

— Вот именно. Мама скажет: мне еще за твоим соком по магазинам бегать.

— Предложи свои услуги. Речь идет о ложечке меда в

день, а не о целой банке, о нескольких каплях лимона в салат, а не о килограммах цитрусовых. На сладости денег уходит больше. В конце концов нет возможности приготовить фруктовый салат, его прекрасно заменит квашеная капуста — продукт фантастически полезный, а приготовленный дома к тому же дешевый и вкусный. А лук и зелень, выращенные на окне? А всевозможные летние заготовки овощей, ягод, фруктов? Морковь, картофель, если он не переварен и не истолчен?

— Но выращивать, чистить, мыть, Фея?

— Да, конечно. Ту же морковку надо тщательнейшим образом очистить, желательно ополоснуть кипятком. А то я знаю золушек, которые ели плохо помытые овощи, и с ними, бог знает, какие приключались неприятности.

— А время, Фея?

— Ужас сколько времени! Можно подумать, лежание на диване и переживание по поводу плохой фигуры и прыщиков занимают меньше! Времени эти хлопоты с едой, если не копаться, занимают столько, что еще достаточно останется на уроки, прогулки и гимнастику. Кстати, судя по твоей распрямившейся фигурке ты про нее не забываешь.

— Фея, я правда изменилась?

— Ну, конечно. В твоем возрасте регулярная гимнастика очень быстро приносит плоды. Просто недели какие-нибудь нужны. Но не успокаивайся. Каждый день, каждый. К тому комплексу, который ты делаешь, добавь вот эти упражнения для ног. Ножки у принцессы должны быть ровные, выпрямленные в коленках, стройные.

— Это-то, конечно... Но когда-нибудь мне можно будет успокоиться... насчет этой гимнастики?

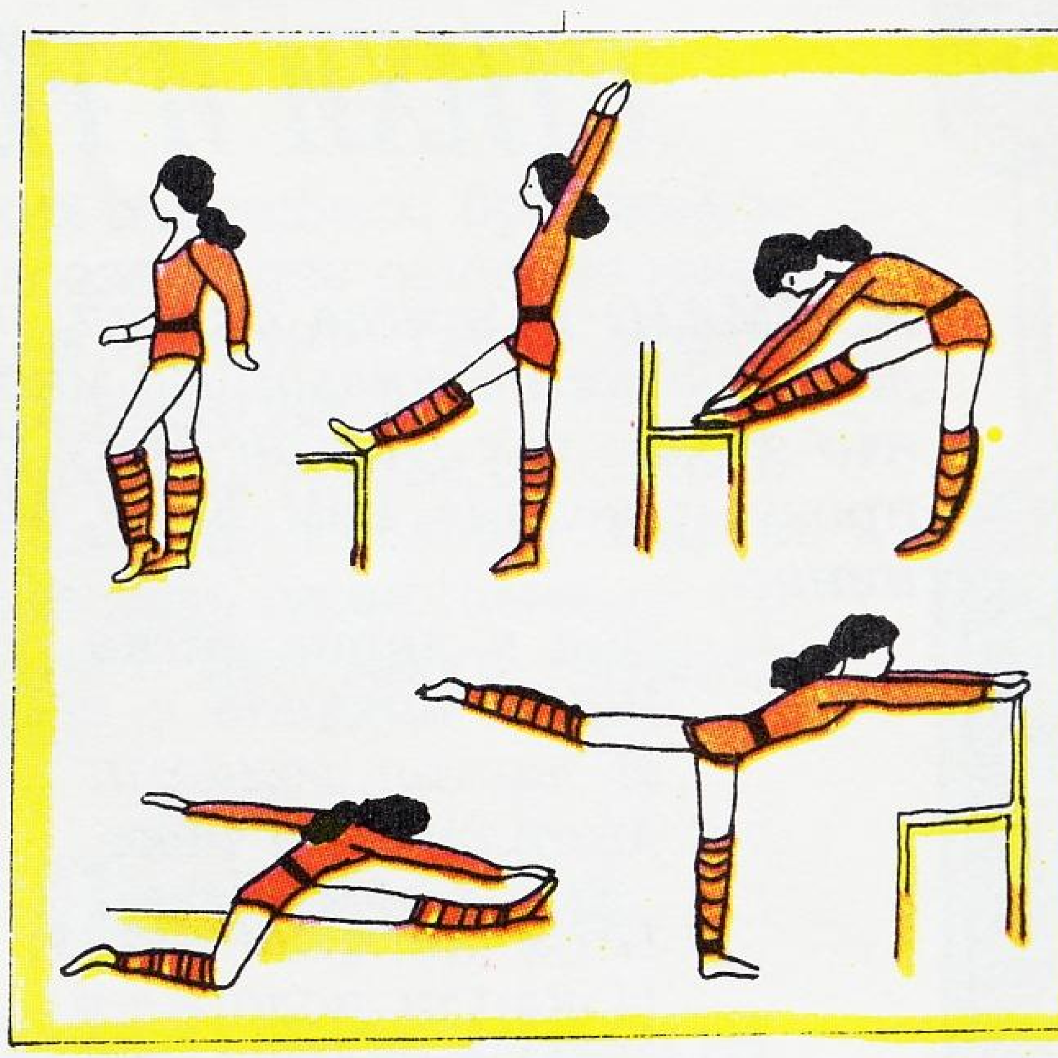
— Не раньше чем через три года. Психологи считают, что ровно столько нужно в детстве человеку, чтобы усвоить привычку. Думаю, года через три ты уже не сможешь обходиться без ежедневной гимнастики.

— Фея, но я знаю людей, которые не делают никакой гимнастики и совершенно спокойны.

— Говорят, в средние века многие люди не знали чудодейственных свойств мыла. Мыться тогда было не очень принято. Возможно, они об этом и не жалели. Но мы сейчас узнаем об этом факте с некоторым потрясением. Физкультура — часть личной гигиены. Такой же уход за телом, как купание с мылом. Я думаю, пройдет время, и наши потомки, узнавая о том, что было время, когда кто-то не делал ежедневной гимнастики, будут потрясены. Не меньше, чем ты сейчас, узнав о том, что кто-то когда-то не пользовался мылом и горячей водой.

— Понятно... А что сегодня в сундучке? Мне почему-то кажется, что укороченные брюки с манжетиками под коленками — бриджи.

— Сначала я так и предполагала: достанем-ка из сундучка для Золушки брюки-бриджи... Но теперь я подумала, бриджи подождут до следующего раза. Сейчас ранняя весна. И многие золушки, верно, как и ты, скисли оттого, что кожа у них бледная, появились прыщики, волосы потускнели — и все от недостатка витаминов и солнца. Поэтому в сундучке



нынче кое-что съедобное. Придется ему поработать по совместительству и холодильником. Итак, «салат красоты». Два его варианта. Не скажу, что эти салаты очень вкусные, да и жевать их нелегко. Но зато они так полезны, что уже через месяц, если хватит терпения делать их и жевать каждый день, ты увидишь результаты. Они прекрасно действуют на кожу и волосы.

ДВА «САЛАТА КРАСОТЫ»

Салат первый

Две ложки овсяных хлопьев, шесть ложек кипяченой воды, три ложки молока, одна ложечка сахара, яблоко, сок одного лимона.

Хлопья залить водой. Дать постоять один час. Натереть яблоко, добавить сахар, молоко, в конце сок лимона. И начинать есть.

Салат второй

Пять ложек овсяных хлопьев, пять ложек кипяченой воды, одна ложка холодного молока или сливок, одна ложечка меда, можно и две, четыре или шесть лесных орехов. Хлопья залить на ночь водой. Все остальное утром размельчаешь, перемешиваешь и съедаешь, хорошо пережевывая, до завтрака. И так весь месяц.

Это не очень вкусно и жевать долго. Но что делать... Можно жевать и заниматься утренними делами.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

В кают-компании «Кораблика»

СТИХИ И РИФМА

БОЦМАН: Я всегда считал, что именно рифма делает стихи стихами. Но многие ребята пишут, что это не так. И я не могу решить, стихи или прозу прислала нам Катя Морозова из Калинина.

> Вся в ливне ветка
> Рекой впадала в небо.
> И листья лодками
> Метались по реке.
>
> Но я нагнула ветку,
> И капли водопадом
> Холодным и могучим
> Упали на меня.

ЮНГА: Записано это как стихотворение...

БОЦМАН: Юнга, вы еще плохо разбираетесь в стихах, поэтому не торопитесь с решением. Записать как стихотворение можно и сухой отчет, и учебник физики. Но, чтобы стали они стихами, их надо еще и зарифмовать.

КАПИТАН: Не могу согласиться с вами, боцман. Не все зарифмованные тексты мы называем стихами. Не всех людей, которые умеют рифмовать, считаем поэтами. Как думаете вы, юнга, чем отличается зарифмованный отчет от стихотворения?

ЮНГА: Мне кажется, капитан, в отчете важны сами факты, их точность, правдивость. В стихах же поэт рассказывает, *какими* он увидел факты, события, передает свои впечатления. Взгляд поэта часто не совпадает с нашим, кажется странным, необычным.

КАПИТАН: Вы совершенно правы, юнга. Вспомните стихи Кати. Только поэт, чудак и фантазер решится стоять под проливным дождем. И задрав голову, пристально рассматривать ветку дерева, представлять ее рекой, а листья — лодками. Или нагнуть вдруг ветку и обрушить на себя холодный водопад. С вами, боцман, случалось такое?

БОЦМАН: Нет, капитан, когда идет дождь, я стараюсь не выходить из каюты. Пожалуй, соглашусь с вами, это стихи. Так поступают и говорят только поэты. Но прошу вас послушать произведение Максима Аксенова из Москвы: «Я крикнул, эхо насмешливым голоском откликнулось мне. Я побежал от него — не люблю, когда надо мной смеются. Медные и золотые осенние листья шуршали под ногами, словно переговаривались и улыбались. И дождь шел какой-то мелкий, насмешливый. Лишь серая туча смотрела на меня, нахмурившись». Здесь тоже все необычно: эхо смеялось, листья улыбались. По-моему, его можно назвать стихотворением.

ЮНГА: Рассказ очень поэтичен. Но в стихотворении Кати есть и внутренняя сила, которая помогает читать его легко и размеренно, делает стихи музыкальными, напевными. Произведение Максима по звучанию не похоже на стихотворение.

КАПИТАН: Может, и вы, уважаемые читатели, чувствуете эту внутреннюю силу стиха? Знаете, как она называется?

Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Сергеевич Горбачев. (Биографическая справка) 1
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 2
Малая пионерская энциклопедия 3, 32
Ленину. — Е. Благинина. Стихи 4
На Гран-рю. — Повесть М. Прилежаевой. Окончание. Рисунки С. Трофимова 5
Точка на карте
Вниз по Енисею. — В. Мочалов. Рисунки автора 14
Советский солдат. Имя. Флажок над кормой. — Стихи С. Погореловского 18
Среди войны. — Документальная повесть Л. Симоновой. Рисунки В. Дудкина 20
Города-герои
Минск. — Е. Селезнева. Фотографии В. Арсирия, Б. Задвиля, Т. Гутина 30
Всесоюзный штаб Тимура. — Рисунки А. Борисова 33
«Кораблик» 37
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой 38
Международный пресс-центр. — Рисунки Л. Хачатряна 40
Тайна пирамиды. — Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки Е. Стерлиговой 43
Навстречу XII Всемирному 50,55
Фестивальные дороги. — С. Фурин. Рисунки Л. Хачатряна 51
Ты и реформа
Если не сам, то кто же? — Ю. А. Косыгин. Записала Т. Шаронова. Рисунок Ю. Карповой 56
Литературная карта
В Мелихове, у Чехова. — С. Богатырева 58
Странички для девочек
100 советов Золушке 62
В кают-компании «Кораблика» 64
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Рисунок Н. Доброхотовой ...... III обл.

На обложке:
Москва. Красная площадь. — Фотография Н. Рахманова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.02.85.
Подписано к печати 13.03.85. А 04529. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 700 000 экз. Изд. № 606. Заказ № 198.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Новое плавание «Белой ладьи»

Традиционные соревнования клуба «Белая ладья» на призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала и в этом году привлекают сотни тысяч юных любителей шахмат. Турниры команд пионерских дружин прошли в районах, городах, областях. Идет упорная борьба за право выступить в республиканских первенствах, а там уже недалеко и финальные встречи сильнейших. В этом году они будут, как обычно, проходить в начале июня. Финиширует «Белая ладья» в грузинском городе Самтредиа.

Конечно, в нашей почте немало писем от ребят. Вот что пишет **Ира Пименова**, ученица 3-го класса школы № 17 (г. Загорск, Московская область).

«У нас в поселке два года работает шахматный клуб. Я и моя старшая сестра Таня занимаемся в этом клубе. Конечно, мы приняли участие в школьном турнире «Белой ладьи».

На районных соревнованиях наша команда победила. Потом мы играли на зональном турнире в городе Мытищи. Заняли второе место.

Рекордный результат был у Тани, она набрала 6 очков в семи партиях. Хорошо выступил и капитан команды Саша Маталыгин.

Первое место на турнире заняли наши постоянные соперники, ребята из школы № 24 города Мытищи».

К этому интересному письму добавим, что на закрытии соревнований заслуженный художник РСФСР М. И. Смирнов наградил команду-победительницу призом, который он сам подготовил для ребят. Этот приз — белая ладья, за которой стоит медвежонок со щитом и секирой.

А вот что пишет **Виктор Нестеров** из восьмилетней школы села Янышево (Вурнарский р-н, Чувашская АССР): «Во всех классах нашей школы прошли турниры клуба «Белая ладья». Играли и мальчики и девочки. В команду школы вошли Володя Максимов, Герман Николаев, Сережа Трофимов, Вячеслав Николаев, Лена Орлова. Команда упорно сражалась в районных соревнованиях, затем выступила в республиканском турнире. По праву мы входим в число лучших пионерских команд Чувашии».

Судейская коллегия журнала присвоила разряды многим юным шахматистам из этого села.

Много любителей шахмат в Чаганской средней школе № 1 (Теректинский район Уральской области). Здесь тоже проходят интересные соревнования. По итогам школьных турниров судейская коллегия журнала присвоила третий спортивный разряд ученику 8-го класса Иосифу Якобу. Четвертый разряд получили Нариман Жангиров, Ваня Гребенкин, Есен Дусаев, Амангельды Садыков, Игорь Лецкий.

Три важных требования

Мы получаем много задач, составленных ребятами. К сожалению, большинство этих задач имеет весьма существенные недостатки.

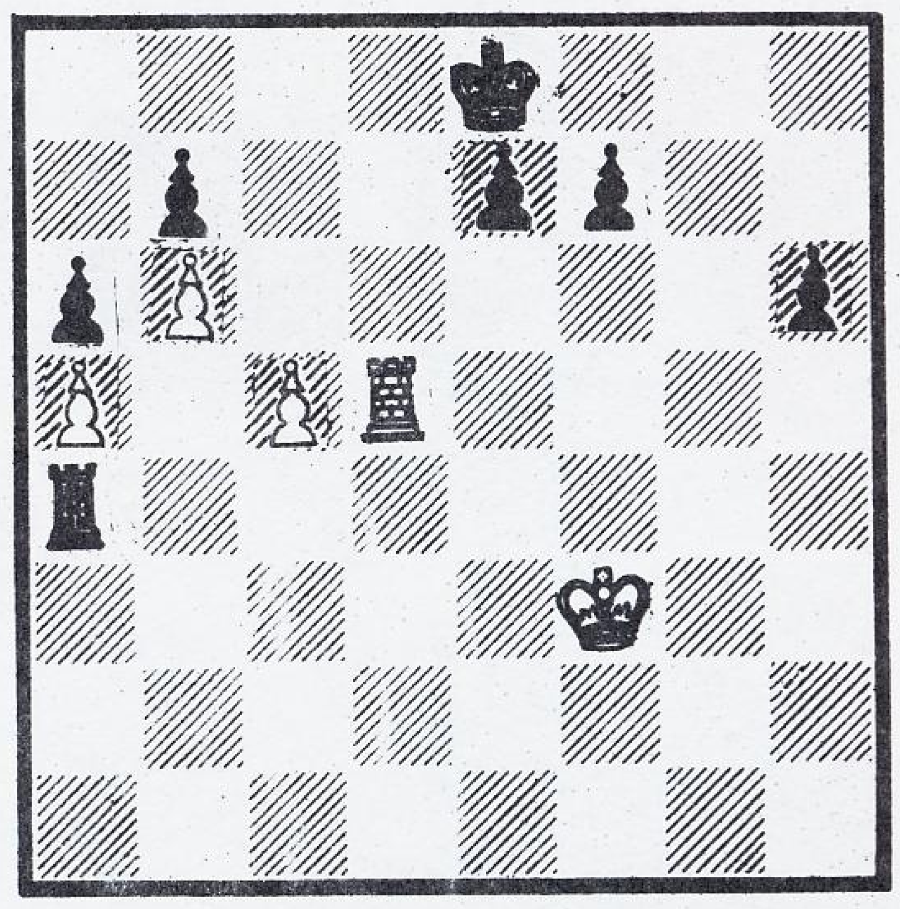
Вот, например, в задаче **Жени Тутек** (г. Воркута) доска полна фигур, которые не принимают никакого участия в решении. Женя и другие ребята должны запомнить важное условие шахматных задач. На доске должны действовать только те фигуры и пешки, которые необходимы для осуществления вашего замысла.

Саша Козлов (г. Энгельс), **Сережа Гурик** (г. Сымково Могилевской области), **Светлана Девяткина** (г. Оса Пермской области) и другие ребята прислали задачи, в которых решения начинаются с шаха или взятия фигур. С таких очевидных, бросающихся в глаза ходов решения начинать не следует. Такие задачи решать неинтересно.

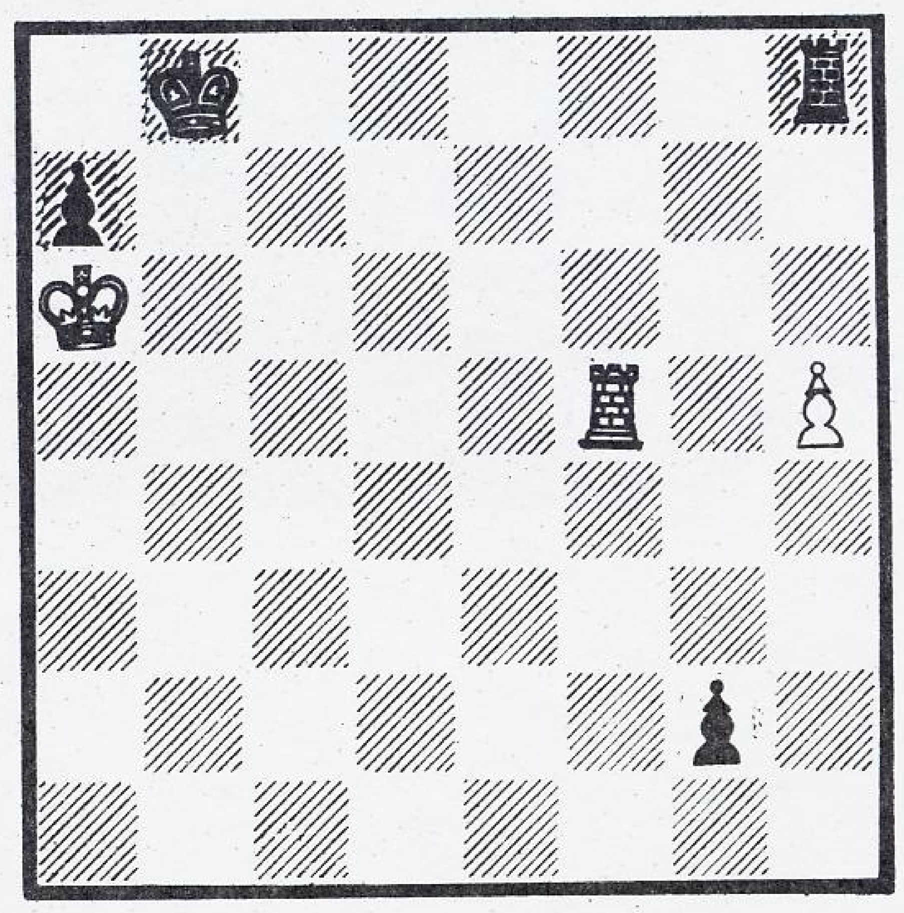
И, наконец, третье обязательное условие. Решение задачи должно быть единственным. Если путей к цели много, находить их просто.

Пионерская шахматная школа

Даже в самых, казалось бы, простых позициях таится подчас глубокое содержание, есть красивые комбинации. Попробуйте разобраться в двух ладейных окончаниях, не торопитесь с выводами, проверяйте свои варианты.



В этом положении — ход белых. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба?



А здесь белые, начиная игру, делают ничью. Не думайте, что это так просто. Ведь на 1. Лf5 — g5 черные могут ответить 1. ...Лh8 — h6+ и на 2. Кра6 — b5 Лh6:h5! И все-таки спасение у белых есть!

Ждем ваших писем. Правильное решение задания № 1 оценивается в 3 очка, задания № 2 — в 5 очков.

ISSN 0130—8009

ИЗ ФЕСТИВАЛЬНОЙ ПОЧТЫ «ПИОНЕРА»

Я живу в городе Стаханове, в Ворошиловградской области, на Украине. Мы, советские дети, хотим, чтобы на всей планете был мир. За мир во всем мире борется наша Коммунистическая партия, весь советский народ. Мы хотим, чтобы дружили дети всей земли. Пусть всегда будет мир!

Вадим Целуйко, ученик 3-го класса.

Цена 30 коп. Индекс 70694.